

А. ВЕТЛУГИНЪ

ГЕРОИ

и

ВООБРАЖАЕМЫЕ ПОРТРЕТЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО - РУССКОЕ ТВОРЧЕСТВО
БЕРЛИНЪ

1922

А. ВЕТЛУГИНЪ

ГЕРОИ

и

ВООБРАЖАЕМЫЕ ПОРТРЕТЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «РУССКОЕ ТВОРЧЕСТВО»

БЕРЛИНЪ

1 9 2 2

ИЕРИХОНСКИЕ ТРУБАЧИ.

... И смерти голосъ трубный!

I.

... А Пиппа все пляшетъ — обезумѣвшая фантастическая Пиппа. И они все трубятъ, трубятъ и топаютъ ногами.

... Мнѣ уже казалось, что я начинаю засыпать подъ гулъ этихъ побѣжденныхъ, не унывающихъ трубъ. По утрамъ въ солнечной пыли надъ Тріумфальной Аркой, въ ясныхъ даляхъ Елисейскихъ полей, днемъ въ засасывающемъ потокѣ большихъ бульваровъ, въ сумеркахъ на отраженныхъ Сеной, притаившихся набережныхъ мерешилась все та-же русская скука, порочная, безсмертная, бесполая, пошлая, какъ пятьдесятъ тысячъ лакеевъ, вмѣстѣ взятыхъ.

... Давно это было, много раньше Рождества Христова. Лѣтомъ 1917 года, вотъ тѣмъ самымъ огневымъ лѣтомъ, когда нѣкто за нѣчто «Россію разлюбилъ». Четверо въ сѣрыхъ гимнастеркахъ везли съ Кавказа царского генерала. Везутъ день, везутъ второй, везутъ третій. Охаетъ паровозъ на подъемахъ, матомъ всеобъемлющимъ ре-

вутъ разъѣзды, полустанки, узловыя. Коридоры заплеваны, купэ прокурены, къ сортирамъ не протолпиться. И нѣтъ конца-крайа поѣздкѣ ненужной, омерзительной. Подумаешь, большое дѣло за тридевять земель въ Питеръ старика возить. Будто въ Тифлисѣ, въ Баладжарахъ, въ Грозномъ не убиваетъ пуля, не колетъ штыкъ? И нѣтъ конца-крайа остервенѣнію къ кому-то Третьему — отъ жары, духоты, вонищи — и ежесекундно возрастаетъ гадливая жалость къ сморщеному, небритому, дрожащему старику. Вся жизнь его керенки не стоитъ, а тутъ, п одиши, четверо молодыхъ страдаютъ скучаютъ, скучаютъ. Ползетъ, ползетъ, гудить, гудить. Въ Тифлисѣ, въ Верійскихъ садахъ сейчасъ музыка играетъ, пахнетъ карачаевскимъ барашкомъ и киснетъ козій сыръ. Дѣвки накрашенныя, грудастые, черноглазыя прыгаютъ на колѣни и просятъ угостить ихъ грушой-дюшесъ.

... Стариkъ со сна что-то говоритъ; пованиваетъ отъ него, охъ пованиваетъ! И по щетинистому подбородку слюна растекается... Еще часъ, другой, отъ тоски надо окна прикладомъ расшибать, головой внизъ на полотно кидаться.

Четверо сѣрыхъ молчаливыхъ, безъ говора, безъ знака, хватаются за винтовки — и въ дикомъ отчаяніи, все въ той-же гадли-

вой жалости закалывают царского генерала!

...И другой случай — въ Киевѣ. Дѣло подъ вечеръ. Приходятъ съ обыскомъ, все по хорошему, мандатъ въ порядкѣ. «И берутъ они человѣчека и ведутъ его прямо въ ве-че-ка». Человѣчекъ идетъ впереди, пять мандатовъ позади. Человѣчекъ попался смѣтливый. Чуетъ, что въ душахъ мандатскихъ буря поднимается и губы подрагиваютъ и какой-то разговоръ неясный. Будто жалѣютъ, будто... похоже окончится. Человѣчекъ обдумываетъ: пропалъ я, *пожалѣли* они меня, значитъ отъ *жалости* до ве-че-ка не доведутъ, мучать не захотятъ и въ спину трах-та-ра-рахъ... Человѣчекъ искаженную свою рожицу къ мандатамъ поворачиваетъ и на полный ходъ, по военно - морскому уставу — «Сволочи, христопродацы, мать вашу такъ и сякъ, за руку и за ногу»... И пошелъ, и — пошелъ, пошелъ. Чистить на чемъ свѣтъ стоитъ, а въ душѣ именины. Потому что видитъ — лица багровѣютъ, губы сжимаются и въ глазахъ грязь бездонныхъ колодцовъ: жалость проходитъ, такого и помучить не мѣшаетъ...

«Слышишь ты, курва, такъ и такъ, иди и не матюкайся. Какіе мы ни есть, въ ве-че-ка разберутъ»...

Спасся смѣтливый человѣчекъ!..

... Цвѣточки, цвѣточки, ягодки были впереди. Въ городѣ-свѣточѣ, на авеню зарѣзанного Клебера, въ Мажестикъ-отелѣ, выстроенному для удобства и быстрыхъ тратъ заѣзжихъ американцевъ, въ подвалномъ концертномъ залѣ, я самъ себѣ чуть-чуть горло перочиннымъ ножикомъ не перерѣзалъ. Отъ революціонной гадливой жалости, отъ Русской Скуки, отъ омерзѣнія предъ гуломъ Іерихонскихъ Трубачей. То ли Съѣздъ Национальный, то ли Съѣздъ Торговопромышленный. Развѣ разберешь? По рядамъ отъ первого до послѣдняго полированная лысина: Молодая Россія. На эстрадѣ, за столомъ и столикомъ — пенснѣ, очки, черепаховые лорнеты: про видцы русскихъ судебъ. То ли Павель Рябушинскій земли крестьянству отдаетъ, то ли Карташовъ, профессоръ и теургъ, съ закрытыми глазами речеть о свѣтлыхъ Галлипольскихъ юношахъ...

Вѣрьте же: Вѣчная Женственность нынѣ

Въ тѣлѣ нетлѣнномъ на землю
идетъ...

Вѣчная Женственность — Врангель; тѣло нетлѣнное — Кутеповскіе батальоны...

И трубятъ, трубятъ, и топаютъ ногами. Всему Парижу (русскому крохотному Парижу) извѣстная хромая женщина, служа-

щая въ Surété Generale отъ вдохновенія
костылемъ стучить. Вѣрьте же, Вѣчная
Женственность!

А стѣны все не падаютъ, и управляющій
Мажестика чрезвычайно волнуется, скоро
ли окончится засѣданіе.

На 8½ вечера въ подвальномъ концерт-
номъ залѣ назначенъ концертъ цыганки
Ани, и публика уже съѣзжается, а юни еще
только-только вторую привѣтственную те-
леграмму обсуждаютъ...

Бѣжимъ, дорогой, бѣжимъ. Лучше въ
нужникѣ утопиться, чѣмъ въ Трубы Іери-
хонскія гудѣть. „Дорогой“ открываетъ осо-
ловѣвшіе глаза — и я у менѣ — спрашиваю:

Но куда-же? Дослушаемъ до резолюціи...
Брось, плюнь, поѣдемъ къ женщинамъ.
Тамъ Трубы не гудятъ.

Были женщины, сорокъ пять женщинъ,
цѣлый парадъ. Была купля-продажа. И піа-
нола (пріобрѣтена въ разсрочку) играла
Шопеновскій вальсъ. Но Трубы молчали,
гадливая жалость проходила, душа просы-
палась.

Господь Богъ Трубачей простить? Его
дѣло, можетъ быть и простить. А я не
могу и не хочу...

II.

Быть въ поѣздѣ — изъ Парижа въ Берлинъ. Вопиль вагонъ международнаго о-ва спальныхъ вагоновъ. Англичанинъ яростно дымилъ, дергалъ сѣрую, шелковую кепку: *no ship, no business!*.. Французъ кусаль выхоленные усы: *pas des affaires, pas des affaires!* Голландецъ что-то по своему плакалъ, очень сильно плакалъ, не довелось, жаль, голландца понять. Рестораторъ подымалъ кверху руки, горящія перстнями: Какой ужасъ, какой ужасъ, міровая исторія свихнулась, за обѣдомъ въ вагонѣ-ресторанѣ никто уже не требуетъ ликеровъ и *sleeping-car* наполовину пустъ...

Мчались по сѣверу Франціи. Въ окна глядѣли ночь, кресты братскихъ могиль, триста верстъ фугасами вспаханного поля. Городъ Верденъ: 14.000 жителей и 400.000 мертвыхъ...

Pas des affaires, pas des affaires!

O, yes, o, yes, no ship, no business.

Со мной рядомъ сидѣлъ бородатый Іерихонскій Трубачъ и доказывалъ, что Радекъ въ молодости часы свиснуль и потому Россию спасетъ генералъ Кутеповъ...

O, yes, o, yes!! . . .

Въ дорогѣ межъ Парижемъ и Берлиномъ пересчитывалъ „*Les dieux Ont soif*“ и вспо-

миналъ Версальскій памятникъ генералу Hoche, подавителю Вандеи... Что жъ потру-
бите еще годикъ — на Красной Площади
узримъ памятникъ русскому Hoche — пол-
ковнику Каменеву... Вы не согласны? Не
надо, не соглашайтесь, только ради Бога,
не топайте ногами. Будете топать — ни-
когда не доживемъ до финала — «Les dieux
ont soif»: вечеромъ 9 термидора вмѣсто
кровавой Ca-ira весь Парижъ поетъ — „Pe-
uple franÃ§ais, peuple de frÃ¨res“... .

Пріѣхалъ въ Берлинъ, пошелъ гулять, ко-
нечно на Курфюрстендаммъ. Встрѣтилъ
знакомую. Въ давно прошедшемъ заводы,
конюшни, особняки, зимній садъ, въ на-
стоящемъ — то, что — дамы съ Курфюрстен-
дамма и Іерихонскіе Трубачи съ авеню Кле-
беръ — называютъ: «большевичка»... Раз-
сказывала долго; рассказала всѣ четыре
года. Кровь, кровь. Не убивать нельзя.
Такъ надо, такъ будеть хорошо. Голосъ
маньяка, жесты фанатика. Потомъ посмо-
трѣла и сказала: «Только мы съ вами на
разныхъ языкахъ говоримъ, вы не пойме-
те»... Я вспомнилъ революціонную жалость,
Особый отдѣлъ генерального штаба, взя-
тіе Царицына, Киевскую «пытку страхомъ»
— и твердо — съ неожиданной, въ мигъ
выростающей твердостью — отвѣтилъ:
«Нѣть, мы говоримъ на одномъ и томъ-же

языкъ. Я все поняль. Я тоже больше не запугиваю стѣнь трубами!..

Боги жаждутъ, Боги требуютъ — но... „Peuple fran ais, peuple de fr es“! . .

И, если даже слишкомъ много крови нужно жаждущимъ богамъ, то и тогда — на пятый годъ, видѣвъ все, пройдя Корнилова и Деникина, Врангеля и Отель Мажестикъ, на пятый годъ, продолжая спать со сжатыми кулаками, я прислушиваюсь къ неумолкающимъ Іерихонскимъ Трубамъ и говорю: „Лучше ли Троцкій? Не лучше, не хуже; для одной шестой части суши нужны другія категоріи. Цѣлесообразнѣе!..“

III.

Інтеллигенція и революція?

Умирающій Розановъ отвѣчалъ: «Насладившись вдоволь этимъ ужаснымъ зреющимъ, мы собрались одѣть шубы и идти домой. Но оказалось, что шубы украдены, а дома заняты» ...

А у васъ въ Россіи тоже попадаются Іерихонскіе Трубачи?

Пріѣзжій, настоящій, стоящій, талантливый, все перетерпѣвшій человѣкъ съ грустью отвѣчаетъ: «Въ этомъ-то и состоить нашъ самый большой ужасъ. У васъ трубы — Врангель, Кутеповъ, царь, учредилка — это смѣшно и жалко. У насъ иныхъ

трубные пѣсни: «край родной долготерпѣнья, особенная стать, небывалый умственный расцвѣт», свѣть съ Востока» и пр. и пр. Пока не поймутъ, что столько разъ оплеванные совбуръ и мѣшечникъ болѣе шевелять и возрождаютъ Россію, чѣмъ музыканты-самохвалы — настоящая жизнь не придетъ. Правительство пусть остается, но... Кто же подумаетъ о Туркестанскомъ хлопкѣ, о бакинской нефти, о донецкомъ углѣ, объ Уральскомъ желѣзѣ?! Вотъ наша подлинная стать. Поменьше «любви къ родинѣ» и долготерпѣнья, побольше колонизации, если хотите даже эксплуатациі!..

... О, если бы поняли, если-бы перестали «жалѣть»!.. Будутъ жалѣть, будутъ о долготерпѣнїи трубить — не «доведутъ» Россію, убьютъ Россію... Перестанутъ жалѣть, начнутъ мучить, эксплуатировать, колонизировать — спасена Россія.

Жизнь Россіи — смерть Іерихонскихъ трубачей. Смерть Россіи — жизнь Іерихонскихъ трубачей. Пока послѣдній не вымретъ, не войдемъ въ землю обѣтованную.

Меньше жалости, больше сжатыхъ кулаковъ, замороженной ненависти!..

... А Пиппа все пляшетъ — обезумѣвшая, фантастическая Пиппа. И они все трубятъ, трубятъ, и топаютъ ногами!

Берлинъ, 27 марта 1922.

РАСПОРЯДИТЕЛИ ИГРЫ.

I.

Они не пишутъ мудрыхъ книгъ; они не знаютъ мудренаго уклада. Опіумъ запада —бібліотека — не им'єть на нихъ ни малъйшаго вліяння.

Жизнь — сонъ; жизнь — игра. Не старайтесь проснуться, добивайтесь выигрыша. Вместо эпоса, драмы, лирики, они творять послушные парламенты, перепродаютъ контрольные пакеты на цѣльные материки, опредѣляютъ биржевыми сдѣлками содержаніе десятилетій... Они, конечно, мечтатели, но они золотые мечтатели; они, конечно, режиссеры, но ихъ труппа—все человѣчество. Энженю-драматикъ, эпизодические персонажи, первые любовники: коммунизмъ, монархизмъ, радикализмъ...

Не все ли равно?

Каждый долженъ сыграть ту роль, какую они ему укажутъ. За отказомъ последуетъ уничтоженіе. Игрокъ, не подчиняющійся правиламъ, удаляется изъ клуба. Если даже для Наполеона Вольфгангъ Ге-

те, Voilà l'homme, то для современныхъ учителей жизни Гете — великий миѳъ. Гуго Стиннесу не нуженъ Гете, Гуго Стиннесъ способенъ устроить Вальпургіеву ночь и въ мѣщанское утро кислосладкой Версальской Германіи.

Директора Royal Dutch'a обойдутся и безъ Шекспира: кто хоть разъ испыталъ священную радость борьбы за нефть, для того гений трехъ стѣнъ лишенъ всякой изюминки. Въ мірѣ нѣть ничего кромѣ нефти: великую войну по признанію раздосадованного политика выиграла нефтяная волна.... Въ мірѣ нѣть никого кромѣ Рокфеллера съ его Standart Oil Co и Гюльбенкьяна съ его Royal Dutch'емъ. Всѣ остальные — статисты. Одни съ правомъ реплики: Ллойджъ-Джорджъ, Брайанъ, Гардингъ, другие только для массовыхъ сценъ. Народы существуютъ единственно для приданія нефтяному revue грандіознаго характера..

Не говорите о разоруженіи, можете построить шестнадцать сверхдредноутовъ, можете не строить ни одного. И у домашней прислуги бываютъ вечеринки: пусть они развлекаются въ Вашингтонѣ, Версалѣ, Парижѣ... Все равно: міровая гегемонія останется за тѣмъ, кто захватитъ гегемонію нефтяную.

Гюльбенкъянъ... Да здравствуетъ Англія!
Рокфеллеръ... Слава Америкѣ!

Франція выиграла войну, у нея есть шесть маршаловъ, но только одинъ Лушеръ; увы, и у Лушера минуты жизни не выражаются въ тоннахъ нефти бьющихъ фонтановъ. Слѣдствія понятны. Сумерки латинской культуры — вздыхаютъ статисты лирическіе; ужасающая политическая изоляція — блѣдиютъ статисты политическіе.

II.

Когда-то Гоголь совѣтовалъ проѣхаться по Россіи. Теперь его совѣтъ потерялъ остроту для русскихъ и пріобрѣлъ для иностранцевъ. Уэлльсу надо видѣть Петербургъ, Москву; петербуржцу, если онъ хочетъ пройти курсъ новаго ученія о жизни, надо проѣхаться по Европѣ и Америкѣ.

Русскій, не бывшій въ Лондонѣ, Парижѣ, Нью-Йоркѣ и т. д. послѣ армистиса, знаетъ о мірѣ значительно меньше, чѣмъ европеецъ, не бывшій съ 1914 въ Петербургѣ, знаетъ о Россіи. Отсюда туда чрезъ китайскую стѣну еще можно кое-что увидѣть, оттуда сюда — ничего и никогда.

У европейца могутъ быть превратныя понятія: одинъ вѣритъ въ рай, другой вѣритъ въ супъ изъ человѣческихъ пальцевъ,

какая-то равнодѣйствующая правды о Россіи все-же опредѣляется.

Русскій живеть исключительно миражами: одинъ ждетъ англійского флота, другой сообщаетъ объ имѣющемъ завтра утромъ начаться міровомъ пожарѣ. Новый паѳосъ Европы и Америки невѣдомъ никому изъ ста пятидесяти миллионовъ. Центръ не въ происшедшихъ **виѣшнихъ** измѣненіяхъ; дѣло не въ томъ, что за десять долларовъ вы получите въ Нью-Йоркѣ чернорабочаго на день, а въ Вѣнѣ Эрцгерцогиню на ночь, что Парижъ сталъ серьезнѣе, а Лондонъ легкомысленнѣй, что Берлинская полиція начала брать взятки, а Парижская продолжаетъ избивать арестованныхъ... Лицо Европы и Америки гладко выбрито и загадочно, развѣ чуть-чуть подернуто печалью. Не по лицу, не по его морщинамъ судить totъ, кто успѣлъ «пробѣгаться»...

Появились новые учителя жизни. Война научила вѣрить только въ силу во первыхъ и только въ истинныхъ обладателей силы во вторыхъ. Война изничтожила право, остался правовой пессимизмъ. Война не замкнула своего вліянія въ рамкахъ четырехъ лѣтъ. Она наложила руку и на послѣдующіе акты *revue*. Четверо Андерсеновыхъ королей, въ окружениіи моноклей, эполетъ, многодумныхъ экспертныхъ лбовъ, длин-

ные мѣсяцы совѣщались, спорили, чертили какія-то карты. И получился Версальскій договоръ: проигранная побѣда тріумфаторовъ, звѣриное озлобленіе побѣжденныхъ.

Два тихихъ любезныхъ господина нѣсколько часовъ провели въ номерѣ Висбаденской гостинницы — и побѣдитель увидѣлъ реальные плоды побѣды и побѣженный узналъ возможность изжитъ пораженіе. Одного господина звали Луи Лушеръ, другого Ратенау. Оба они — главные персонажи, настоящіе распорядители франко-германской игры, истинные обладатели силы. Нужды нѣть, что Клемансо при жизни ставить памятникъ, а Лушеру и въ гробъ загонять осиновый коль.

Не перевоспитывайте чернь, удовлетворяйтесь намордникомъ, разрѣшите фаворитамъ черни, сидя въ каретѣ, дергать за шнурочки, вожжи все равно въ рукахъ хозяина. Такова первая заповѣдь новыхъ учителей жизни.

Умные статисты, дорожащиѳ своимъ мѣстомъ, стараются не зарываться и не употреблять во зло довѣrie хозяина. Умень Ллойдъ-Джорджъ, котораго во всей Британской имперіи интересуетъ лишь Филиппъ Сассунъ. Въ трудную минуту премьеръ ѳдетъ къ распорядителю игры и получаетъ отъ него мудрый совѣтъ. Поэтому

Ллойдъ-Джорджу не страшна никакая оппозиція, поэтому Ллойдъ-Джоржъ способенъ предпринять то, что свалило бы любого премьера. Жизнь по Филиппу Сассуну — это звучить лучше, чѣмъ довѣrie, вотированное парламентскимъ большинствомъ...

Поэтому то Матіасъ Эрцбергеръ человѣкъ, имѣвшій всѣ шансы стать учителемъ жизни, но рискнувшій на борьбу съ распорядителями игры, потерялъ и роль и жизнь.

III.

Эрцбергеръ былъ однимъ изъ тѣхъ людей, для которыхъ жизнь начинается завтра. Сегодня они наступаютъ на ногу всѣмъ современникамъ, сегодня имъ трудно гарантировать даже личную безопасность. Новый человѣкъ въ полномъ смыслѣ слова, Эрцбергеръ былъ и чистокровнымъ искушеннымъ патріотомъ: значитъ жизнь его не могла не стать цѣпью неизбѣжныхъ компромиссовъ — этихъ роковыхъ апельсинныхъ корокъ, которыми демагоги пользуются для сокрушенія столповъ и безъ которыхъ искусство управления превратилось бы въ жалкую диллетантщину чугунныхъ, но честныхъ генераловъ...

Его здоровая тевтонская голова такъ презирала всяческое ханжество, официальную мистерію, офиціозный клерикализмъ... Но непогрѣшимое чутье подсказывало ему, что пока основой современного государства остаются восторженные дураки, спайка католицизма есть и будетъ лучшимъ изъ патентованныхъ средствъ предвыборного околпачиванья... И двадцативосьмилѣтній Эрцбергеръ, въ отвращеніи зажимая носъ отъ запаха ладана, рясы, богомольной толпы, проходить въ Рейхстагъ представителемъ католической партии, въ самый короткій срокъ становится лидеромъ чернокраснаго движенія, чуть ли не германскимъ Ламеннэ...

Отъ А до Z... Послѣдніе предвоенные годы застаютъ Эрцбергера въ авангардѣ неистового непримиримаго алармизма. Война — сплошной идіотизмъ, война — разорение прежде всего именно побѣдителя; въ борьбѣ народовъ побѣжденная сторона лишается всего благосостоянія и никакіе трактаты не въ состояніи заставить нищихъ «неудачниковъ» заплатить миллиарды... нищимъ «счастливцамъ». Въ результатѣ легендарно-удачной войны побѣдитель не сможетъ вернуть своего прежняго благосостоянія, прочности быта, налаженности соотношеній. Да, да, все это такъ. И для

Эрцбергера все это «ясно, какъ простая гамма». Но... что подѣлаешь, если только красный платокъ, дурацкій деревенскій крашеный платокъ, способенъ поддерживать быка въ состояніи перманентнаго активизма и безумія... Если нѣмецкій народъ ради миража побѣды способенъ на чудеса, если германскій пролетаріатъ становится въ мигъ вѣрноподданнымъ и по совѣту императора идетъ молиться въ свои храмы? Подавляя вспышки клокочущаго сарказма, стараясь не слышать собственныхъ словъ, Эрцбергеръ въ 1913 году произносить рѣчь на тему о пятидесяти миллиардахъ. „Рано или поздно — Седанъ повторится. Франція намъ заплатить не пять, а пятьдесятъ миллиардовъ“...

Еще весной 1914 онъ проповѣдуетъ сближеніе съ Англіей, «единственный разумный союзъ, союзъ не наперекоръ стихіямъ, а въ духѣ реальной политики»... Но разъ война уже начата, она должна быть выиграна. Нужно разжечь мстительность тамъ, где можетъ изсякнуть энергія. Только ненависть даетъ побѣду, любовь... любовь жертвуетъ десять пфениговъ. Любовь это лицо, пожелавшее остаться неизвѣстнымъ (двѣ порванныхъ сорочки и одни сапоги) и невредимымъ...

Эрцбергеръ воспѣваетъ ненависть къ

Англії. Всѣ способы хороши. «Лучше разрушить весь Лондонъ, чѣмъ потерять одного германскаго солдата. Не жалѣйте дѣтей, до конца войны они вырастутъ и могутъ дать лишнихъ солдатъ Антанту»...

Одновременно съ берлинскими статьями, въ Лугано Эрцбергеръ образуетъ центръ германскаго шпіонажа для Италіи. На учетъ взяты итальянское самолюбіе, итальянское чванство, итальянское миролюбіе, итальянская коррупція. Подкупъ редакторовъ и покушенія на депутатовъ, скупка контрольныхъ пакетовъ заводовъ, способныхъ вырабатывать снаряженіе и немедленное ихъ переустройство, организаціи Черной Руки и соглашенія съ полиціей, флиртъ съ соціалистами и посулы правительству всяческихъ компенсацій за нейтралитетъ...

Еслибъ не брутальная политика Бюлова, кто знаетъ какими результатами увѣнчалась бы ювелирная работа Эрцбергера?..

Тщетны усилія трехлѣтней легендарной борьбы со всѣмъ міромъ. Чуткое ухо улавливаетъ частые перебои въ пульсѣ изнемогающей Германіи; новые возможности для непредвидѣнного хода раскрываетъ русская революція. Съ подводной войной, съ адмираломъ Тирпицемъ покончено. Нужно воздѣйствовать на римскаго папу, интриговать противъ Людендорфа и воз-

будить надежду. Лѣтомъ 1917 года Эрцбергеръ выступаетъ съ обширной рѣчью о главныхъ предпосылкахъ мира: миръ долженъ быть заключенъ безъ аннексій и контрибуцій...

Отнынѣ философскій камень найденъ! Слово произнесено. Пусть оно безсодержательно, пошло, бездарно, пусть оно подходитъ подъ Кантовское опредѣленіе: „Zweckmässigkeit ohne Zweck“ . . .

Ахъ обмануть того не трудно,
Кто самъ обманываться радъ...

Эрцбергеръ — самый популярный человѣкъ въ это лѣто. Онъ — кумиръ осиротѣвшихъ дѣтей, дрожащихъ женъ и матерей, подростающихъ юношей. Человѣкъ, который знаетъ, какъ прекратить бойню!

Ступень за ступенью, украинская авантюра, бѣшенство конца — берты громятъ Парижъ, а онъ все твердитъ: «Миръ, миръ, миръ во что бы то ни стало»...

Переворотъ произведенъ, какъ бы специально для него. Максъ Баденскій сразу стушевывается предъ этимъ любимцемъ вышедшей на улицу толпы. Только Эрцбергеру по силамъ свиданіе съ тріумфаторомъ Фошемъ — и онъ ёдетъ въ Компьенскій лѣсь, переступаетъ порогъ отнынѣ исторического салонъ-вагона.

Въ день армистиса мы сидѣли компаніей русско-нѣмецкихъ журналистовъ въ «Адлонъ-Отель». Городъ былъ, какъ адъ, почувявшій возможность спасенія. Наэлектризованное ожиданіе, истерики, слезы... Мы — русскіе — отъ души сочувствовали въздохамъ миллионнаго Берлина. Годъ назадъ, когда еще не все пропало, какъ мечтала, какъ тосковала о мирѣ потрясенная Россія...

Мальчишки ворвались съ экстреннымъ прибавленіемъ: Эрцбергеръ телеграфировалъ о заключеніи перемирія. Побѣжденный Берлинъ ликовалъ вечеромъ 11 ноября не менѣе побѣдоноснаго Парижа. Незнакомые люди обнимались, старики танцевали на улицахъ...

На слѣдующее утро въ столовой нашего пансіона съ рѣчами, съ помпой былъ воздруженъ портретъ Эрцбергера. Новый человѣкъ переживалъ свою кульминацію...

Любить умѣютъ только мертвыхъ. И когда первые восторги прошли, когда чувство спасенной жизни потеряло остроту, заговорили, заработали тѣ, кто вечеромъ 11-го ноября предпочитали таиться.

Человѣка, заключившаго перемиріе, человѣка, осмѣлившагося создать въ Веймарѣ (лѣтомъ 1919) большинство для ратификаціи Версальскаго договора, жгучей не-

навистью возненавидѣла вся старая «добрая» Германія. Юнкера, не разстающіеся съ юрсетомъ, пивовары же призывааго возраста, перекрасившіеся генералы, организаторы маскарадовъ, именующихся «вольными пожарными обществами», представители нуворишей-враговъ сильнаго обложенія, соединившіеся въ общемъ чувствѣ мести друзья Коппа и Каппа; Эрцбергеръ дерзаль говорить острья слова, надъ Эрцбергеромъ уже были занесены карающіе мечи. А онъ не смущается и предпринимаетъ настоящій крестовый походъ: «Германіи не нуженъ реваншъ. Она должна работать и платить по Версальскимъ обязательствамъ. Намъ не нужны ни Виттельсбахи, ни Гогенцоллерны, намъ нужно, чтобы Стиннесы не увиливали отъ несенія Версальской ноши. Стиннесы платятъ слишкомъ мало. Они должны принести жертвы или ихъ заставятъ быть патріотами»...

Дорогой цѣной поплатится Эрцбергеръ за эту попытку сокрушить распорядителей германской игры: заключайте перемирія, но не трогайте королей стали...

Сперва его смѣшаютъ съ грязью: дѣло въ томъ, что самъ Эрцбергеръ, конечно не любить платить налоговъ и тщательно скрываетъ отъ фиска точную цифру своихъ доходовъ. Такіе люди, какъ онъ, слишкомъ

цѣнять радость жизни, чтобы распространять правила своей морали на свой собственный обиходъ. Эрцбергеръ считалъ, что его рѣчи достаточно искусный ersatz уплаты налоговъ...

Потомъ, когда политикъ убитъ Моабитскимъ процессомъ. (1920), приходитъ чредь человѣка. Но и тутъ онъ остается незауряденъ: для него потребовалось цѣлыхъ двѣнадцать пуль...

Не всѣ мертвы, кто похороненъ. Завтрашняя Германія будетъ Германіей Эрцбергера. Ему поставятъ памятникъ тогда, когда новые люди дождутся своего поколѣнія. Это поколѣніе пойметъ, что изъ Компьенского позора вырастаютъ цвѣты много лучшe Седанскихъ, тріумфальныхъ. Все дѣло въ искусствѣ садовника. Все искусство въ умѣніи плыть по теченію распорядителя игры.

Трагедія жизни Эрцбергера въ томъ, что онъ не ощущилъ своего сродства со Стиннесомъ, что онъ, обладая всѣми компромиссами Ллойдъ-Джорджа, не захотѣлъ пойти на главный компромиссъ. Какъ истинный Предтеча, самъ онъ не могъ создать Нового Завѣта и умеръ на порогѣ желанаго эона...

IV.

Есть громадная разница межъ европейскими и американскими распорядителями игры. Въ Америкѣ традиція и давность; въ Европѣ полное отсутствіе прошлаго — предки начинаются съ 1914... Въ Америкѣ «Standart Oil», за спиной котораго изумительная полузвѣковая работа Рокфеллера старшаго, начавшаго свою коммерческую дѣятельность въ возрастѣ одиннадцати лѣтъ разводкой племенной птицы. Въ Америкѣ желѣзнодорожный король Гэрриманъ, уже отецъ котораго нажилъ и кредитоспособную славу и миллионы долларовъ постройкой великаго трансатлантическаго пути. Нынѣшнему Гэрриману неполныхъ тридцать лѣтъ. Онъ любить, умѣеть, стремится рисковать, но въ корнѣ испорченъ американскими условіями, неповторимыми нигдѣ въ мірѣ. Онъ хочетъ возстановить русскую желѣзнодорожную сѣть и, чтобы застраховаться на всѣ возможные случаи, поручаетъ своимъ инженерамъ заручиться согласіемъ не только совѣтской власти, но и всѣхъ остальныхъ правдоподобныхъ комбинацій...

По американски звучитъ остроумно, но переведите этотъ желѣзнодорожный планъ на языкъ Тютюника, Агела, Петлюры!..

Различіе европейскихъ и американскихъ распорядителей наиболѣе ярко выявилось въ борьбѣ за міровую гегемонію — въ войнѣ за нефть.

У Рокфеллера мудрая осторожность. «А старость ходить осторожно и подозрительно глядить». Каждая вещь стоитъ въ его глазахъ ровно столько, за сколько ее можно въ данный моментъ продать: онъ не фестишируетъ свою нефть. Начало всѣхъ началь дѣятельности его Standart Oil — захватъ рынковъ. Лишь бы были покупатели, лишь бы каждую тонну нефти можно было превратить въ мѣшочекъ золота. Ради новаго рынка допустимы любыя затраты. Завоеваніе Рокфеллеромъ китайского рынка — изумительнѣйшая страница въ исторіи англо-саксонской расы; по блеску и по упорству она оспариваетъ лавры завоевателей Индіи.

Въ девятисотыхъ годахъ вниманіе Рокфеллера было привлечено слѣдующимъ недопустимымъ явленіемъ: четыреста миллиновъ сыновъ поднебесной имперіи не платятъ никакой дани Standart Oil... Въ чемъ же дѣло? Быть можетъ у нихъ густая сѣть электрическихъ станцій? Нѣть, они по прежнему довольствуются лучинами. Но вѣдь керосиновая лампа и ярче и дешевле лучины. Они не привыкнутъ къ керосину,

у нихъ тысячелѣтняя традиція... Абсурдъ, Рокфеллеръ не останавливается передъ тысячелѣтіями, онъ способенъ скупить годъ за годомъ всѣ времена вплоть до первичнаго катаклизма.

Агентами Рокфеллера становятся... учителя буддійской мудрости. Мильярды плакатовъ, исполненныхъ въ духѣ запросовъ китайской массы, наполненныхъ цитатами изъ священныхъ книгъ, легендъ, преданій, доказываютъ съ ясностью золотого обращенія, что уже великій Будда зналъ о существованіи керосина, презиралъ лучиновое освѣщеніе и завѣщалъ всѣмъ вѣрующимъ преодолѣть косность.

Въ концѣ плаката указывалось, что Standard Oil Co, будучи не въ силахъ наблюдать дальнѣйшее попраніе Заповѣдей Учителя и дальнѣйшую погибель душъ, во всѣхъ остальныхъ отношеніяхъ безгрѣшныхъ, рѣшила каждому сыну Поднебесной Имперіи подарить по отличной керосиновой лампѣ и въ теченіе полугодія совершенно бесплатно снабжать ее священной жидкостью для поддержанія неугасимаго пламени во славу Будды. Одновременно, въ городахъ, мѣстечкахъ, поселеніяхъ, на площадяхъ предъ храмами и на базарахъ, проповѣдники принялись разъяснять своей паствѣ, что самъ Будда, разочаровавшись

въ китайцахъ, рѣшилъ посредствомъ чужеземцевъ добиться изгнанія позорныхъ лучинъ...

Первый періодъ войны съ китайской косностью продолжался пять лѣтъ. За это время наиболѣе подозрительные старики согласились принять отъ Рокфеллера его данайскій даръ. Совершенно ясно, что за полгода керосинового освѣщенія вся Поднебесная Имперія успѣла оцѣнить достоинства нововведенія и, когда окончился срокъ бесплатной раздачи керосина, владѣльцы лампъ втянулись въ покупку керосина. Чтобы не обезкуражить четыреста миллионовъ потребителей, на керосинъ была назначена самая ничтожная цѣна — почти въ убытокъ. Въ теченіе пяти лѣтъ цѣна эта возростала каждые три мѣсяца, возростала, хотя и въ гомеопатическихъ доzechъ, но неуклонно и прогрессивно. Къ концу первого періода, на исходѣ пятаго года, Standard Oil Co обезпечила себѣ продажу гигантскаго количества керосина по цѣнѣ, въ нѣсколько разъ превышающей цѣны, существующія въ Америкѣ и Европѣ. Расходы по изготавленію лампъ и льготному полугодію были покрыты сполна и въ послѣдующіе годы Китайскій рынокъ превратился въ богатѣйшаго данника семьи Рокфеллеровъ...

Что въ Китаѣ, то и въ остальномъ мірѣ. И до войны и во время войны и послѣ войны Рокфеллеръ остался вѣренъ своей теоріи: на первомъ планѣ новые и новые рынки. Старый распорядитель игры не захотѣлъ включать въ свою концепцію того, что ему казалось романтикой и что было выдвинуто расцвѣтшимъ за войну англійскимъ обществомъ Шелля, въ соединеніи съ голландскимъ Royal Dutch Co, образовавшимъ второй великий нефтяной трестъ.

Европейскіе распорядители игры съ презрѣніемъ отвергаютъ самую мысль о необходимости завоеванія рынковъ. Нефтяная волна выиграла войну. Нефть единственный продуктъ въ мірѣ, производство котораго никогда и ни при какихъ условіяхъ не можетъ стать чрезмѣрнымъ. Скорѣе хлѣбъ сгниетъ въ амбарахъ: хлѣбъ можно только есть, а нефть... нефть своимъ появленіемъ вызываетъ зарожденіе новыхъ и новыхъ предпріятій, которыя съ увеличеніемъ работы увеличиваютъ потребленіе нефти.

Міръ оплетается сложной системой сосудовъ, получающихъ питаніе отъ нефти и дающихъ питаніе владѣльцамъ нефти. Гдѣ нефть — тамъ святая земля. Гдѣ бьеть фонтанъ — тамъ пососѣству банки, фабрики, заводы... Надо думать не о завоеваніи рын-

ковъ, а обѣ обеспеченіи себя гигантскими количествами нефти. Игру выиграетъ тотъ, кто захватить большее количество мѣстъ нефтерожденія. Надо скупить все: и доказанныя нефтеносныя земли съ бывающими фонтанами и подозрительныя по присутствію нефти мѣста, гдѣ буреніе не дало ярко отрицательныхъ результатовъ. Лучше скупить тысячу десятинъ безъ нефти, чѣмъ проворонить одну десятину фонтановъ...

Изъ кабинета Рокфеллера, по всѣмъ океанскимъ кабелямъ, летять приказы агентамъ о цѣнахъ на продуктъ, о льготныхъ условіяхъ продажи, о новыхъ хитростяхъ, о новой рекламѣ. А изъ кабинета Гюльбенкъ-яна по тѣмъ же кабелямъ летять иные приказы: къ чорту цѣны, плюйте на рекламу, скупайте акціи существующихъ предпріятій, акціонируйте, рыщите по островамъ и материкамъ въ поискѣ новыхъ нефтяныхъ источниковъ.

Характерна встрѣча, оказанная заграницей эмигрировавшимъ русскимъ нефтевладѣльцамъ. Американцы очень холодно отнеслись къ ихъ предположеніямъ. Покупать новую нефть? Зачѣмъ? Баку не работаетъ? очень хорошо. Еще годъ и мы будемъ питать Россію американской нефтью. Англичане съ энтузіазомъ набросились на возможность стать владѣльцами Баку: Royal-

Dutch'емъ было скуплено все то серьезное и большое, что ему смогли предложить...

Англійскіе распорядители игры переносятъ военные методы въ атмосферу полнѣйшаго мира. Они не вѣрятъ въ то, что война окончилась. Окончились военные дѣйствія, но полностью для ихъ нефти сохраняется военная обстановка.

За четыре года войны, за три года мира Royal - Dutch Co, работая на деньги англійскаго правительства, скупила нефтяныя предпріятія на островахъ Великаго Океана, на европейскомъ континентѣ, въ Мексикѣ, во французскихъ, голландскихъ и, конечно, всѣхъ англійскихъ колоніяхъ, въ Персіи, на Кавказѣ и т. д. Нюхомъ стараго хищника англійское правительство почуяло невиданныя возможности замаскированныхъ захватовъ: вывѣска Royal-Dutch'a придаетъ французскому городу болѣе англійскій видъ, чѣмъ еслибы на крѣпости развѣвались великобританскія полоски... И поведеніе Ллойдъ-Джорджа на Версальской конференціи продиктуется нефтяными соображеніями: „Мессопотамія должна отойти подъ англійское покровительство“, любой цѣнной нужно удалить французовъ отъ Мусульманскихъ нефтяныхъ рожденій... Въ цѣляхъ парированья какихъ бы то ни было французскихъ попытокъ, одновременно съ

дипломатическими ловушками Royal-Dutch скупаетъ весь французскій нефтяной тоннажъ: отнынѣ побѣдители Германіи обречены на merci Гюльбенкъяна... Или помилуетъ, или съѣстъ.

Рокфеллеръ боится кризиса. Royal-Dutch съ хладнокровiemъ Муція Сцеволлы взираетъ на всѣ ухудшенія сбыта. Замедлится покупка, ослабнутъ денежныя поступленія? Ну, что-жъ придется еще разъ надавить на великолѣпныхъ статистовъ и заставить англійское казначейство порыться въ его глубокихъ подвалахъ. Royal-Dutch Со прекратить свои платежи лишь на слѣдующій день послѣ банкротства Британской Имперіи!

Рокфеллеръ не можетъ похвалиться такой же силой. Его вліяніе на Американское казначейство не доходитъ до подобныхъ размѣровъ. Parvenu, юноши (какими представляются Рокфеллеру лондонскіе распорядители) не даромъ прошли сквозь войну, не даромъ помогли Имперіи выиграть войну. Однажды поступивъ на содержаніе къ казнѣ, они сумѣли использовать свое обаяніе и создали государство въ государствѣ. Содержанка подчинила Имперію, суверенный народъ превратился въ «великолѣпного рогоносца». Безъ трескучихъ рѣчей, безъ разрушенія Бастилій, присутствіе

которыхъ лишь улучшаетъ нравы, безъ измѣненія конституціи, Royal Dutch Co сокрушила пресловутое англійское обычное право.

За три года міра, въ результатѣ умѣлой работы гордый англійскій парламентъ выродился въ консультационное бюро при распорядителяхъ міровой игры. 20 -го мая 1921 года членъ англійского парламента Пембертонъ Биллингъ обратился къ спикеру со слѣдующимъ, небывалымъ въ исторіи Англіи, письмомъ:

«Я не считаю совмѣстнымъ съ честью и достоинствомъ независимаго политического дѣятеля продолжать состоять членомъ събранія, лишенного чувства справедливости и развращенного до такой степени, каковую является собой нынѣ нѣкогда свободный и независимый англійскій парламентъ. Развращенный премьеромъ, являющимся простымъ орудіемъ въ рукахъ нѣкоторыхъ дѣльцовъ, нашъ парламентъ дѣйствуетъ въ интересахъ камарильи финансистовъ, которую онъ къ тому же тѣсно отожествляетъ съ правительствомъ Его Величества и всѣ приказы которой онъ слѣпо исполняетъ...

Вы меня очень бы обязали, господинъ спикеръ, сообщивъ мнѣ, какія мѣры я долженъ принять для немедленного освобожденія себя отъ оскорбительной для джентль-

мена обязанности быть членомъ парламента, гдѣ я первоначально долженъ былъ представлять интересы Восточного Гертфордшира»...

Пембертонъ Биллингъ добился желаемаго, но письмо его прошло незамѣченнымъ. Въ странѣ ничто не шелохнулось. Ллойдъ-Джорджъ брезгливо усмѣхнулся, а хозяева даже не поморщились.

Въ результатѣ борьбы за нефть свершилось то, что нѣкогда предсказывалъ Георгъ Іеллинекъ: окончились парламенты. Комедія парламентаризма перестала удовлетворять самаго невзыскательнаго слушателя. Тогда режиссеръ измѣнилъ ее въ соответствующемъ духѣ...

V.

Когда въ январѣ 1921 во вновь сформированный кабинетъ Бріана въ качествѣ министра возстановленія вошелъ Луи Лушеръ, сатирическій листокъ «Canard Enchaîné» сообщилъ объ этомъ въ слѣдующихъ словахъ: «Aristide Briand — président du Conseil et affaires étrangères, Louis Loucheur, regions libérées et affaires personnelles»...

«Лушеръ, Лушеръ» загудѣлъ Парижъ, вновь услышавъ пресловутое одіозное имя. Монмартрскіе шансоньеры въ тысячный

разъ спѣли куплеты о знаменитомъ нуворищѣ роялистская пресса возобновила весь свой разоблачительный репертуаръ и снова сдѣлала остроумную догадку: не жидъ-ли? На большихъ бульварахъ, въ витринѣ шаржей появилась грузная фигура усатаго человѣка: Лушеръ, только что прибывъ въ разрушенный Реймсъ, въ изумленіи всплескиваетъ руками и восклицаетъ: «*Quel malheur , ah, quel malheur!*»... И наконецъ шефъ французскаго бульварнаго остроумія Морисъ Шевалье для новаго *revue* въ театрѣ Амбассадэръ составилъ финалъ, въ которомъ каждый куплетъ, описзывающій нищету, голодъ, разрушенія, финансовый крахъ Франціи, сопровождался рефрэномъ: «*Loucheur est toujours ministre, tout va bien, tout va bien*»...

...Въ 1913 въ самыхъ освѣдомленныхъ банковскихъ кругахъ имя Лушера звучало какъ тридцать пять миллионовъ именъ остальныхъ французскихъ гражданъ. Понадобилось бы перелистать десятки справочниковъ, чтобы выискать: Луи Лушеръ, инженеръ, 43 лѣтъ, состоитъ членомъ правленія нѣсколькихъ небольшихъ компаний...

Въ 1919 черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ армистиса, на вопросъ, какимъ образомъ разбогатѣли тақіе-то и тақіе-то,

вы услышали бы фатальный отвѣтъ: «Mais il est très bien loucherisé»... что по русски звучить: «но у него отличный ходъ къ Лушеру»...

Этотъ французскій каниферштанъ за шесть лѣтъ успѣлъ сдѣлаться владѣльцемъ Сѣвера Франціи и однимъ изъ главныхъ — едва ли не самымъ главнымъ — руководителей игры.

Почему повышается Rio tinto? Лушеръ покупаетъ...

Почему падаетъ марка? Лушеръ сказалъ своему кузену, что онъ не вѣрить въ успѣхъ Висбаденскаго свиданія.

Почему артистка N N попала въ Grande Oprѣга? Она встрѣтилась на океанѣ съ Лушеромъ.

Удастся ли Вивіани заключить заемъ въ Нью-Йоркѣ? Да, если фактическое руководство дѣлами и всѣ переговоры съ нѣмцами перейдутъ въ вѣдѣніе Лушера...

Самое удивительное, что изъ всѣхъ клемансистскихъ министровъ, пользующихся ненавистью, презрѣніемъ, всеобѣщимъ бойкотомъ, удержаться у власти сумѣлъ лишь одинъ — Луи Лушеръ т. е. именно тотъ, кто вызывалъ наибольшія нападки, чье имя еще въ 1916 рождало взрывы черной злобы, лютой зависти. И онъ же сталъ причиной нарушенія священ-

ной традиціи третьей республики: на постъ министра снабженія былъ приглашенъ человѣкъ, не дѣлавшій политики, не состоявшій ни членомъ парламента, ни сенаторомъ, ни виднымъ дѣятелемъ какой бы то ни было партіи... Тогда въ 1916, въ широкихъ кругахъ, назначеніе Лушера вызвало недоумѣніе, подобное тому, которое годъ спустя въ Россіи вызвалъ Терещенко въ роли министра финансовъ первого временнаго правительства. Въ 1916 «Луи Лушеръ» звучало лишь для военныхъ brasseurs des affaires.

Полный веселый человѣкъ съ густыми усами, съ необычайнымъ спокойствиемъ и необычайной живостью въ глазахъ, всегда увѣренный въ себѣ, въ своихъ жестахъ, въ правдѣ всей своей жизни. Въ послѣдніе мѣсяцы режима Клемансо онъ подвергся особымъ нападкамъ въ прессѣ и въ политическихъ кругахъ. Клевета превзошла всѣ предѣлы. Тогда Лушеръ, взойдя на трибуну парламента, повторилъ знаменитый приемъ Прудона (къ этому приему, къ слову сказать, приѣхалъ въ апрѣль 1917, въ полемикѣ съ Ленинымъ, и Г. В. Плехановъ).

«Я — сказалъ онъ — шагъ за шагомъ расскажу свою жизнь, расскажу франкъ за франкомъ, какъ я пріобрѣлъ свое богатство.

Если я что-либо утаю, Вы можете меня дополнить и исправить. Я ставлю одно условіе: послѣ меня на эту-же трибуну должны подняться мои враги и сдѣлать тоже самое»... Наступило молчаніе, въ средѣ членовъ парламента не оказалось желавшихъ выдержать столь опасное состязаніе. И враги и друзья предпочли отдать льтаться бѣшеной овацией...

Лушеръ честенъ. Самые яростные его противники отдаѣзываются пошлой фразой: «онъ балансируетъ на рубежѣ гражданскаго и уголовнаго права»...

Лушеръ далеко не геніаленъ. Самые неутомимые его партизаны вынуждены признать: «*C'est un eminent brasseur des affaires, mais au fond c'est un homme très ordinaire*»...

Очень ординаренъ... а за нѣсколько часовъ исправляетъ ошибки трехъ лѣтъ и въ нѣсколькихъ сжатыхъ параграфахъ соглашенія съ Ратенау даетъ Франції безконечно больше Версаля, Севра, Тріанона, Сенъ-Жермена, Нейи, вмѣстѣ взятыхъ...

Очень ординаренъ... но сумѣлъ подойти вплотную къ дѣлу возстановленія и вѣвсякаго сомнѣнія обстроить съверъ Франціи...

Очень ординаренъ, но все- же фактъ остается фактомъ: быстрыми ударами, немногими комбинаціями составилъ исключи-

чительное богатство, опередивъ вѣковыхъ
милліонеровъ — Ротшильдовъ и пр.

Въ Лушерѣ есть талантливое упорство
его смѣшанной крови. Дѣдъ и бабка Лу-
шера съ материнской стороны простые
фламандцы, дѣдъ служилъ машинистомъ
на бельгийскихъ желѣзныхъ дорогахъ,
бабка — работящая неутомимая крестьянка
въ стилѣ персонажей художниковъ XVI
столѣтія. Мать бельгійского народнаго
героя Уленспигеля крестьянка Сооткинъ
должна была напоминать бабку Лушера.
Недаромъ въ Лушерѣ сумасшедшая энер-
гія и веселый нравъ — совсѣмъ подъ стать
пѣвцу Гезовъ...

Отецъ Лушера — на половину бельгіецъ,
на половину французъ — занималь очень
скромный постъ на сѣверной французской
дорогѣ и смогъ дать сыну высшее обра-
зованіе лишь цѣной колоссальныхъ
жертвъ.

За первые пятнадцать лѣтъ своей жизни
Лушеръ достигъ степеней извѣстныхъ, за-
работалъ нѣсколько сотъ тысячи франковъ,
но и только: сотнями милліоновъ и не
пахло. Война во всемъ мірѣ искала и нахо-
дила избранныковъ, дѣтей и баловней ея
необычайного быта. Война произвела стро-
жайшую провѣрку. «Голые» финансовые
короли въ лучшемъ случаѣ могли лишь

удержать свое до военное богатство, фиктивно увеличивъ его въ степени паденія бумажныхъ денегъ и увеличенія цѣнъ на недвижимость, стоки товаровъ, инвентарь. Сопротивляясь атакѣ новыхъ, богомъ войны отмѣченыхъ королей не смогъ никто изъ прежнихъ голыхъ королей. Появились настоящіе короли... Въ Россіи — Батолинъ, сынъ крестьянина Вятской губерніи, до 15 лѣтъ ходившій въ лаптяхъ, отъ конторскаго мальчика дошедшій до обладанія всѣми гигантскими Стакѣевскими предпріятіями (банки, текстиль, хлопокъ, ж. д., уголь, лѣсъ и пр.) исключительно при помощи своего изумительно остраго и точнаго ума; въ Англіи Сассунъ и его Ко, Гюльбенкьянъ, изъ политиковъ — Робертъ Горнъ, въ Германіи, — Стиннесъ, въ Италии — братья Перронэ и т. д.

Во Франціи человѣкомъ съ головой, рожденной для военныхъ операций, оказался Луи Лушеръ. Въ парижскомъ инженерѣ заговорилъ зовъ предковъ, суровыхъ желѣзныхъ людей, выкованныхъ въ горнилѣ непрекращающихся битвъ, приспособленныхъ къ самому худшему — къ борьбѣ съ истребительнымъ, заливающимъ моремъ, къ схваткамъ съ разбойниками, къ защитѣ отъ солдатъ инквизиціи...

Война любить Лушера, но и Лушеръ чув-

ствуетъ войну. Его искусство—предупреждение событий. Онъ съ точностью непогрешимой опредѣляетъ запросы послѣ завтрашняг^ дня и соответственно съ этимъ уже сегодня подготавливаетъ потребное, переводить заводы, фабрики, конторы, стоки, банковскій аппаратъ на иную линію. Естественно, что съ нимъ нельзя конкурировать. Его продуктъ, его работа исполнены по прежнимъ цѣнамъ, изъ прежняго матеріала... «Лушеръ — дьяволъ... Не успѣть правительство или страна о чёмъ-либо подумать, онъ тутъ, какъ тутъ»...

Основанное Лушеромъ акціонерное общество въ круги своей дѣятельности захватываетъ всѣ запросы и фронта и тыла, на путяхъ разростанія проводить идею, которую одновременно съ нимъ въ Германіи примѣняетъ Стиннесъ: трестированіе промышленности и по вертикали и по горизонтали, пріобрѣтеніе не только орудій производства, но и способовъ распространенія. Межъ Лушеромъ и потребителемъ нѣтъ посредниковъ. Онъ хозяинъ и на заводѣ и на складѣ и въ конторѣ... Онъ сни маеть всѣ пѣнки... Конечно, въ этой идеѣ нѣтъ ничего геніального, конечно, специалисты со скучающей улыбкой выискиваютъ аналогичныя идеи еще въ до-христіанской древности и т. д. Суть не въ оригинал-

ности, а въ качествѣ исполненія. Лушеръ— первый, кто сумѣлъ во Франціи блестяще осуществить эту идею и въ условіяхъ войны и въ хаосѣ послѣ перемирія. Быть можетъ въ мирной обстановкѣ его планъ и не удался бы. Паруса праздно болтаются въ штиль, но въ бурю мчать къ желанной цѣли. Веніамины войны прозябаютъ въ отсутствіи матери.

Отъ политического вліянія къ финансовымъ барышамъ—таковъ обычный путь западныхъ дѣятелей: депутатовъ, сенаторовъ, выдающихся журналистовъ. Колесо фортуны захватываетъ ихъ лишь въ зенитѣ славы.

Отъ миллионовъ — къ политическому вліянію — такова карьера Лушера и его международныхъ братьевъ. Если однако въ довоенные годы банкиры лишь открывали газеты и предпочитали лишь негласно вліять на политику, то Лушеръ слишкомъ сангвиникъ для того, чтобы слѣдовать примѣру Ротшильдовъ, и слишкомъ французъ, чтобы подражать таинственному Сассуну. Ему мало руководить игрой издалека; въ пятьдесятъ лѣтъ хочется свѣта рампы, остатокъ жизни онъ намѣренъ фигурировать, разговаривать, заключать договоры, устраивать парламентскія сраженія, международные осложненія...

Травля, клевета, насмѣшки? Je m'en fousраг exemple. Онъ достаточно парижанинъ, чтобы не забывать мудраго изреченія: Франціей можетъ управлять любое правительство и любыми способами, лишь бы оно позволяло надъ собой смѣяться.

Лушеръ прочно сидить на креслѣ банкомета, не хочетъ встать и не встанетъ. Если въ толпѣ понтеровъ раздаются времена-ми плачъ или рѣзкое слово, то... надо же имѣть состраданіе къ бѣднымъ статистамъ, надо же и имъ изъ всей декларациіи правъ предоставить хотя бы единственное право эмоціи...

VI.

Рокфеллеръ, дирекція Royal Dutch'a, Гуго Стиннесъ и Луи Лушеръ уже дошли до той степени вліянія на человѣчество, до тѣхъ граней прозрѣнія силы, послѣ которыхъ можно писать Новый Завѣтъ. Евангеліе оть Рокфеллера, Евангелье оть Royal Dutch'a, Евангелье оть Стиннеса, Евангелье оть Лушера... При міровомъ провалѣ христіанства они съ успѣхомъ замѣняютъ Матфея, Луку, Марка, Іоанна. Если оставаться въ руслѣ Галилеянина, ихъ мудрость будетъ Евангельемъ оть Єомы, написаннымъ послѣ того, какъ Єома пересталъ довѣрять и ребру.

Со времени крушения языческой культуры не происходило еще въ исторіи человѣчества события равнаго Великой Войнѣ по значительности ея послѣдствій. Поколѣніе, вошедшее въ жизнь между 1914—18 и входящее послѣ перемирія, жестоко ошибается, попытавшись искать своихъ предковъ въ галлереѣ славныхъ ликовъ христіанской культуры. Еще не язычество, уже не христианство, проще апокалиптическаго звѣря, сложнѣе золотого тельца.

Во всѣ вѣка покупная способность золота сохраняла свои размѣры. Но никогда еще самое страшное изъ трехъ искушеній—искушение властью не пожинало такого успѣха. Никогда еще власть не попадала въ такія вѣрныя, въ такія сильныя руки.

Распорядители игры творять совершенно новую форму государства. Конечно, не монархія: въ силу какихъ причинъ невѣжественный человѣкъ въ военной формѣ долженъ пользоваться особыми прерогативами, особымъ почетомъ, особенной любовью?.. Если нужно представительствовать, среди клерковъ, при главной дирекціи, всегда найдется высокій красивый мужчина, умѣющій съ очаровательной улыбкой говорить невѣроятныя пошлости, мягкими жестами сопровождающій слова, блаженствующій въ цилиндрѣ и въ хорошо сши-

томъ фракція. Обставьте его соотвѣтствую-
щимъ внѣшнимъ піэтетомъ и у него бу-
детъ престижъ англійского короля съ тѣмъ
преимуществомъ, что на клерка можно то-
пать ногами и угрожать расчетомъ!

Распорядители игры предпочитаютъ рес-
публику, но республику, развращенную до
предѣловъ мечты. Чтобы депутаты ворова-
ли до отказа: о юсемъ парламентскомъ боль-
шинствѣ можно имѣть тогда исчерпываю-
щее досье — лучшая предосторожность
отъ возможныхъ капризовъ голосованія.

Чтобы рабочіе имѣли всѣ политическія
права, какія они только могутъ захотѣть.
Побольше крупныхъ объединеній, помень-
ше разрозненныхъ группъ: съ любыми пред-
ставителями не трудно столковаться, любой
рабочій, выходя изъ массы, становясь из-
браникомъ, отрывается отъ своихъ довѣ-
рителей и охотно ихъ продасть — за
деньги или возможность фигурировать.

Чтобы министры набирались изъ красно-
баевъ, развратниковъ, пьяницъ, казнокра-
довъ и, переложивъ дѣла на попеченія се-
кретарей, сами предавались любымъ поро-
камъ, дорожили бы мѣстомъ и опасались
разоблаченій...

Новый Завѣтъ имѣеть всѣ шансы на
успѣхъ, ибо въ немъ жива величайшая де-
мократичность. Въ мірѣ комбинацій позво-

лено все. Пролитіе крови, правда, запрещается, но убийство репутаций... но coups de grace на биржѣ, но слухи о банкротстве и т. д. Каждый, въ чьей головѣ роется золотородящая мысль, можетъ стать распорядителемъ игры. Ему уже не надо любить ближнихъ. Но ближніе его полюбятъ, если только онъ сумѣеть ихъ обмануть. Ему уже не надо растрачивать драгоценной энергіи на преодолѣніе безконечныхъ стѣнъ, настроенныхъ королями, феодалами, довоенной кичливой буржуазіей: Европа послѣ армистиса въ дѣлѣ наживанія денегъ придерживается политики открытыхъ дверей. Вчерашній офиціантъ сегодня, выигравъ въ карты или какимъ инымъ способомъ добывъ полагающееся количество миллионовъ, будетъ принять, какъ равный, какъ славный собратъ. На портикѣ каждого биржевого зданія по прежнему чертятся слова — *Liberté, Egalité, Fraternité*, но они уже не остаются только словами: если борьба за распорядительство игрой будетъ поставлена въ условіяхъ равенства для всѣхъ, свободы во всемъ — отъ необнаруженного убийства до недоказанной поддѣлки векселей, тогда и тираннія выигравшаго не нарушилъ принципа братства. Онъ оказался самымъ способнымъ изъ братьевъ, онъ разгадалъ пентаграмму...

Ежегодно неторопливая статистика двухъ материковъ вносить на своихъ листахъ имена застрѣлившихся банкротовъ, разоблаченныхъ и отправленныхъ на каторгу фальшивомонетчиковъ, неудачныхъ проектировщиковъ, запутавшихся специалистовъ по акционированию. Новый Завѣтъ понялъ, что въ этихъ записяхъ статистики не нужно искасть ни материала для морали, ни вдохновенія для обличенія. Стой, дарованный войной, психологія, рожденная въ окопахъ, всѣмъ живущимъ въ подлунномъ мірѣ подарили одинаковыя возможности и выигрыша и проигрыша. Fair play! — нѣть выраженія болѣе могучаго и болѣе сладкаго во всемъ англійскомъ лексиконѣ... Fair play — это поистинѣ Нагорная проповѣдь Нового Завѣта.

Каждый человѣкъ имѣеть возможность стать и миллиардеромъ Рокфеллеромъ и бандитомъ Сакко. Въ первомъ случаѣ его ожидаетъ кресло распорядителя мировой игры, во второмъ случаѣ — электрическій стулъ.

Спокойно примемъ правила Нового Завѣта и не будемъ оплакивать пассажироевъ, выброшенныхъ за бортъ... Вѣрьте въ покупную способность золота, надѣйтесь на чуму для моралистовъ и нытиковъ, любите...

ну, хотя-бы одинъ стаканъ горячаго поджигающаго коктейля...

«Его Величество Султанъ Турецкій, отправляя въ плаванье свои корабли, не совѣщается съ крысами, живущими въ трюмѣ, о желательномъ маршрутѣ».

Распорядители міровой игры, опредѣляя содержаніе ближайшихъ десятилѣтій, менѣе всего интересуются отношеніемъ къ ихъ дѣятельности и взглядами на добро и зло миллиарда ихъ спесивыхъ статистовъ.

МЕКСИКА НА ДНІПРѢ

I.

Для полнаго счастья нужно было такъ немногого. Стоило человѣку въ отлично выглаженныхъ брюкахъ, попавшему изъ собственной канцеляріи Его Императорскаго Величества прямо въ благородное сословіе крупье — провозгласить безразличнымъ, отчетливымъ голосомъ пять-шесть разъ подрядъ: «*bon pour la banque!*» и на-завтра можно было удивить весь Крещатикъ, во-лею судебъ превращенный въ Кузнецкій мостъ или Невскій проспектъ... Но человѣкъ въ выглаженныхъ брюкахъ неумолимо констатировалъ провалъ — и одинъ за другимъ уплывали брилліанты, керенки, николаевскія, такимъ героическимъ усиліемъ перевезенные чрезъ кордонъ.

Въ тихомъ, провинціальномъ Кіевѣ собрались обѣ столицы. «Уѣхали съ Брянскаго вокзала, вернемся на Курскій» — утѣшили себя банкиры, писатели, генералы, артисты, купцы. Стоитъ-ли затѣвать дѣла, становиться твердой ногой, плакать о про-

игранныхъ деньгахъ и брилліантахъ, когда къ Рождеству обратно? Въ витринѣ на углу Лютеранской и Крещатика патріотическій фотографъ выставилъ колоссальный портретъ: гетманъ и Вильгельмъ на террасѣ замка императора. Рѣшительно держался за кинжалъ Скоропадскій; оскаломъ всѣхъ зубовъ благосклонно къ странѣ, дарящей хлѣбъ и сало, улыбался Вильгельмъ. И было такъ ясно, что радость все-таки будетъ, что рано или поздно смилостивится міровой крупье и зарвавшимся трехнедѣльнымъ удальцамъ — большевикамъ гордые бѣженцы откроютъ девятку. Въ августѣ, въ сентябрѣ, въ октябрѣ 1918 года вѣрили въ сейфы, въ саратовскіе дома, въ пензенскія имѣнія, въ партію пишущихъ машинъ, застрявшую межъ Читой и Байкаломъ.

«Нужно продержаться три мѣсяца!» — и вотъ держались: открыли клубъ домовладѣльцевъ, клубъ вільного казачества, клубъ помощи жертвамъ большевизма, жокей — клубъ и тысячу одно кафе, напоминавшее о Москвѣ, о знакомыхъ именахъ и вкусахъ.

Ленинъ складываетъ чемоданы, Троцкій переводить деньги за-границу, все идетъ великолѣпно, изъ Кистяковскаго получится отличный Столыпинъ, самое важное — найти комнату въ этомъ городѣ, увеличившемъ свое населеніе за одинъ мѣсяцъ

въ три раза, пріучить дурацкихъ провин-
ціальныхъ портныхъ къ настоящей кройкѣ—
и солнце еще засвѣтить!

Если-бы нашелся въ гетманскомъ Кіевѣ
человѣкъ, который послѣ горы сдобныхъ
булокъ, пряниковъ, колотаго сахара, осмѣ-
лился-бы думать иначе, его-бы просто на
просто перестали пускать въ клубы. Былъ
одинъ типъ, который въ своемъ безпре-
станно работавшемъ умѣ уже давно по-
жралъ и гетмана и всѣхъ его гостей — но
его держали за семью замками: будущій ук-
раинскій фениксъ — Симонъ Петлюра си-
дѣлъ въ тюрьмѣ... Черезъ мѣсяцъ онъ во-
рвется въ городъ съ толпами озвѣрѣлыхъ
мужиковъ, оторвать у вывѣсокъ твердые
знаки, заставить «забалакать по-украински»
петербургскихъ снѣтковъ, выведеть въ ра-
сходъ сотни офицеровъ. Но пока еще воз-
духъ ясенъ послѣдней осенней ясностью.
Въ царскомъ саду ласковое, обманчивое
бабье лѣто. И замѣститель разорванного
бомбой Эйхгорна пьетъ за здоровье «вели-
кихъ государственныхъ мужей Украины»,
не желая вѣрить сообщеніямъ австрійскихъ
властей Екатеринославской губерніи. Эти
австрійцы — неисправимые паникеры. Они
дрожатъ за линію Гинденбурга, которую
не сломить никакая Америка, никакіе черти
дьяволы, они не могутъ справиться съ ка-

кимъ-то мужикомъ Махно, котораго за вици-
вость нельзя даже пустить въ шнельцугъ!..

* * *

Махно — первый пророкъ, признанный прежде всего собственнымъ отечествомъ, осчастливленнымъ имъ Гуляй-Полемъ. Громадное промышленное село, богатое, бойкое, многотысячное, помнить батько Махно еще пятнадцать лѣтъ назадъ маленькимъ, широкоплечимъ блондинчикомъ, въ должности учителя низшей школы. Съ суковатой палкой, въ расшитой украинской рубашкѣ учитель сидѣлъ въ своей отдаленной хатѣ, выращивалъ вишни, неизвѣстно чему учили бойкихъ молодыхъ хохлять и неожиданно для всѣхъ въ одинъ лѣтній день зарубилъ топоромъ пріѣхавшаго въ школу уѣзднаго предводителя дворянства. Какіе то сумбурные счеты, какія-то невыясненные обиды. Съ этого момента начинается легенда о Махно. Сперва его бьютъ жестоко, долго, упорно въ волостномъ присутствіи, потомъ осуждаютъ специальнymъ присутствiемъ судебной палаты, потомъ въ кандалахъ, изъ тюремы въ тюрьму, съ этапомъ въ телячье вагонѣ швыряютъ въ Сибирь. Махно многократно пытается бѣжать; его ловятъ, бьютъ плетьями, увеличиваютъ сроки, накапляютъ глыбы хохлацкой неумолимой

злобы. Въ числѣ другихъ «керенокъ» онъ вырывается изъ Сибири весной 1917 года, пріѣзжаетъ въ родное село, организуетъ шайку съ быстротой, изумительной даже для тѣхъ благопріятныхъ временъ, и, сведя счеты съ оставшимися въ живыхъ: волостнымъ старостой (онъ его зарубилъ по первоначальному рецепту), членами судебной палаты, дѣтьми убитаго предводителя дворянства, переходитъ на роли народнаго героя. Махно облюбовываетъ усадьбы богатѣйшаго Мелитопольскаго уѣзда. Мебель, рояли, остатки посуды свозятся имъ для продажи въ ближайшиe 'крупные пункты, гдѣ мѣстная милиція' въ интересахъ безопасности старается не замѣтить Махно. Дома сжигаются, землю и скотъ Махно дѣлить межъ крестьянами. Многорѣчивый, косноязычный, не находя словъ для своихъ кипящихъ злобой мыслей, онъ наполняетъ уѣздъ и губернію грозными прокламаціями, заранѣе предрекая гибель и грабежъ, просвѣщая населеніе въ аграрномъ вопросѣ. Приходъ нѣмцевъ на короткое время ослабляетъ его дѣятельность. При первыхъ же столкновеніяхъ съ нѣмецкими отрядами батько изобрѣтаетъ ту тактику, которая впослѣдствіи сдѣлаетъ его неуязвимымъ для Деникина и большевиковъ. Махно не принимаетъ боя. Приближается мало -

мальски внушительная воинская часть — его мужики разбѣгаются по своимъ деревнямъ. Смушенные развѣдчики доносятъ, что непріятель исчезъ. Съ вечера онъ занималъ село, стрѣлялъ, разводилъ костры, къ утру пепель и никого нѣтъ...

Нѣмцы тщетно гонялись за Махно, натыкаясь на воздухъ. Сожгли нѣсколько деревень, потеряли время, сравнительно большое количество людей, обозы, — и уступили беспокойный хлѣбный районъ австрійцамъ. Между новыми господами положенія и батькой установилось какъ-бы молчаливое соглашеніе. Съ обычной австрійской халатностью шикарные, нафабренные, затянутые майоры рѣшили не соваться въ дебри и стянули разбросанные гарнизоны къ большимъ пунктамъ. Въ распоряженіи Махно, кромѣ его колыбели — Гуляйпольскаго уѣзда (который, собственно говоря, уже съ этого времени и до нашихъ дней остается въ его рукахъ) — оказалась линія такъ называемой «второй Екатерининской дороги», соединяющая станцію Чаплино съ Бердянскомъ, т.-е. Донецкій бассейнъ съ Азовскимъ побережьемъ. Здѣсь, на узлахъ золотоносной (пшеница, уголь, соль, руда) артеріи Махно установилъ засады для поѣздовъ, переполненныхъ торговыми людьми, директорами заводовъ, для обозовъ, для

одиночныхъ экипажей и автомобилей. Рѣдкая недѣля проходила безъ грабежа. Люди предпочитали длинный обѣздъ и тряску по морю рискованнымъ сокращеніямъ Екатерининской дороги. Однажды, въ сентябрѣ 1918 г., при одной изъ очередныхъ остановокъ поѣзда въ руки батьки попали вагоны съ австрійскими пулеметами и небольшими двухколесными бричками (такъ называемыя «таchanки»). Махно посадилъ на каждую тачанку по одному дезертиру, снабдилъ его пулеметомъ и такъ выработался этотъ знаменитый типъ роковыхъ возницъ. Въ городъ Мелитополь въѣзжали на десяти, пятнадцати тачанкахъ съ капустой сонные хохлы: подъ капустой лежали пулеметы. Подѣхавъ къ полицейскому управлению, они открывали изъ подъ капусты пальбу и... въ общей паникѣ, страхѣ, расплохѣ городъ попадалъ въ руки пѣшихъ махновцевъ, заполнившихъ базаръ. Пѣшие, непостоянные махновцы — напоминаютъ армію Кемаля. И тѣ и другіе: недѣлю работаютъ, сѣютъ, пашутъ, а два дня ходятъ—одни по городамъ, другіе по армянскимъ деревнямъ и — грабятъ.

Когда австрійскій отрядъ, поѣхавший для охраны состава, былъ обстрѣлянъ изъ австрійскихъ-же пулеметовъ, Екатеринославскій губернаторъ — самолюбивый, хвастли-

вой тиролецъ — заскрежеталъ зубами и запретилъ посыпать австрійскіе патрули. Съ поѣздами стали Ѳздить гайдамаки. Когда на крутомъ поворотѣ поѣздъ налеталъ на груду бревенъ и по вагонамъ разсыпались возницы тачанокъ, чубатые синіе жупаны безъ единаго выстрѣла переходили на сторону Махно.

Но вотъ и совсѣмъ не стало австрійцевъ. Мы въ началѣ зими 1918-19 года. Союзники уже въ Одессѣ, большевики еще не заняли Сѣверной Тавріи, у добровольцевъ и казаковъ нѣтъ силъ занимать такой огромный районъ.

Махно мѣняеть масштабъ. Онъ въ Бердянскѣ, Мелитополѣ, Екатеринославѣ, въ Юзовкѣ (центръ донецкаго угля)... У него штабъ, въ составѣ котораго межъ прогнанными отъ большевиковъ матросами имѣется насильно захваченный полковникъ генерального штаба. Въ Бердянскѣ батько печатаетъ: «Ізвѣстія революціонныхъ войскъ имени батьки Махно»... Въ сводкѣ, составляемой злосчастнымъ спецомъ по всѣмъ правиламъ искусства, имѣются такія выраженія, какъ: «на фронтѣ, занимаемомъ группой товарища Гаркуши», «при послѣднемъ объѣздѣ лѣваго сектора батькой замѣчено»... Бердянскіе поэты выражаютъ благодарность батькѣ за бумагу, пожертвован-

ную (!) для изданія журнала «Южно-Русская Муза»; въ воспоминаніяхъ-же товарища Таркуши подробно повѣстуется о побѣдахъ, одержанныхъ этимъ славнымъ боеначальникомъ надъ «арміями Людендорфа» (!)...

Отнынѣ батько разъѣзжаетъ исключительно на тройкѣ, въ ковровыхъ саняхъ, съ подобраннымъ малиновымъ звономъ бубенцовъ. На слѣдующихъ за нимъ дровняхъ находятся: мука, сахаръ, полотно. Въѣздъ въ новое мѣсто начинается съ бесплатной раздачи, какъ этихъ продуктовъ, такъ и всѣхъ запасовъ, оставленныхъ австрійцами.

На каждомъ махновцѣ поверхъ австрійской шинели (нерѣдко на одномъ двѣ шинели) мѣховые шубы, бурки, дохи. И таковы ихъ настроеніе, счастливый видъ, увѣренность въ завтрашнемъ днѣ, что нѣть отбоя отъ новыхъ и новыхъ махновцевъ. Уже не хватаетъ тачанокъ, уже Егорьевъ (командующій совѣтской арміей), наступая на Екатеринославъ, доносить Троцкому, что «округъ переполненъ бандами Махно; въ виду ихъ многочисленности, сытости и отличного вооруженія предпочтительно соглашеніе»... Троцкій одобряетъ докладъ, «группа Махно» переименовывается въ отдельную бригаду, а онъ самъ въ бригад-

наго командаира съ награжденіемъ орденомъ красной звѣзды.

Соглашеніе заключено лишь подъ Но-
вой—1919 годъ, а (черезъ какихъ) - нибудь
три недѣли въ концѣ января харьковскій
совдепъ жалуется на бригаднаго командаира
Махно, который не пропускаетъ вагоны съ
углемъ для краснаго Харькова. Троцкій вы-
зываетъ батьку къ тому же неизбѣжному
прямому проводу. Слѣдуютъ обычныя угро-
зы, на которыя Махно отвѣчаетъ знамени-
той формулой: «за каждые пять вагоновъ
угля хочу одинъ вагонъ жидовъ и комму-
нистовъ!..

Несмотря на такую пропорцію, ссоры еще
неѣть, ссора невыгодна другой сторонѣ:
коса нашла на камень, любитель пользо-
вать всѣхъ и каждого Троцкій наткнулся
на крѣпкую хохлацкую сметку! Деникинъ
уже перебросилъ свои войска съ Сѣвер-
наго Кавказа въ Донецкій бассейнъ, безъ
Махно не обойтись... И Махно хочетъ быть
посрединѣ, переговариваясь съ обѣими сто-
ронами, вредя и помогая обѣимъ, чтобы въ
рѣшительный моментъ сперва сгубить боль-
шевиковъ, а потомъ Деникина.

Сдѣлать Махно своимъ союзникомъ не-
возможно ни при какихъ уступкахъ: черезъ
неполный годъ эту истину пойметъ Вран-
гель. Когда Махно возьметъ за обѣщанія по-

мощи Врангелю, врангелевскихъ инструкторовъ, оружіе, деньги, когда онъ почувствуетъ, что больше взять нечего, онъ измѣнить и Врангелю.

Въ Гуляйпольскомъ народномъ учителѣ необычайно сильна украинская историческая традиція...

Весной 1919 года между двумя фронтами добровольческимъ и большевистскимъ, Украина на ея громадныхъ не городскихъ пространствахъ является ничьей, жертвой безъ конца плодящихся атамановъ. Заразительный примѣръ Махно вызываетъ на благодарную сцену новый урожай главковерховъ, батекъ, мстителей. Всѣ они, подражая Махно, будутъ мечтать сидѣть межъ двухъ стульевъ, соблазнять добровольцевъ ненавистью къ коммунизму, большевиковъ местью «помѣщикамъ, спекулянтамъ, попамъ»...

Все больше и больше звенящихъ малиновымъ звономъ подборовъ, все чаще и чаще сшибаются коренниками тройки двухъ батекъ. И первый изъ нихъ — батько Махно — ревниво смотрить, чтобы не появился конкурентъ, могущій его съѣсть. Мелкота его не смущаетъ: Зеленый, Ангель, Балбачанъ даже пользуются его совѣтами и дарами; но завоеватель Сдессы, «побѣдитель антанты» Григорьевъ, вызываетъ

самая большая опасенія «побѣдителя» австро-італьянцевъ. Наступаетъ чередъ ихъ борьбы, дружбы и счастливой для Махно развязки.

Все захватывающее дѣйствіе разыгрывается въ дымѣ и копоти Знаменки. Центру сахарной промышленности суждено живымъ факеломъ, суждено освѣтить украинскую ночь.

II.

Григорьевъ провелъ нормальную молодость: никого не зарубилъ топоромъ, не былъ на каторгѣ, не носилъ арестанского халата. Армейскій штабсъ-капитанъ къ концу войны, въ карпатскій периодъ онъ былъ лишь поручикомъ. Въ числѣ сотенъ тысячъ другихъ русскихъ офицеровъ революція и его вышвырнула изъ накатанной колеи производствъ, командировочныхъ денегъ, яростной желѣзки, злоупотребленія спиртомъ, предназначеннымъ для лазаретовъ. Такъ же, какъ онъ служилъ Царю и временному правительству, онъ началъ служить и гетману Скоропадскому. По счастливой случайности онъ оказался однимъ изъ тѣхъ офицеровъ, которыхъ Петлюра облюбовалъ для истребленія другихъ офицеровъ.

Украинская головоломка и урожай новыхъ главковерховъ открыли Григорьеву не

сложныи истины взаимоотношениі въ гражданской войнѣ. Если изъ помощника бухгалтера получился гетманъ всей Украины, то изъ штабсъ-капитана могъ выйти великолѣпнѣйшій полководецъ. Генералы и главные боги авантюризма были въ разгонѣ: кто поставилъ на бѣлую лошадь и переметнулся на Юго-Востокъ, кто предпочель красную и оставался на Сѣверѣ. Судьба Келлера устрашила титулованныхъ любителей власти, и на Украинѣ оказался небывалый спросъ на самыхъ небольшихъ спецовъ. Недавняя надежда антибольшевистской Украины — Струкъ — совсѣмъ молодой офицеръ, Соколовскій, — фастовскій диктаторъ, — прапорщикъ, и т. д.

Не понадобилось много труда, чтобы стать во главѣ Заднѣпровской бригады. Значительно рискованнѣй было рѣшить—къ кому должна присоединиться эта нашумѣвшая бригада? Григорьевъ долго чесаль свою капитанскую голову и отправилъ для информаціи — въ Одессу — своего будущаго политкома, студента Гиршмана.

Студентъ потолкался у Фанкони, побывалъ на пристани, понаблюдалъ на базарахъ, и вернулся въ Николаевъ съ готовымъ рѣшеніемъ — играть нужно на красную лошадь, всѣ другія лошади перегрызутъ другъ друга!..

Наступаютъ дни знаменитой Григорьевщины. Штабсъ-капитанъ призналъ власть Троцкаго, получилъ оружіе, подкрѣпленія, подъ Херсономъ обратилъ въ бѣгство грековъ. Греческій генералъ издалъ приказъ, въ которомъ сравнивалъ Херсонъ съ Фермопилами, а своихъ солдатъ со спартанскими героями. Григорьевъ издалъ приказъ, въ которомъ извѣщалъ рабочихъ, крестьянъ и казаковъ, что ему удалось «набить морду антантѣ»... По части подобнаго краснорѣчія спеціалистомъ при Григорьевѣ оказался бывшій петлюровецъ, приведшій на помощь Григорьеву значительныя банды, дезертиръ Бондаренко. Онъ же являлся и начальникомъ штаба.

Послѣ Херсона—Одесса. Григорьевъ чувствовалъ близость своего торжества въ виду наличности въ городѣ нѣсколькихъ не признающихъ другъ друга властей: ставленникъ французовъ — Шварцъ, остатки петлюровцевъ — Луценко, доброволецъ Гришинъ-Алмазовъ, и мифическая правительства, составленная изъ недорѣзанныхъ буфоновъ и доктринеровъ, уже запасшихся билетами на пароходъ!..

Считая наиболѣе подходящимъ для капитанскаго самолюбія генераль-маіора Гришина-Алмазова, Григорьевъ вызвалъ его адъютанта къ телефону (междугородный те-

лефонъ какимъ то чудомъ продолжалъ дѣйствовать) и заявилъ: «если городъ не будетъ сданъ безъ боя, перебью всѣхъ бѣлогвардейцевъ; съ Гришина-Алмазова сниму шкуру и сдѣлаю турецкій барабанъ».

Судьба хранила «шкуру» генерала для матросовъ краснаго миноносца «Карлъ Либкнехтъ», поймавшихъ чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ Гришина-Алмазова на Каспійскомъ морѣ при его попыткѣ пробраться къ Колчаку. Но городъ былъ сданъ почти что безъ боя. И рослые любимцы Григорьева — грабители «верблюжцы» — какъ-то изумительно плавно и незамѣтно смѣнили сенегальцевъ.

Ежедневная порція рѣчей дѣятелей всевозможныхъ центровъ, была съ лихвой возмѣщена рѣчами Григорьева, Бондаренко, Гиршмана. Расклеенные плакаты воспѣвали подвиги доблестныхъ верблюжцевъ, которые, но увѣренію ихъ атамана, «выбили кресло изъ-подъ Клемансо».

Населеніе съ эпическимъ снокойствiemъ отнеслось къ приходу новаго начальства и на первыхъ порахъ пыталось создать иллюзію нормальной жизни. Профессоръ Щепкинъ, психопатъ, карьеристъ, членъ всѣхъ русскихъ партій одновременно, держалъ торжественную рѣчь, начатую словами: «О

юный (!), славный витязь, чьей силой рас-
топлены сковавшія насъ льдины»...

Въ отношеніи нормальной жизни населеніе успокоилъ Гиршманъ: подтвердилъ уничтоженіе буржуазной прессы, национализацио домовъ и все остальное, вытекавшее изъ груды номеровъ совѣтскихъ извѣстій, комплектъ которыхъ красовался на столѣ политкома въ качествѣ свода законовъ. На рѣчъ Щепкина отвѣтилъ рѣчью атаманъ. На балконъ гостиницы «Бристоль» онъ вывелъ голаго казака и, указывая на него, сказалъ: «Вотъ какъ ходятъ мои герои, солдаты самой славной арміи въ мірѣ!»

Одесситы все поняли. Въ теченіе двухъ дней склады, магазины, конторы, амбары были начисто ограблены. Для прикрытия наготы казака потребовались вагоны шелка, дамскихъ чулокъ, коньяка, туалетнаго мыла, кровельнаго желѣза, сахара, анилиновыхъ красокъ.

Выжавъ изъ города все, что въ немъ накопилось за мѣсяцы двухъ оккупаций, Григорьевъ заскучалъ. Отписки Москвѣ по поводу произведенныхъ «самочинныхъ актовъ» доставляли мало радости. Въ концѣ весны верблюжцы двинулись къ Раздѣльной и дальше въ глубь Украины, забирая остатки желѣзнодорожнаго имущества и хлѣба...

Оффіціальний предлогъ ухода изъ Одесы — борьба съ петлюровцами. Истинная же причина — желаніе войти въ соглашеніе или съ петлюровцами или съ съ Деникинымъ.

Пораженія большевиковъ на Югѣ заставляли Григорьева спѣшить отгородиться. Въ концѣ мая на станції «Знаменка» послѣ недѣльного погрома, сопровождавшагося окончательнымъ сожженіемъ мѣстечка, Григорьевъ объявилъ себя гетманомъ и выкинулъ традиціонный лозунгъ всѣхъ атамановъ: «За совѣты, противъ жидовъ и коммунистовъ!..

На вагонахъ его эшелоновъ красовалась надпись: «Довольно вамъ ъсть Троцкаго конину, поѣшьте Григорьева свинину!.. Для ободренія стекавшихся къ Знаменкѣ крестьянъ и дезертировъ Ворошиловской арміи (расквартированной въ Екатеринославской губерніи) въ теченіе нѣсколькихъ дней Григорьевъ раздавалъ, если не свинину, то все-же кое-что: непереработанное паточное сусло, которымъ отравился весь округъ... Цистерны со спиртомъ составляли заброшенную собственность верблюжцевъ, какъ старѣйшихъ ветерановъ. Григорьевъ переселился въ комнату телеграфиста и безпрестанно разсыпалъ «всѣмъ, всѣмъ» безконечныя воззванія. Впрочемъ, по этой

части ему не удалось отбить пальму первенства украинского совнаркома. Еще недавно тов. Раковский выражалъ благодарность «главъ революціоннаго авангарда Запорожья — непобѣдимому товаришу Григорьеву»... Теперь же воззванія Раковскаго, посвященные измѣнѣ Григорьева, повторяли на всѣ лады: «сифилитикъ», «воръ», «пьяница», «кровавый хамъ» и т. д.

Накормивъ населеніе патокой, Григорьевъ увидѣлъ, что дѣла его все же неважны: большевики окружали знаменскій районъ сплошнымъ кольцомъ. Мобилизованные крестьяне въ первомъ же бою подъ Пятихаткой бѣжали обратно въ свои деревни. Предстояло послѣднее рѣшеніе: пробиться къ Екатеринославу на соединеніе съ Махно, что и удалось сдѣлать послѣ потери большей части людей. Мобилизациѣ въ Екатеринославской губерніи не только не имѣла успѣха, но и обратила противъ Григорьева поголовно все населеніе. Гражданская война вступала въ тотъ фазисъ, когда погибалъ всякий, рискнувшій мобилизовывать, не имѣя достаточныхъ карательныхъ средствъ.

Въ ставку Махно «Гетманъ всей Украины» явился съ небольшимъ отрядомъ и значительными обозами. Махно осмотрѣлъ мануфактуру, прикинулъ количество вагоновъ

сахара, подсчиталъ число охраны Гетмана. Вечеромъ произошла на сборномъ митингѣ обоихъ отрядовъ ссора межъ атаманами, во время которой люди Махно неожиданнымъ залпомъ ликвидировали Григорьева со штабомъ. Гуляйпольскій народный учитель оказался богатымъ наследникомъ и все село получило по штукѣ цвѣтного ситца.

Снова, какъ и прошлымъ лѣтомъ, батько Махно былъ внѣ конкуренціи — батька батекъ, неуловимый, не принимающій сраженій, вырастающій снова и снова, какъ дѣственный лѣсь подъ ударами топора...

* * *

Въ концѣ іюня 1919 года коротконогій, пучеглазый Май-Маевскій облегченно вздохнулъ и телеграфировалъ Деникину: «Махно уничтоженъ»... Въ концѣ августа екатеринославскій губернаторъ Щетининъ — самый плохой изъ всѣхъ когда либо бывшихъ въ мірѣ губернаторовъ (включая и Оффенбаховскихъ), — требовалъ у Романовскаго конный корпусъ для борьбы съ Махно. «Справитесь силами государственной стражи!» отвѣчалъ покойный начальникъ деникинского штаба. Силами государственной стражи, въ апогеѣ побѣдѣ на московскомъ направленіи, въ глубокомъ тылу былъ сданъ махновцамъ Екатеринославъ.

На этот разъ батько свирѣпствовалъ, мстя за два мѣсяца лишеній, проведенные въ камышахъ Заднѣпровья, куда ему добровольческая контрь-развѣдка поставляла оружіе и свѣдѣнія... Вслѣдъ за жесточайшимъ еврейскимъ погромомъ Махно разгромилъ всѣ учрежденія, связанныя съ дѣятельностью ненавистныхъ ему правительствъ, вплоть до зданія почты и телеграфа.

«Свободной Россіи не нужны ни почты ни телеграфы. Предки наши нѣ писали писемъ (!) и не телеграфировали, а счастья было больше!» — заявилъ Махно делегаціи телеграфистовъ — «всѣ вы свободны, идите, куда глаза глядятъ. Чѣмъ вертѣть колесо, научитесь съ пулеметомъ работать, получайте по тачанкѣ и айда!»...

Къ ноябрю мѣсяцу успѣхи Махно въ тылу добровольцевъ привели почти къ полному прекращенію движенію на южныхъ желѣзныхъ дорогахъ. Изъ Екатеринослава онъ уходилъ, чтобы черезъ недѣлю (когда бѣлые войска возвращались на главный фронтъ) снова прийти. Дѣйствовалъ все тотъ же механизмъ. Приближается къ городу регулярный корпусъ, махновцы разбѣжались по пригородамъ, ушелъ корпусъ и безъ всякаго сигнала, по молчаливому договору собирались на городскомъ базарѣ...

Батько свистнуль и площадь ощетинилась.
Городъ снова въ рукахъ Махно.

Дальше—больше. Всю вторую половину 19 года Крымъ находился подъ угрозой вторженія Махно. Глубокой осенью въ Таганрогѣ, въ ставкѣ главнокомандующаго поднялась звѣриная паника: Махно, взявъ Мариуполь (80 верстъ отъ Таганрога), двигался дальше, а въ ставкѣ не было никакой охраны: тысячи офицеровъ, заполнившихъ Ростовъ и Таганрогъ, при вѣсти о Махно, какъ сквозь землю провалились. Ставка дала душераздирающую телеграмму генералу Шкуро (находившемуся подъ Воронежомъ) съ требованіемъ бросить все, и идти спасать ставку. Англичане проклинали русскихъ и наспѣхъ удирали изъ Таганрога... Остряки вспоминали случай, проишедшій при лѣтнемъ взятіи Екатеринослава. Въѣхавшему въ городъ, Деникину украинскія группы поднесли вышитый ручникъ съ надписью: «Не той казакъ, что побѣдивъ, а той казакъ, что выкрутився!..

Какой изъ двухъ «казаковъ» переживеть другъ друга? Побѣждающій или выкручающійся?

... Было уже лѣто 1920 г. Въ полосатомъ кепи, непромокаемомъ плащѣ, посѣдѣвшій генералъ Деникинъ шелъ по перрону Лондонскаго вокзала... И въ эти же дни въ

злосчастной Таврії Махно договаривался съ новымъ главнокомандующимъ — генераломъ Врангелемъ. Казалось, что на этотъ разъ счастье наконецъ на сторонѣ казака побѣждающаго: онъ далъ Махно своихъ инструкторовъ, замѣтно прибралъ его къ рукамъ, обольстилъ генеральскимъ титуломъ. «Используетъ главнокомандующій батьку и въ концѣ-концовъ повѣсить этого бандита»! — увѣряли крымскіе серцевѣды...

Снова пришла осень, четвертая золотая осень батьки Махно. Крымъ агонизировалъ и въ критической моментъ, ровно за мѣсяцъ до конца, Махно снова перешелъ, перешелъ къ большевикамъ.

По веснѣ батько ни за кого: свои политическія симпатіи онъ опредѣляетъ къ осени, когда вязки грунты и не проѣхать та-чанкѣ, когда дождь загоняетъ мужиковъ въ хаты и необходимо имѣть регулярные кадры, базу, провіантъ...

... Съ Махно не справится ни Троцкій, ни Буденный, ни Дзержинскій. Въ немъ сила русского засасывающаго болота. Ему уже 310 лѣтъ, Махно — одинъ изъ тѣхъ изумительныхъ «перелетовъ», которые въ великую смуту — подъ стѣнами Москвы — играли жребіемъ Россіи.

Петръ вздернуль ихъ на дыбы и три вѣка они таились. Теперь они воскресли— до новой дыбы, до... новаго Петра!..

III.

Въ редакцію ростовской газеты «Жизнь» въ концѣ мая 1919 года пришелъ человѣкъ въ стоптанныхъ сапогахъ съ выглядывающими носками, грязный, заросшій колючей рыжей щетиной, въ поломанномъ форменномъ картузѣ. Пришелъ, бухнуль на стулъ, дико осмотрѣль большую свѣтлую комнату, мягкую мебель, чистые чехлы.

«Вы откуда? «Изъ Киева»... «Долгоѣхали»?

«Гдѣѣхаль, а гдѣѣ пѣшкомъ шелъ!..

И человѣкъ рассказалъ: онъ чиновникъ Державнаго государственного банка; въ серединѣ прошлаго мѣсяца, когда на Прѣзной работала Чека, а на Подолѣ по ночамъ вырѣзали красноармейцевъ пробравшіеся изъ слободокъ партизаны, чиновника нашего взяла тоска.

Днѣпръ разливается, въ Царскомъ Саду распустились липы, жратъ нечего, на Крещатикѣ безпрестанная облава, бывшаго управляющаго ихъ банка разстрѣляли лишь за то, что у него въ недѣлю мирнаго возстанія нашли сотню полупротухшихъ яицъ:

за спекуляцію предметами первой необходимости!..

Вечерами на нижнихъ улицахъ топотали конные патрули мохнатыхъ хунгузовъ. Такъ страшно, что хоть на край свѣта бѣги. Въ погожій страстной четвергъ чиновникъ услышалъ, какъ грустно звонять въ соборѣ, и двинулъ за городъ, шелъ весь день, всю ночь, слѣдующее утро. Ноги ныли, поясница ломила, остановиться, оглянуться... жутъ бѣреть... Чиновникъ шелъ сорокъ шесть дней. Если-бы исчезли всѣ газеты, книги, мемуары, умерли и потеряли память всѣ современники, одного его рассказа хватило бы для написанія русскаго «Жиль-Блаза»...

Онъ не умѣлъ рассказывать: двадцать три года онъ совершенствовался въ подведеніи счетовъ «Іого»... Начиная съ Борщаговки (подъ Киевомъ) и до Ногайскихъ троствниковыхъ зарослей, гдѣ онъ, пролежавъ четыре дня, замѣтилъ казачьи разъезды, власти мѣнялись, режимъ опрокидывалъ режимъ. Въ Фастовѣ на телегр. столбахъ висѣли коммунисты со звѣздой на френчѣ. Въ загаженныхъ парадныхъ комнатахъ жилъ прапорщикъ Соколовскій и производилъ реквизиціи именемъ адмирала Колчака. Телеграфъ бездѣйствовалъ, но Соколовскій нашелъ рулонъ телеграфной ленты,

рвалъ ее по клочкамъ и карандашомъ писалъ содержаніе депешъ, будто бы полученныхъ имъ, изъ Ростова отъ Деникина, изъ Казани (!) отъ Колчака, изъ Одессы отъ французовъ (!)... Со всѣхъ сторонъ на всѣхъ языкахъ Соколовскому разрѣшалось: 1) произвести мобилизацио, 2) вѣшать коммунистовъ, 3) реквизировать хлѣбъ. Противъ второго пункта никто не возражалъ, за первый и третій Соколовскій непрестанно страдалъ и, не находя желающихъ воевать, каждую недѣлю сдавалъ Фастовъ большевикамъ, которые въ свою очередь не могли и не хотѣли удерживать голодающее, сожженное мѣстечко... !

Страшась мобилизациіи, чиновникъ повернуль на сѣверъ къ Бахмачу и здѣсь попалъ въ лапы краснаго заградительнаго отряда. Десять дней онъ разъѣзжалъ въ эшелонѣ насильно мобилизованныхъ хлѣборобовъ, на одиннадцатый въ Полтавѣ они попали въ плѣнъ къ атаману Зеленому. Всѣхъ плѣнныхъ согнали на станціонный дворъ, раздѣли до-гола и стали искать евреевъ... Евреевъ вѣшали, остальнымъ давали лохмотья, пошитыя изъ мѣшковъ, и гнали копать окопы на Сѣверный вокзалъ. Для чего копаютъ — никто не зналъ, но такова была традиція, усвоенная Зеленымъ за время пребыванія въ гайдамакахъ и красноармей-

цахъ. Зеленый сжегъ оба вокзала и Сѣверный и Южный, взорвалъ мостъ и ушель къ Люботину. Чиновникъ оказался военнымъ трофеемъ главковерха Егорьева. Теперь его двинули къ станціи Запорожье на борьбу съ Махно. До Запорожья не доѣхали: въ первую же ночь поѣздъ наскочилъ на подложенную балку; затякали пулеметы, и весь эшелонъ безъ боя сдался зasadѣ атамана Ангела, который призналъ батько Махно своимъ «старшимъ товарищемъ». Съ Ангеломъ жгли заводы Бсбринского, вырѣзали евреевъ въ Пятихаткѣ. Отсюда плѣнныe бѣжали, днемъ прятались въ балкахъ, ночью шли, кушали рѣдко, развѣ если попадется уцѣлѣвшая отъ пожара деревня. Ночи случились безлуные, но со всѣхъ сторонъ горизонта колыхали зарева экономій, рощъ, остатковъ полустаночныхъ вокзаловъ.

«Такъ отчетливо видимъ — повѣствовалъ чиновникъ — цифры столбиковъ верстовыхъ; идешь-идешь, хлопъ и наткнулся, въ канавкѣ трупъ лежитъ. Кидаемся, думаемъ, можетъ сапоги цѣльые. Куда тамъ, не то что сапоги, исподники сняты»...

Шкуринские казаки, вытащивъ чиновника изъ Ногайскихъ зарослей, приняли его за шпиона и хотѣли вѣшать. Когда увидѣли, что сапоги порванные и поживиться не чѣмъ,

довели до штаба. Здѣсь его сейчасъ же занесли въ число плѣнныхъ. Чиновникъ взмочился и сталъ доказывать, кто онъ и что онъ. Штабные успокоили: «Да вы не бойтесь, въ Ростовѣ васъ отпустятъ, а здѣсь генералу лестно, чтобъ плѣнныхъ побольше было!»... Такъ ихъ и везли до самаго Ростова. На цѣлую теплушку ни одного большевика: ногайскіе домовладѣльцы, бердянскіе купцы, былъ еще одинъ инженеръ изъ Мариуполя, смуглый, кудлатый, думали евреи, хотѣли заколоть, потомъ осмотрѣли — видѣть армянинъ, и отправили въ Ростовъ...

IV.

У Симона Петлюры столицъ не меныше, чѣмъ былыхъ занятій, и не больше, чѣмъ оріентаций. Въ Москвѣ онъ былъ скромнымъ помощникомъ бухгалтера, служилъ въ транспортной конторѣ, по четвергамъ ходилъ въ кружокъ «Кобзарь», игралъ на гитарѣ, подпѣвалъ фальшивымъ голоскомъ украинскія пѣсни и уносилъ домой томикъ Грушевскаго. Въ Москву онъ пріѣхалъ, спасаясь стѣ преслѣдованій Киевской полиціи: прозорливцы - пристава инкриминировали «мѣщанину Семену Петлюрѣ» какія-то противоправительственные затѣи, нашли у него недозволенные книжки, укра-

инскіе стишки, заржавѣвшій пятнадцатый бульдогъ... Въ Москвѣ, хотя онъ и числился подъ надзоромъ, полиція скоро перестала думать о помощникѣ бухгалтера. И жить бы ему и поживать, и вышелъ бы изъ него великолѣпный старшій бухгалтеръ (въ украинской газетѣ онъ подъ конецъ бросилъ писать, надоѣло...). Но война и земскій союзъ заразили его военнымъ духомъ.

По должности помощника уполномоченного земсоюза Петлюра носилъ шпоры, тупую шашку, полированный свистокъ, громадный ноганъ и еще полдюжины переплетающихся шнурковъ: для бинокля, для «индивидуального» перевязочного пакетика и т. д. Земсоюзъ сдѣлалъ изъ Петлюры военного министра въ первомъ украинскомъ кабинетѣ. И какъ всѣ украинцы, онъ оказался гениемъ, неоцѣненнымъ, придушеннымъ царизмомъ. Сперва съ немцами Вильгельма выгналъ большевиковъ, потомъ съ немцами Эберта доконалъ Скоропадского. И начался знаменитый калейдоскопъ.

Въ трудную минуту его спасаетъ священное наслѣдіе Мазепы, когда - нибудь послѣ Кіева, Каменецъ-Подольска, Винницы, Варшавы, Тарнова, немцевъ, полковъ, румынъ, добровольцевъ. — Симонъ Петлюра докатится, пожалуй и до шведовъ. Онъ имъ припомнить дружбу Мазепы съ

Карломъ ХП и сорветь сотню тысячъ кронъ...

... Горѣло все: заводы, экономіи, вокзалы, города, живые люди. Україна была сплошнымъ костромъ. Симонъ Петлюра сталъ фениксомъ. Безсмертіе ли пошлости, живучесть ли предательства, но Симонъ Петлюра — единственное, что изъ всей Україны уцѣлѣеть послѣ многолѣтней «украинской ночи». Изъ русскаго элемента, изъ чернозема Малороссіи — Махно, изъ украинскаго авантюризма, смѣси погромовъ, брошюръ, отвратительного волапюка — Петлюра.

Пока Зеленый, Струкъ, Ангель, Соколовскій, шарять въ жалкихъ сундукахъ корчмарей, залитые кровью, рискующіе жизнью, загнанные, усталые, ежеминутно ждущіе удара ножемъ въ спину, пули изъ маузера адъютанта, пока богатѣйшія губерніи покрываются пепломъ, падалью, Симонъ Петлюра рѣшаеть свои дѣла въ кабинетахъ лимитрофныхъ министровъ, въ ресторанахъ Варшавы, въ деревенскихъ усадьбахъ Галиціи... Онъ боится крови, не любить звуковъ орудійной пальбы и, если приходится загребать жаръ собственными руками, Петлюра бросаеть армію и съ обозомъ бѣжитъ въ гостепріимную Галицію.

Такъ было въ 1919 году въ Винницѣ, такъ кончилось осеннеое наступленіе въ 1920 г.

Въ его штабѣ нѣть военныхъ: они любятъ вѣшать и съ ними опасно шутить. Въ антуражѣ Петлюры маленькие хохлики съ большой подлостью, съ уровнемъ, выгодно отѣняющимъ сравнительную грамотность ихъ вождя...

Украинская ночь обошлась Петлюрѣ не то въ двѣсти, не то въ четыреста тысячъ мобилизованныхъ и добровольцевъ, убитыхъ, умершихъ отъ ранъ, отъ тифа, отъ голода. Но въ «Matin» уже была бесѣда съ «Гетманомъ» — длинная, восторженная, съ портретомъ, съ подзаголовками. Посоль Петлюры — графъ Тышкевичъ — не даромъ толчется въ Парижѣ. Игра стоитъ свѣчъ

... Недавно мнѣ попалась газета, издающаяся въ Тарновѣ, офиціозъ Симона Петлюры. Въ номерѣ былъ помѣщенъ списокъ новаго правительства, составленнаго Петлюрой. Ихъ имена, конечно, ничего не говорили. Быть можетъ бывшіе карманщики, быть можетъ кременчугскіе телеграфисты... Но примѣту я вспомниль: Петлюра мнѣ еть правительство передъ каждымъ новымъ похожденіемъ... Слишкомъ ярко зарево украинской ночи, чтобы фениксъ могъ воскресать съ прежней физіономіей!..

До разсвѣта еще далеко.

ПОРТО-ФРАНКО.

I.

Музыка играеть все тише и тише...

Золотой звонъ гетманщины, двѣ Одессы, безнадежность кровью заливаемаго полуострова...

«Господи, спаси Россію, помоги армії!— и въ послѣдній разъ подпісавъ приказъ за номеромъ подпісью: «Главнокомандуюшій В. С. Ю. Р., генералъ А. И. Деникинъ», — старый человѣкъ въ первый разъ въ жизни заплакаль, прощаясь со своимъ конвоемъ... Но дальше, дальше, уже и его печальный образъ мелькаеть въ гнилыхъ туманахъ Пикадилли, Россія кончается!

Грюндерство, спекуляція, анришизмъ вступаютъ въ опасный возрастъ. Ваггъ дэ бэссъ въ Европѣ, паникой вшами съѣденъ подлецъ — городъ Новороссійскъ.

Ахъ, все въ прошломъ! Кто возвратить сахарныя сдѣлки Харьковскаго «Версаля», милую прохладу грязныхъ кофеенъ Ростова, гдѣ лакеи такъ грубы, а деньги такъ

новинуются желаніямъ, взлстамъ, падені-
ямъ, слухамъ...

Музыка играеть все тише и тише...

... Но здѣсь уже нѣтъ Россіи, здѣсь — British Occupation. И пока въ этомъ тропи-
ческомъ Батумѣ развѣвается флагъ Его Ве-
личества, пока багровый толстякъ въ шот-
ландской юбкѣ стоитъ на углу и лупить
своимъ традиціоннымъ жезломъ зазѣваша-
гося мушу, пока въ стеклянномъ павильонѣ
въ тактъ непрерывному ту- степу американ-
скіе матросы въ поварскихъ колпакахъ гре-
мять столами и тарелками, пока полночь
и полдень возмѣщаются пушкой свѣтлосѣ-
раго гиганта «Императоръ Индіи», до тѣхъ
поръ еще не все потеряно. Провести по-
слѣдній день Помпеи, на крошечномъ клоч-
кѣ заливаемой ливнями русской земли, подъ
роднымъ небомъ, подъ чужимъ флагомъ,
собрались всѣ, кого ударила революція и
кого выдумалъ морокъ лѣтъ возмездія.
На пышащихъ болотомъ, лихорадкой, знай-
ной лѣнью клумбахъ первого въ мірѣ буль-
вара въ часы карминовыхъ закатовъ тол-
пятся московскіе банкиры, одесскіе паро-
ходчики, мамонтовскіе есаулы, контрь -
развѣдка полусотни южныхъ городовъ,
бѣглые большевики и прїѣзжіе: итальян-
цы, англичане, французы, турки.

... Гражданскій губернаторъ, полковникъ Гаррисъ занятъ съ ранняго утра. Его адъютантъ, молоденькій, голубоглазый, веснушчатый валлисецъ, котораго Мурочка Вронская изъ «Шато-дэ-флеръ» называетъ «клубничное мороженное», докладываетъ ему результаты переговоровъ съ аджарцемъ Кискинъ-Задэ. Правительство Его Величества въ конецъ раздражено грузинскими требованіями Батума; изъ Лондона пришло распоряженіе попытаться создать Мессопотамскую обстановку — использовать мѣстныя распри. Мусульмане - аджарцы должны возстать противъ христіанъ - грузинъ. На-лицо имѣется Кискинъ-Задэ; свѣдѣнія о немъ неважныя. При царѣ отбылъ два срока арестанскихъ ротъ, зарегистрированный на всемъ Кавказѣ разбойникъ, среди аджарцевъ, въ аулахъ Верхней Аджаріи весьма популярренъ. Предлагаетъ свои услуги на случай необходимости испортить Тифлисскую жел. дорогу, приугнуть грузинъ кемалистами или большевиками и т. п.

Гаррисъ выслушиваетъ докладъ и отдаетъ распоряженіе: подготовить приказъ объ утвержденіи британскими властями Кискинъ-Задэ въ должности «главнокомандующаго войсками Независимой Аджаріи»...

«Я убѣжденъ—говорить онъ, улыбаясь—что и профессоръ будетъ доволенъ»!..

Профессоръ — Оливеръ Уордропъ, англійскій верховный комиссаръ для всего Закавказья, фанатикъ идеи расчлененія Россіи на миллионъ республикъ, которыя-бы своими внутренними раздорами требовали спасенія извнѣ. Уордропъ благословилъ Азербайджанъ, Грузію, горскую республику, черезъ Дербентъ вооружилъ дагестанцевъ противъ Деникина, снабжавшагося правительствомъ Его Величества черезъ Новороссійскъ. Гаррисъ отпускаетъ адъютанта и начинаетъ пріемъ просителей. За утро поступило шестнадцать прошеній объ открытіи новыхъ мѣняльныхъ конторъ. Скоро весь городъ будетъ заклеенъ плакатами—«money exchange». Просители — всѣ изъ благонадежныхъ круговъ. У одного recommendation англійской контрь - развѣдки въ Севастополѣ, другой — генералъ, командовалъ корпусомъ на Кавказскомъ фронтѣ, третій — секретарь Распутина, личный знакомый Сэра Джоржа Бьюокенена, у четвертаго письма изъ лондонскихъ фирмъ, близкихъ губернатору въ эпоху его мирной дѣятельности гофмаклера въ Сити.

За мѣнялами наступаетъ очередь редакторовъ.

«Почему всѣ русскіе хотятъ издаватъ газету?» — спрашиваетъ губернаторъ своего переводчика, вертляваго грека изъ Херсона, только что окончившаго Константинопольскій колледжъ.

Переводчикъ вчера вечеромъ ужиналъ въ шантанѣ съ однимъ изъ «editors», неизвѣстнымъ мужчиной въ панамѣ; уже двѣ недѣли мужчина ходить изъ конторы въ контору, имѣя при себѣ кожаный желтый саквояжъ, откуда имъ извлекаются пачки николаевскихъ пятисотрублевыхъ, запечатанныя двуглавымъ орломъ. Одна изъ такихъ пачекъ въ концѣ ужина перешла къ переводчику. Осторожно и издалека, онъ убѣждаетъ губернатора въ полезности печати для развитія любви къ англійскимъ властямъ. Гаррисъ что - то соображаетъ; френчъ и краги не убили въ немъ маклерскаго чутья. Рѣшительнымъ движеніемъ онъ перечеркиваетъ прошеніе.

«Лишняя газета — лишній шантажъ. Пусть читаютъ «Times»!.. Грекъ почтительно - юисло улыбается...

Сквозь открытое окно снизу доносятся крики. У парадной двери въ саду, на самомъ солнцепекѣ галдитъ толпа персовъ, грузинъ, армянъ, пришедшихъ за получениемъ заграничныхъ паспортовъ. Когда крики усиливаются, Гаррисъ подходитъ къ

окну и что то односложное говорить сержанту, сидящему на скамейкѣ. Сержантъ подымается, подходитъ къ толпѣ и, не произнеся ни одного слова, сперва ударьетъ палкой крайняго пузатаго перса въ цвѣтномъ халатѣ, а потомъ, работая колѣнками и палкой, разгоняетъ всю толпу.

«Finished, finished»... Съ пристани доносится глухой выстрѣль: полдень.

Офицеры выходятъ изъ дворца губернатора и направляются къ пляжу. По излюбленной вѣковой привычкѣ они ходятъ гурьбой и держатся преимущественно мостовой: въ этихъ проклятыхъ вонючихъ колоніяхъ на тротуарѣ изъ окна могутъ облизать какой-нибудь мерзостью, а изъ подворотни и вовсе пырнуть ножемъ.

На улицѣ, по которой они проходятъ, гремятъ желѣзныя сторы складовъ и мѣняльныхъ конторъ.

Время купанья, завтрака, подсчета утреннихъ прибылей. Пляжъ зацвѣтаетъ костюмами. Англичане усаживаются на верхней террасѣ ресторана вооружаются биноклями и шумно спорятъ о тѣлѣ русской женщины. Пожилому майору съ недостающей, отрубленной мочкой праваго уха крайне непріятно, что русскія дамы избѣгаютъ мас-сажа и нагуливаютъ за лѣто неимовѣр-

ные бока, напоминающіе овощныхъ торго-
вокъ Уайтчепля.

Далѣе ему кажется, что, если войска Его Величества пробудутъ здѣсь еще годъ, въ обращеніи появится добрая тысяча ребятъ смѣшанной расы; въ бинокль видно, какъ на демократической сторонѣ пляжа совсѣмъ рядомъ съ горничными, прачками, кухарками расположилась группа гурко-совъ. И тѣ и другіе завернули волосы въ полотенце и бѣгаютъ на перегонки по круглымъ голышамъ... Каждый день въ мѣняльныя конторы заходятъ женщины въ платочкахъ и, краснѣя, достаютъ изъ узелка большую серебряную монету съ изображеніемъ птицъ — индійскія рупії.

«А я думаю — говорить старикъ въ бѣломъ шлемѣ и золотыхъ очкахъ, главный гарнизонный врачъ — что, когда эти гуркосы попадутъ къ себѣ въ Индію, тамъ начнется небывалая эпидемія сифилиса. Въ городѣ на восемьдесятъ тысячъ населенія имѣется три съ половиной тысячи гуляющихъ дѣвокъ, изъ нихъ три четверти больныхъ»...

Черезъ полчаса и бульваръ, и пляжъ, и торговая улица вымираютъ. Тропический зной достигаетъ кульминаціонной точки. Одни муши еще толпятся на площадяхъ; на непонятномъ гортанномъ нарѣчіи они

переругиваются, вырывая изъ рукъ засалениыя бумажки. Потомъ начинается ежедневное удовольствіе — драка мушей. Большиими желѣзными стержнями для запаковки ящиковъ они, бьютъ другъ друга по курчавымъ головамъ, по грязнымъ бронзовымъ физіономіямъ, по исцарапаннымъ жилистымъ шеямъ. Зной, голодъ, многопудовая клажи отбили у нихъ всякую чувствительность, и, когда черезъ полчаса подходитъ лѣнивый грузинъ - милицейскій, по лицамъ уже текутъ струйки смѣшанной съ грязью крови. Дѣло закончится въ англійской полиціи: мудрый сержантъ отправить всѣхъ въ принудительную бесплатную баню; ихъ зловонныя лохмотья наполнять миръядомъ наскокомыхъ дезинфекціонную камеру и выйдутъ изъ нея такими же разсадниками всѣхъ существующихъ въ мірѣ болѣзней, привезенныхыхъ на итальянскихъ луксахъ, греческихъ хлѣбныхъ шхунахъ и просмолленныхъ турецкихъ парусникахъ.

Къ двумъ часамъ дня Реомюръ доходитъ въ тѣни до 35 град., на солнцѣ температура миражей, обмороковъ, мозговыхъ ударовъ.

Въ полотняныхъ пиджакахъ, съ налитыми кровью глазами, мѣнялы возвращаются въ свои душные конторы, гдѣ рои мухъ и пчелъ гнѣздятся въ ложбинкахъ витринъ, предназначенныхъ для выставки золотыхъ

долларовъ, стаинныхъ луидоровъ и русскихъ червонцевъ. Липкими одеревенѣвшими пальцами они пересчитываютъ миллионы обезцѣненныхъ русскихъ бумажекъ, которыми полны соломенные корзины. Не многочисленные фунты благоговѣйно извлекаются изъ внутреннихъ кармановъ жилета. Снова возобновленъ трудовой день. Длиной чередой тянутся персы съ пергаментной, желтой отъ опіума кожей; казаки въ тяжелыхъ папахахъ предлагаютъ дамскія сережки и самоцвѣтные камни; константинопольскіе и синопскіе греки продаютъ фальшивыя десятилировки, ибо никто изъ вновь испеченныхъ мѣнялъ никогда не видѣлъ турецкихъ денегъ.

Томный, стройный брюнетъ, бывшая правая рука Деникина на Тerekѣ, продаетъ русское масло и покупаетъ батумскій керосинъ. Брюнетъ извѣстенъ своей венгерской фамиліей и поспѣшнымъ ночнымъ бѣгствомъ изъ его ставки — Пятигорска, гдѣ онъ оставилъ безчисленное военное имущество, офицерскія семьи, штабы, разлагавшуюся армію.

Начальникъ военного кабинета Керенского, грузный, близорукій полковникъ, скупаетъ германскія марки. Онъ боится вызвать повышеніе цѣнъ; и прежде чѣмъ купить одну-двѣ тысячи марокъ онъ сидитъ

часами въ плетеныхъ креслахъ, питье десятками чашекъ приторное крѣпкое кофе, помогаетъ считать деньги, подаетъ совѣты, разсказываетъ эпизоды изъ исторіи паденія Временного Правительства. Такъ онъ проваландается до самаго вечера; за десять минутъ до закрытія онъ внезапно поблѣднѣеть, протреть платкомъ съ вензелемъ запотѣвшія стекла черепаховыхъ пенснѣ и спросить подавленнымъ тономъ: «А что наши дейтшланды? Говорятъ въ паденіи»... Его любимый мѣняла, бывшій при первыхъ большевикахъ комендантомъ Феодосіи, прыщавый горбатый студентъ знаетъ номера своего клиента, и сурово отвѣчаетъ: «Марокъ нѣть; самъ-бы купилъ, да негдѣ»...

Нѣсколько репликъ, длинный, безуспѣшный для полковника споръ, и очередная тысяча марокъ торопливо засовывается въ особо секретный кошелъ, идущій вокругъ всего живота. Къ пяти часамъ зной пользуетъ испариной по корнямъ пальмъ; мороженщики подымаютъ крикъ на трехъ языкахъ сразу; американцы вылѣзаютъ изъ воды и отправляются на поиски веселыхъ домовъ въ туземную часть города, гдѣ уже заиграла зурна.

II.

Генералъ Ляховъ избралъ себѣ плохое убѣжище. Лучше было бы ему прятаться

въ Сѣверной Персіи, которую онъ нѣкогда усмирялъ во главѣ особой казачьей бригады, нежели заниматься разводкой овощей въ собственномъ огородѣ, въ предмѣстьѣ Батума. Населеніе Батумской области — беспокойное, мстительное, восточно-упрямое, восточно-рѣшительное — хорошо запомнило дѣятельность этого новѣйшаго Цинцинната въ первые годы міровой войны.

Командиръ корпуса Кавказской арміи и военный губернаторъ Батумской области, генералъ-лейтенантъ Ляховъ перевѣшалъ за два года столько аджарцевъ, что его жертвами можно было бы заселить еще одинъ Батумъ. Во времена Деникина Ляховъ въ послѣдній разъ свелъ счеты съ кавказцами въ роли Главноначальствующаго Терско-Дагестанскаго Края. Щздила съ броневикомъ и сметаль аулы изъ тяжелыхъ орудій...

Въ апрѣлѣ 1920 г. это былъ высокій бравый старикъ; въ черкескѣ при всѣхъ орденахъ, смѣло ходилъ онъ по улицамъ Батума, чувствуя на себѣ враждебные истребительные взгляды молчаливыхъ людей въ чалмахъ и фескахъ.

Въ черкескѣ при всѣхъ орденахъ Ляховъ высматривалъ помѣщеніе для моднаго занятія—мѣняльной конторы. Такъ его

застигли въ первый разъ въ огородѣ на дачѣ. Три аджарца залегли за изгородью и открыли пальбу; генераль отбивалъ лопаткой пули и съ той же лопаткой кинулся на убійцъ.

Всѣ троє бѣжали.

Англичане сказали генералу: «Вы, конечно, герой, но съ одной лопаткой далеко не уѣдешь; каждый день на вѣсть подготовляется добрая сотня заговоровъ. Убирайтесь по добру, по здорову въ Константинополь». День его отъѣзда опредѣлили на 29 апрѣля. Утромъ Ляховъ прошелъ въ церковь отслужить панихиду по женѣ; англійскій миноносецъ развелъ пары и ждалъ генерала на рейдѣ.

Въ одиннадцать часовъ утра онъ вышелъ изъ церкви. И снова троє въ фескахъ пошли за нимъ, приблизились на пять шаговъ и разрядили въ его спину три обоймы трехъ маузеровъ. Выстрѣлы среди бѣлага дня? Мѣнялы всполошились: должно быть грабежъ... Поспѣшно закрыли конторы, загремѣли желѣзными жалюзи. Когда выяснилось, что произошло чистое убійство безъ грабежа, снова открыли лавки. День выдался тревожный. Пробѣжалъ слухъ о занятіи Баку большевиками. Фунты прыгнули на 40 проц.; полковникъ Гаррисъ, єдучи на панихиду по Ляховѣ, заѣзжалъ по дорогѣ

во всѣ конторы и скапалъ всю имѣющуся валюту.

А вечеромъ въ общественномъ собраніи за ожесточеннымъ макао секретарь Распутина — человѣкъ съ невѣроятнымъ акцентомъ, склонностью къ пессимизму и небольшими чёрненькими усами — рассказывалъ, что говорилъ старецъ о Ляховѣ. И снова, какъ это уже происходило второй годъ, во-сторженные слушатели говорили въ одинъ голосъ: «Аронъ Семеновичъ! Вамъ нужно писать мемуары. Вы на нихъ заработаете больше денегъ, чѣмъ на размѣнѣ»!.. Аронъ Семеновичъ презрительно улыбался и загибалъ пальцы на обѣихъ рукахъ: «Во-первыхъ мѣнялку я держу не для заработка, а чтобы сыны мои за дѣвчонками не бѣгали. Деньги есть деньги. Имъ нравится, когда денегъ больше съ каждымъ днемъ, тогда имъ плевать на ажуръ и амуръ. Знать есть здоровье. Во-вторыхъ я вамъ скажу, дворяне не отмоютъ на себѣ кровь Распутина еще двадцать лѣтъ. И генералы тоже. Ляхова убили. Убьютъ еще сто Ляховыхъ!»...

У секретаря старца по слухамъ имѣлся фунтъ камней голубой воды, жену свою—толстую картежницу — онъ не успѣлъ вывезти изъ Кіева, и въ Батумѣ породистыя бѣженки находили, что Аронъ Семеновичъ

не такъ плохъ, какъ о немъ говорять...
La carte passe et la carte passe! . . ,
возглашалъ крупье, бывшій конногвардеецъ.
Въ сосѣдней залѣ затянутые въ парадные
френчи лейтенанты танцевали негритян-
скіе уан-и ту-степы, здѣсь за зеленымъ сто-
ломъ за неполный часъ оставлялись двух-
лѣтній грабежъ на фронтѣ гражданской
войны, вывезенное женино колье, зарабо-
токъ знойныхъ тяжелыхъ недѣль.

Проигравшіеся сидѣли на верандѣ, тер-
заясь воспоминаніями. Охотничій клубъ,
литературный кружокъ, Екатерининское
собраніе — если-бы у этого накрашенного
господина въ дешевомъ итальянскомъ ко-
стюмѣ, добывавшаго обѣдъ подачками ан-
гличанъ, а ужинъ похабными анекдотами
въ кругу пароходчиковъ-грековъ, если-бы
его спросили о прежнемъ титулѣ и поло-
женіи — пришлось бы зарыться въ дебри
англійского клуба въ Москвѣ, припомнить
фамиліи старшинъ клуба въ дни чествова-
нія Багратіона. Сегодня ему ничто не уда-
валось. Его главный покровитель, албан-
скій грекъ и бывшій турецкій офицеръ,
разбогатѣвшій на скупкѣ краденаго имуще-
ства трехъ армій (русской, турецкой, ан-
глійской), получилъ извѣстіе, что въ Баку
большевиками захваченъ цѣлый поѣздъ съ
его консервами. Албанецъ нервно теребиль

янтарныя четки, самъ не ужиналь и не хотѣлъ понимать намековъ накрашенного господина...

Внезапно лакеи засуетились. Старшина, туземный нотаріусъ, атлетъ и глухарь, кинулся къ входной двери, откуда въ сопровождениі англійскихъ офицеровъ и четырехъ молодцеватыхъ мюридовъ, вплывалъ круглолицій, усатый аджарецъ, въ бѣлой чалмѣ, со шрамомъ на щекѣ, при драгоцѣнномъ оружіи. Кискинъ-Задэ въ ознаменование смерти его страшного врага Ляхова, нѣкогда давшаго ему 25 плетей, рѣшилъ посѣтить собраніе гяуровъ. Широко растопыренными пальцами онъ держалъ громадный букетъ одуряющихъ туберозъ, преподнесенный женой англійскаго губернатора.

Еще яростнѣй заиграли негритянскій тустепъ, еще отчетливѣй застучали каблуками молодые лейтенанты. Какъ-никакъ, а Кискинъ-Задэ являлся все-же въ нѣкоторомъ родѣ избранникомъ Его Величества.

III.

Послѣднее осеннее цвѣтеніе. Измѣнился фонъ, нѣть больше кіевскихъ нѣмцевъ, ростовскихъ казаковъ, новороссійскихъ марковцевъ. Но и здѣсь не избѣжать эвакуациі. И снова повторяются ея три вѣрнѣйшихъ признака: бѣшенство спекуляціи, бас-

нословныя цифры грабежей, пріѣздъ театра «Кривой Джимми», который, какъ статуя командора, появлялся наканунѣ смерти всѣхъ украинс'кихъ, донскихъ, кавказскихъ городовъ.

Уйдутъ или не уйдутъ англичане? Въ попыткахъ разрѣшить эту основную про-blemу всѣхъ трехъ лѣтъ бѣженства худѣли мѣнялы, теряли аппетитъ молодые люди изъ контрѣ - развѣдки, возрасталъ пре-стижъ учрежденій защитнаго цвѣта: коопе-ративовъ, центросоюза, профессіональныхъ организацій.

Сами англичане славно поддерживали марку традиціонной загадочности. Разъ въ недѣлю бѣлые шлемы ѣзъ британского банка черезъ шантанныхъ пѣвицъ и болтливыхъ стариковъ пускали слухи — «уйдемъ не позже, чѣмъ на будущей недѣлѣ»...

На утро фунты дорожали сразу на 200—300 проц., переводчики губернатора за без-болѣзненное полученіе визы брали вмѣсто пяти фунтовъ двадцать, встревоженные пиджаки, шляпки и папахи осаждали контору итальянского пароходства...

Проходило два-три дня, англичане банка и штаба успѣвали продать свои фунты, губернаторъ вывѣшивалъ объявленіе о строжайшемъ наказаніи породителямъ слуховъ объ уходѣ войскъ Его Величества, фунты

летѣли внизъ, въ витринахъ мѣняль появлялось безчисленное множество второпяхъ закупленныхъ брилліантовъ, плачущія дамы не знали, что имъ дѣлать съ билетомъ 1-го класса до Венеціи, «la nourriture у compris», англичане съ громадной прибылью покупали обратно свои фунты и брилліанты, глупый бѣженскій анекдотъ снова повторялся и не было ему, казалось, ни начала ни конца.

.. Но паденіе Азербайджанской республики всполошило не на шутку всю эту усташую накипь. Въ началѣ мая на пароходѣ «Сюира» покинули кавказскіе берега всѣ тѣ, кого не сумѣли загубить ни кисловодская чека, ни одесская недѣля мирнаго возстанія, ни всероссійскій палацъ — сыпнякъ. Уѣзжала Россія первая — бывшіе министры, попечители, банкиры, уѣзжала Россія вторая — нувороши, почуявшіе близкій конецъ, комиссары, грабнувшіе и больше всего боявшіеся прихода «нашихъ», могущихъ припомнить былыхъ дѣла, интернациональное демократическое сословіе мѣняль, крупье, шуллеровъ.

На третьемъ часѣ поѣздки заговорила Россія третья. На палубѣ раздался выстрѣль. Въ кають-компанію зашелъ бритый человѣкъ въ отличномъ дорожномъ костюмѣ съ маузеромъ въ рукахъ, попро-

силь пассажировъ не волноваться и безъ сопротивленія сдавать имѣющіяся суммы. Во всѣхъ проходахъ, машинномъ отдѣленіи, у радио-телеграфа стояли такіе - же люди съ такими же маузерами.

Послѣ краткаго, но энергичнаго сбора, во время котораго у жены одного изъ видныхъ союзныхъ сановниковъ, оказалось совершенно оглушительное количество брилліантовъ, представители третьей Россіи сѣли на лодки и уѣхали, на прощанье распорядившись всѣмъ пострадавшимъ подать шампанское...

Въ Константинополѣ большинство изъ пассажировъ «Сюира» отказалось отъ мысли продолжать поѣздку и уныло сошло на берегъ, утѣшаясь мыслью о ничтожности своихъ потерь въ сравненіи съ потерей союзной дамы, у которой брилліанты были величиной въ слезу армянскихъ сиротъ... (ея мужъ опекалъ Арменію).

Герои происшествія на „Сюира“ были пойманы лишь спустя нѣсколько недѣль. Пока-же въ видѣ нравоученія и для прекращенія слуховъ объ участіи въ грабежѣ ставленника Его Величества Кискинъ-Задэ, англичане рѣшили наказать кого-либо изъ имѣющихихся въ ихъ рукахъ «туземныхъ бандитовъ». Въ Батумской тюрьмѣ уже второй годъ содержалась компания изъ восьми гру-

зинъ, подозрѣвавшихся въ какомъ-то грабежѣ. Въ шесть часовъ утра на главную площадь города были доставлены въ грузовикахъ всѣ восемь. По англійскому обычаю у нихъ были забинтованы лица и ихъ привязали къ специально поставленнымъ столбамъ. Церемонія разстрѣла, чтобы не привучать индусовъ къ убийству бѣлыхъ, была поручена взводу моряковъ. Послѣ двухъ сухихъ залповъ къ каждому изъ восьми подошелъ лейтенантъ, командовавшій взводомъ и для вѣрности всадилъ еще по пулѣ въ голову каждого. Въ шесть часовъ десять минутъ бравые «бобби» уже разгоняли любопытную толпу, густыми цѣпями осаждавшую площадь.

Возмездіе свершилось. Къ полудню фунтъ опять повысился: Аронъ Семеновичъ сказалъ, что онъ эти штуки знаетъ: передъ эвакуаціей всегда разстрѣливаютъ грабителей... Его тѣлохранитель и кассиръ, бывшій начальникъ конныхъ разведчиковъ въ добровольческомъ корпусѣ, прибавилъ, что и онъ это провѣрилъ на опытѣ...

И уже больше никого не радовали ни пальмы, ни карминовые закаты, ни великолѣпный экспрессъ съ вагонъ - рестораномъ, который за неполныхъ двѣнадцать часовъ привозилъ въ Тифлисъ. Что толку было торчать въ Батумѣ, когда въ Баку уже

засѣдалъ конгрессъ коммунистовъ и нефтепроводъ не давалъ ни капли нефти? Каякая радость была отъ поѣздокъ въ Тифлисъ, если совѣтскій посолъ Кировъ уже произносилъ съ балкона своего дома зажигательныя рѣчи, а грузинскій министръ добродушно признался, что въ случаѣ чего его армія продержится отъ полудня до слѣдующей полуночи...

Въ серединѣ іюня англійскій губернаторъ извѣстилъ населеніе, что на мѣсто отбывающихъ на родину англійскихъ войскъ въ Батумъ прибываютъ французы...

По кривымъ уличкамъ, съ воемъ пронзительныхъ рожковъ, трещетокъ, съ боемъ барабановъ, входили колоніальная войска — сенегальцы въ фескахъ. Сомнѣній больше не было. Значитъ судьба Батума предрешена. И, умудренные одесскимъ опытомъ, послѣдніе могикане бѣженства больше не желали ждать. Бѣдныеѣхали въ Крымъ, гдѣ дѣла Врангеля какъ-будто на лаживались, гдѣ по слухамъ была холера и значитъ нужда въ рисѣ и медикаментахъ. Обладатели валюты не вѣрили ни въ Крымъ, ни въ рисѣ, ни въ медикаменты, ни въ товарообмѣнѣ, ни въ сенегальцевъ.

Впереди былъ еще одинъ этапъ — Босфоръ, конторы грязной Галаты, ослѣпительный «Пера-Паласъ».

* * *

Чѣмъ больше итальянскій пароходъ, тѣмъ меньше можно вѣрить въ аккуратность его отходовъ и приходовъ.

Въ послѣдній моментъ комиссаръ нашего Triestino вспомнилъ, что онъ чего-то не успѣлъ купить и опрометью кинулся на берегъ. Какое-то особенное нервозное нетерпѣніе овладѣло всѣми нами. На пароходѣ уже вѣяло Европой. Въ кокетливомъ барѣ негры въ расшитыхъ ливреяхъ говорили на отчаянной смѣси четырехъ языковъ, въ салонѣ валялась кѣмъ-то завезенная программа скачекъ въ Longchamps, на столахъ блистали давно невиданныя скатерти; матросы не толкали, не грозили, не вышивривали съ палубы сундуковъ, контролеръ взялъ билетъ и сказалъ «gratia, signore». Но тѣмъ чувствительнѣй была задержка. Скорѣй, скорѣй....

Наконецъ, комиссаръ вернулся. Вслѣдъ за нимъ изъ катера вылѣзъ и поднялся по трапу высокій, изящный человѣкъ съ орлинымъ носомъ и чуть-чуть подведенными губами. Онъ былъ въ штатскомъ сѣромъ костюмѣ, но ясно чувствовалась въ немъ при-

вычка къ шпорамъ и мундиру. Онъ говорилъ по-итальянски съ тѣмъ рулированиемъ, по которому такъ нетрудно узнать русскаго.

Въ кають-компаниі къ нимъ присоединился французъ- экспортеръ, уѣзжавшій въ Бриндизи. Они оживленно заговорили о какихъ то товарахъ. Соотечественникъ нѣсколько разъ просилъ быть осторожными, особенно при выгрузкѣ; Французъ и комиссаръ титуловали своего собесѣдника «сіятельствомъ» и просили не волноваться. *C'est clair comme bonjour, c'est clair comme bonjour*, нѣсколько разъ повторялъ французъ.

Послѣ второго гудка соотечественникъ попрощался и уѣхалъ на берегъ, откуда онъ долго махалъ платкомъ.

...Крутой поворотъ и, взявъ курсъ въ открытое море, мы проходимъ мимо бульвара. Доносится музыка сенегальского оркестра. За шумомъ машины трудно разобрать, что именно играютъ. Пальмы становятся меньше и меньше, люди превращаются въ цвѣтныя пятна.

На спордэкѣ собралась толпа во главѣ съ Арономъ Семенычемъ. Прощаніе съ Батумомъ его не слишкомъ взволновало. Онъ подходитъ ко мнѣ и съ обычной, кривой, презрительной улыбочкой говорить: «Ну,

какъ вамъ понравился этотъ совѣтскій
графъ?»?

„Какой графъ?..“

Выясняется, что новый торговый агентъ
совѣтовъ въ Батумѣ графъ Б. и былъ
тѣмъ господиномъ, котораго привозилъ ко-
миссаръ парохода.

... Въ Бриндизи я встрѣтилъ француза-
экспортера, сияющаго, веселаго, насвисты-
вающаго «Маделонъ». Повидимому, опасе-
нія Б. оказались неосновательны. *C'est clair
comme bonjour...*

КЛАДБИЩЕ МЕЧТЫ.

I.

«Я зажигалъ фонарь и въ роли Діогена отправлялся на поиски человѣка: въ Одесѣ его не было», (В. В. Шульгинъ, «1920 годъ»)...

Не было его не только въ Сдессѣ; за полгода до появленія записокъ В. В. Шульгина, въ агонизировавшемъ бѣломъ Крымѣ, въ вагонѣ тогдашняго штаба арміи, тогдашній диктаторъ, надрываясь, кричалъ своему генераль-квартирмейстеру: «Гдѣ же честные люди, гдѣ; Германъ Ивановичъ, умные, честные, способные люди, гдѣ мнѣ ихъ взять?»... Врангелевскому «Герману Ивановичу» оставалось послѣдовать примѣру Тургеневскаго Увара Ивановича: сложить руки на животѣ, поиграть перстами и сказать : «будутъ»... Будутъ? Но когда? Гдѣ? Какимъ образомъ? Изъ какихъ слоевъ? Ибо еще задолго до Перекопскихъ дней, въ прощальномъ Феодосійскомъ приказѣ, Деникинъ многозначительно подчеркивалъ:

«...Всѣмъ честно шедшимъ со мной въ тяжкой борьбѣ — низкій поклонъ»...

Поруганная бѣлая мечта, не найденный человѣкъ Діогена, не существующіе честные, умные, способные люди» и въ итогѣ гибель надежды. Если 14 декабря 1825 — стоячая революція, то попытки 1918-20— движение безъ идеологии, нарывъ безъ стержня. Пальцемъ надавиши: лопнетъ и растечется по поверхности. *

Въ армії: дворяне, съ быстротой умопомрачительной метавшіеся отъ царя къ Родзянко, отъ Керенскаго къ саботажу, отъ бѣлой мечты къ контрь-развѣдкѣ; казачество, пасмурное, затаившее ненависть къ Москвѣ, впечатлительное, зыблесое, предавшее донца Каледина, кубанца Бардига, терца Мистулова; коричневая интеллигенція, заблудившаяся межъ революціей и контрь-революціей, разумомъ ненавидящая большевиковъ, инстинктомъ чуждая генераламъ; крестьянство, тоскующее о мирѣ и землѣ, готовое идти со всяkimъ, на чьемъ знамени демобилизація.

Въ тылу: ресторанные coups d'état отдыхающихъ мстителей; пресса, палочная, загнанная, пьяная, съ приемами филера-штучника, съ идеалами чайной союза русского народа; петербургскій доцентъ Константинъ Соколовъ и революціонный комендантъ Эн-

гельгардтъ въ роли пропагандистовъ; за-
спанные кокаинисты — коменданты горо-
довъ, подражающіе красному террору и
страшные лишь для бумажниковъ кофей-
ныхъ бѣлобилетчиковъ...

Диктаторы: или спящія красавицы —
убаюканныя колыбельной собственного со-
чиненія о великой, единой, недѣлимой, въ
вѣчномъ ожиданіи благодѣтельного прин-
ца, который разбудить ихъ самихъ, одѣ-
неть армію, отогреТЬ замерзшую душу,—
или чванливые нищіе, дорожащиे курсомъ
ихъ тряпичнаго рубля, изображающіе суве-
реновъ, пытающіеся импонировать сво-
имъ грязнымъ голымъ тѣломъ усталой
Европѣ.

Мстители: бѣдные рыцари, восторжен-
ные и близорукіе, самоотверженные и пу-
стоцвѣты, готовые на все и не способные
ни на что...

Наконецъ, абсолютное безпримѣрное от-
сутствіе какой бы то ни было опредѣлен-
ной идеологіи, грозное смѣшеніе застарѣ-
лаго добра и изощреннаго зла: или Дени-
кинъ, что то плетущій о замѣнѣ революції
и реакції путемъ эволюціи или, Суворинъ—
хмельное дитя Коломяжского ипподрома и
Добровольческой ненависти...

II.

Первый командиръ Корниловскаго полка — генерального штаба полковникъ Нѣжинцевъ. Мягкіе лучистые глаза, лицо и манеры приватъ-доцента; какъ влюбленный, говорить о Корниловѣ, какъ зачарованный молится на Россію. Смертельно раненъ въ тѣ-же роковые дни штурма Екатеринодара.

Сердце корнета, воля вождя, отвращеніе къ гражданской войнѣ и горькое сознаніе ея необходимости, стремленіе уговорить и убѣдить плѣнного, исключительная даже въ первомъ походѣ щепетильность въ обращеніи съ имуществомъ обывателей, отсутствіе звѣрствъ и неумолимое ихъ преслѣдованіе — таковъ былъ Нѣжинцевъ...

Кабинетному ученому, просвѣщенному офицеру генерального штаба — странно, чуждо ему въ атмосфераѣ глухой ненависти первопоходниковъ, загнанныхъ въ ледяную степь. Пока живъ Нѣжинцевъ, теплится огонекъ весталки. Ей неизвѣстно лицо ея бога, сроки его прихода, но она ревностно поддерживаетъ священное пламя...

Полковникъ Блейшъ — послѣдній командиръ Марковской дивизіи временъ Новороссійского разгрома.

Храбрость — о храбости не принято было говорить среди марковцевъ — онъ

ходилъ въ атаку во весь ростъ, всегда впереди дивизіи.

Жестокость — ее не замѣчали среди марковцевъ — въ этомъ году Марковцы рѣдко брали плѣнныхъ.

Начисто выбритый, благоухающій, напудренный, пристально наблюдаетъ Блейшъ жуткія сцены послѣ боя, равнодушно слушаетъ залпы разстрѣловъ, презгливо смотритъ на начавшійся грабежъ.

Съ неизмѣннымъ флакончикомъ кокайна въ боковомъ карманѣ, этотъ безстрастный ледяной человѣкъ, съ каждымъ боемъ все болѣе молчаливый, все болѣе мрачный, пройдетъ сотни верстъ до Орла и обратно, не выпуская изъ рукъ винтовки, проходя по трупамъ, чрезъ грабежи, насилия, пожары.

Понялъ ли Блейшъ фатальный уклонъ гражданской бойни или душа его уже давно была сражена и продолжала жить лишь щеголеватая оболочка педантичнаго офицера въ пальто стараго образца..., только, никогда не участвуя лично въ звѣрствахъ и грабежахъ, онъ не находилъ и словъ приданія.

Онъ истреблялъ трусость, дезертирство; храбрость покрывала все...

Каменный гость — говорили о немъ въ ставкѣ...

Дойдя со своей дивизієй до Новороссійска, онъ умеръ отъ сыпняка въ одинъ изъ послѣднихъ дней. Уже на пристаняхъ обезумѣвшіе люди бросались въ ледяную воду, вплавь къ англійскому рейду, а Блейша хоронили на лафетѣ единственного уцѣлѣвшаго дивизіоннаго орудія. За лафетомъ шли страшные марковцы. Еще вчера они врывались въ дома на Серебряковской, принося смерть, насилие, грабежъ. Сегодня они плакали такими слезами, какими едва ли плакали даже ихъ безчисленныя жертвы, разсѣянныя въ степяхъ Дона, Кубани, въ вязкихъ грунтахъ центральной Россіи.

Отъ Нѣжинцева къ Блейшу: цѣна двухъ лѣтъ бѣлага опыта. Отъ пустоцвѣта мечтателя къ немилостивому кондотьеру. Движеніе попыталось отогрѣть Россію сжиганіемъ горсточки зажженныхъ душъ. Движеніе добилось единственно — возможнаго результата: горсточки пепла. Теперь и она разсѣялась въ ледяномъ нордѣ-остѣ Новороссійска, въ соляномъ смерчѣ Сивашей.

III.

Жертва кокаина и «логики»... Генераль Слащевъ. Кокайномъ побѣждалъ большевиковъ, «логикой» побѣдилъ добровольческую психологію и, проигравъ съ бѣлыми, пытается отыграться у красныхъ.

Энергія и талантъ Слащева - Крымскаго создали шестой актъ трагедіи; страхъ предъ Слащевымъ-Вѣшателемъ уняль даже тѣхъ трогательныхъ безкорыстныхъ большевистскихъ квартирьеровъ, которые вырастали за мѣсяцъ до красныхъ въ лонѣ профессиональныхъ союзовъ, «демократическихъ» думъ, независимыхъ редакцій и умирали черезъ мѣсяцъ послѣ красныхъ... въ подвалахъ мѣткихъ чека.

Двумя юнкерскими училищами, горстью донскихъ казаковъ преградилъ дорогу русской лавинѣ этотъ почти легендарный человѣкъ, достойный, если не прижизненной статуи, то загробного вниманія ада.

Безумнымъ усилиемъ воли, опьяненной ненавистью, кокаиномъ, хронической бессонницей, бодрствуя цѣлыми недѣлями, онъ сумѣлъ продержаться вопреки стратегическому смыслу, указывавшему на невозможность, вопреки наѣхавшей толпѣ воеводъ безъ воеводства, эту невозможность создавшихъ, вопреки забастовкамъ единственного военного завода.

У Сивашей кулаки Каменева, по Южному Берегу гуляетъ капитанъ Орловъ съ зелеными офицерами, въ Севастополь и Феодосіи рабочіе не выгружаютъ снарядовъ, но зато во всѣхъ портахъ высаживаются банды эвакуированныхъ изъ Новороссійска и

громять «напослѣдокъ» города; въ довершениe всѣхъ несчастій прізжаетъ «Южно-Русское Правительство», заявляя о своихъ прерогативахъ, а Деникинъ и Махровъ требуютъ подчиненія и угрожаютъ смѣщеніемъ.

Слащевъ поспѣваетъ всюду.

«Не смѣй спать, будить онъ на разсвѣтѣ своего несчастнаго адъютанта, ъдемъ въ тылъ усмирять» — и къ полудню на столбахъ, фонаряхъ, деревьяхъ города Симферополя замелькаютъ Полковники, Штабсъ-Ротмистры, Поручики съ лаконической надписью: «Приказомъ Генерала Слащева за грабежъ».

Къ вечеру онъ появится въ Севастополь, и восемь главарей забастовки, оправданные за отсутствiемъ уликъ, попадутъ въ его поѣздъ; несолоно хлебавши, отойдетъ отъ прямого провода Махровъ, Деникинъ разведетъ руками и скажетъ: «Что же съ нимъ дѣлать, вѣдь придется его разстрѣлять, лучше оставьте его»...

А къ утру Слащевъ снова у Джанкоя.

За ночь большевики прорвали Сивашскiя позицiи и двигаются на полуостровъ...

Остается послѣднiй резервъ — 1.000 юнкеровъ.

Съ винтовкой въ судорожно сведенныхъ рукахъ, съ безумнымъ взоромъ остекленѣвшихъ глазъ, поведеть онъ эту кучку на

встрѣчу соленому весеннему вѣтру, въ лобъ пулеметамъ, въ дико-неравный, фантастический бой.

Черезъ нѣсколько часовъ большевики хлынутъ назадъ, а Слащевъ, вызванный къ аппарату Министромъ Юстиціи, запрашивающимъ о судьбѣ восьми, изступленно кричитъ: «не беспокойтесь, они уже разстрѣляны, атака отбита»...

Въ первый разъ за три года осуществляются «желѣзо и кровь», проводится диктатура въ ея страшномъ, ничѣмъ не прикрытомъ значеніи.

«Требую отъ васъ всѣхъ максимума работы для побѣды. Ничего не обѣщаю. Кого надо повѣщу!», съ такими рѣчами высокій и строгій входитъ въ гудящую толпу севастопольскихъ рабочихъ, безъ оружія, безъ охраны, въ развѣвающейся черкескѣ, съ однимъ трясущимся ординарцемъ...

Забастовка прекращается...

«Я ничего не понимаю, я отказываюсь вѣрить — говорить человѣкъ, знающій его съ пятилѣтняго возраста — если-бѣ вы знали, что это за доброе отзывчивое сердце, какой это кроткій молодой человѣкъ, какой это нѣжный и вѣрный товарищъ, мечтательный какъ женщина, увлекающейся какъ гимназистъ»...

Дрожать интенданты, смиряется Орловъ, еле дышитъ тылъ, боготворятъ войска и удерживается полуостровъ.

Въ послѣдній разъ, въ роли диктатора мелькнетъ его издерганное лицо съ остеклянѣвшими глазами на генеральскомъ совѣтѣ (22 марта 1920), намѣтившемъ кандидатуру Врангеля.

Прямо съ поѣзда проѣхалъ во дворецъ, въ полной боевой формѣ, окруженный чинами своей свиты. Посидѣлъ съ полчаса, бахнулъ какую-то очередную Слащевщину и уѣхалъ обратно: «Я ничего не знаю, мнѣ некогда»...

Снова летитъ жуткій поѣздъ, приводя въ оцѣпенѣніе начальниковъ станцій, вызывая воспоминанія о прошломъ и страхъ предъ будущимъ... А Слащевъ, сидя надъ картой и чертя схемы, твердить въ сомнамбулическомъ забытьи: «кокайнъ, водка, нитроглицеринъ, чортъ, дьяволъ, только не спать, только не спать»... И все такъ же восторженно глядить на генерала его молодой статный ординарецъ «Никита», его переодѣтая безстрашная жена...

— — —

Цинциннатъ никогда не нюхалъ кокаина и вѣроятно не сумѣлъ бы отстоять Крымъ. Въ свою очередь и Слащевъ, попытав-

шись заняться ремесломъ Цинцината, — разведеніемъ капусты на Босфорѣ, — скоро разочаровался и заерзалъ. Полемика съ Врангелемъ, малопоучительные разговоры съ пожизненнымъ матросомъ Ѹеодоромъ Баткинымъ, необходимость считать каждый піастръ — не для этого онъ громилъ Махно, Петлюру, Егорьева, не для этого рисковалъ жизнью, не для этого три года назадъ въ компаний четырехъ такихъ же *à tout faire*, возсталъ онъ противъ всей Россіи и сумѣлъ поднять Сѣверный Кавказъ. Сшитый изъ одного куска, Слащевъ остался и въ своемъ Босфорскомъ уединеніи дѣвственно вѣренъ добровольческимъ канонамъ. Движеніе развивалось безъ всякой идеологіи; движение возвѣщало, что оно не за монархію и не за республику, не за собственность и не за коммуну, не за погромы и не противъ погромовъ, не за землю и волю и не противъ земли и воли. Мы за Россію, великую, единую, недѣлимую. И баста... Всѣ счета подведены...

Уже тогда въ 1918-19 люди, проводящіе грань межъ патріотизмомъ полкового буфетчика и чутьемъ истинной государственности, понимали, что лозунгъ Деникина и остальныхъ добровольцевъ лишенъ содержанія и чреватъ соблазнами. Больше-

вики сразу нашупали это больное мѣсто и принялись для удержанія власти строить «великую, единую, недѣлимую».

Имперіализмъ Троцкаго, расходясь въ конечныхъ цѣляхъ съ имперіализмомъ Деникина, въ лозунгѣ вполнѣ съ нихъ сходился. Для міровой революціи нужна сильная красная армія — «Россія великая»; для защиты отъ «міровой буржуазіи» и для централизаціи власти въ комитетѣ партіи необходима — «единая и недѣлімая»...

Никогда и нигдѣ добровольцы не выдвинули единственно правильной недвусмысленной формулы; за возстановленіе Россіи на основѣ частной собственности (уже только потомъ, когда не было ни арміи, ни территории, «Мажестикъ» раскачался)... Никогда и нигдѣ добровольцы не доказали своего уваженія къ частной собственности... А разъ такъ — Слащевъ, воспитанный на ненависти къ «богачамъ», легко могъ поддаться на новую политику большевиковъ.

Троцкому остается занять Бессарабію и возобновить войну съ Польшой — тогда лозунгъ будетъ цѣликомъ осуществленъ и различіе арміи красной и добровольческой исчезнетъ.

Лѣтомъ 1919 вновь сформированныя части бѣлаго полка на вопросъ — «Братьцы, за Россію постоите?» — дружно отвѣчали — «Такъ точно, мы — большевики»...

Слащевъ первый плодъ. За нимъ посыпятся и другіе. Бѣлое движение убило душу живого антибольшевизма и осталось съ шаблонами, подъ которые поддѣлаться не труднѣй, чѣмъ соблазнить Слащева.

Такая звѣрская и такая непреодолимая логика: логика фактовъ...

Такой безпощадный и такой неумирающій законъ: законъ Немезиды...

Голодомъ расплачиваются крестьяне, предавшіе Деникина, Врангеля, Юденича; Слащевымъ и тѣми, кого подбодритъ пріемѣръ Слащева, расплачиваются Деникинъ, Врангель, Юденичъ за патріотизмъ полкового буфетчика, за чванство, за самовѣренность, за пристрастіе къ обоюдоострымъ шаблонамъ.

IV.

Еще одинъ марковецъ. Этотъ изъ рѣдкихъ. Не мститель, а священнослужитель. Кавалеръ Левъ Большаковъ, кавалеръ четырехъ Георгіевъ, убитъ осенью 1919 года, когда, казалось, что радость будетъ и надежда не погибнетъ.

Пишу о немъ, потому что во всемъ бѣломъ движениі только и было, кажется, ученыхъ, изъ рядовъ элиты, что эти два: Большаковъ и проф. Даватцъ. Даватцъ относится къ другому періоду, въ Даватцѣ надрывъ и на лицѣ стальная рѣшетка, Даватцъ — рыцарь бѣдный, хотя не молчаливый и не простой.

Въ Большаковѣ энтузіазмъ, дыханіе бога войны.

Знаменитѣйшій демагогогъ, витія всѣхъ студенческихъ митинговъ 1905-1914, убѣжденный эсъ-эръ, прошедшиій чрезъ тюрьму, ссылку и кратковременную эмиграцію. Большаковъ всей своей личностью, всѣмъ поступательнымъ движеніемъ своего порыва обѣщалъ, въ будущемъ вождя революціі. Это былъ своеобразный Крыленко Московскаго Университета, только болѣе талантливый, болѣе блестящій, съ крупными задатками литературнаго паѳоса. На дебаты въ студенческой столовой, на сверженіе марксистскаго правленія кухни, на выработку резолюціи протesta онъ тратилъ силы, которыя въ другое время, подъ другимъ солнцемъ дали бы европейскаго парламентарія, профессионального свергателя министерствъ...

Ренэ Вивіани и Аристидъ Бріанъ въ годы своей юности изучали право, подго-

товляли питательные запасы для карьеры, ну, а въ Москвѣ приходилось организовывать забастовки по поводу готовчины смерти Толстого.... и потомъ маршировать по этапу. Самъ Аллахъ не смогъ бы объяснить, почему въ день смерти Толстого, любившаго трудъ, умѣвшаго работать, студенты не должны слушать лекцій. Впрочемъ, будущій марковецъ не смущался и объяснялъ ...

И быть бы ему во второй революціонной волнѣ и засѣдать бы ему въ цикѣ отъ лѣвыхъ эсеровъ или комиссарствовать на одномъ изъ бѣлыхъ фронтовъ. Но тутъ случилось то, что выпрямило столько пылкихъ, но заблудшихъ душъ въ западной Европѣ. Большаковъ попалъ на войну и здѣсь предъ лицомъ проволочныхъ заражденій не захотѣлъ не быть первымъ. Заработалъ четыре Георгія, влюбился въ свой Копорскій полкъ, въ свою землянку на Двинскомъ фронтѣ, въ свой штандартъ, въ свою военную славу. Застань его революція въ Москвѣ, гдѣ былъ университетъ, Политехническій музей, Моховой манежъ—онъ бы ее иначе принялъ... На передовыхъ позиціяхъ въ гулѣ трехъ лѣтъ замолкли привычные голоса и Большаковъ не пошелъ по пути гдѣ его ждали новые лавры.

Темпераментъ, жаждавшій исхода, прорвался по боковому руслу: ударный батальонъ, конспиративная организація въ Москвѣ, бѣгство на Кубань, марковскій полкъ, и лѣтній походъ на Москву.

Большаковъ, быстро прозванный львинымъ сердцемъ, бралъ Изюмъ, Харьковъ, Бѣлгородъ. Подъ Бѣлгородомъ бой былъ столь изумителенъ, что въ капитанѣ третьей роты марковского полка заговорилъ московскій литераторъ и на колченогомъ походномъ столѣ онъ написалъ свою первую и предпослѣднюю статью, описывавшую взятие Бѣлгорода, подписанную «Форвардъ». Послѣднее пятилѣтие русской прозы прошло мимо Большакова: онъ писалъ торжественно - манернымъ языкомъ, излюбленнымъ въ средѣ почитателей Андреева временъ «Человѣка»...

28 іюня помѣстили мы въ ростовской газетѣ «Жизнь» статью «Форварда», помѣстили и порадовались, наконецъ - то воскресъ человѣкъ; какъ удивительно что онъ съ нами, а не съ ними... Вѣдь такой способный.

Еще четыре мѣсяца Большаковъ шелъ со своей третьей ротой на Курскъ, Орелъ, Тулу.

26 октября мы получили его вторую и послѣднюю статью: «Тѣ, кто умираютъ кра-

во». Все въ тѣхъ же приподнятыхъ словахъ Форвардъ слагалъ панегирикъ марковцамъ и описывалъ смерть своихъ однополчанъ. Предназначили помѣщеніе статьи на 29 октября, а 28 утромъ пришла сводка: «... Въ тяжелыхъ бояхъ, выдержанныхъ марковцами подъ Корочею, убить одинъ изъ доблестныхъ офицеровъ, капитанъ третьей роты Большаковъ»...

Подъ общимъ заголовкомъ: «Тѣ, кто умираютъ красиво» такъ и помѣстили 29-го и некрологъ и статью. Некрологъ являлся, собственно говоря, излишнимъ: предсмертная статья его, овѣянная предчувствіемъ близкой развязки, послужила самымъ лучшимъ некрологомъ.

«Смерть не страшна. Смерть не безобразна. Она прекрасная дама, которой посвящено служеніе, которой долженъ быть достоинъ рыцарь. И марковцы достойны своей Дамы. Они умираютъ красиво... Будетъ время, подъ благовѣсть кремлевскихъ колоколовъ предъ добровольческими знаменами — корниловскимъ, марковскимъ, дроздовскимъ, преклонять свои вѣнчанныя головы двуглавые орлы старинныхъ знаменъ»... Такъ въ свою послѣднюю ночь писать московскій студентъ Большаковъ. Предсказанія его не исполнились. Не было кремлевского звона, никакіе орлы не скло-

няли своихъ головъ. На Братскомъ кладбищѣ въ Ростовѣ лежитъ человѣкъ, мечтавшій о красивой смерти, добившійся желанной жертвы.

О своей самоотверженной кузинѣ, Сонѣ, Наташа Ростова говорила: «Знаешь Николенька, Соня это тотъ пустоцвѣтъ, о которомъ, сказано въ Евангельи. Господь не принимаетъ его жертвы и онъ не даетъ плодовъ»...

Во имя какой надежды погибъ Левъ Большаковъ?

... Человѣка человѣкъ
Послалъ къ анчару властнымъ взгля-
домъ

И тотъ послушно въ путь потекъ
И къ утру возвратился съ ядомъ...
Принесъ — и ослабѣлъ и легъ
Подъ сводомъ шалаша на лыки
И умеръ бѣдный рабъ у ногъ
Непобѣдимаго владыки!

V.

Послѣ кровопролитнѣйшей франко-испанской битвы въ 1811 году, на полѣ сраженія, среди труповъ и конской падали, былъ найденъ изорванный томикъ Монтэня. Окровавленная шелковая закладка открывала страницу со слѣдующими строками: „... Всякое существующее правительство лучше гряду-

щаго уже тѣмъ, что оно существуетъ. Добиваться счастья перемѣнной правительства — не значить ли болѣзнь лечить смертью...“

... «Математическую литературу поручикъ Р. знаетъ хорошо, къ сожалѣнію поверхностно. Онъ ведеть даже списокъ сочиненій, въ своемъ родѣ index librorum prohibitorum,— которые считаетъ безполезными: не признаетъ математической физики и теоріи Sophusa Lie. Противъ всего этого можно горячо спорить, что я и дѣлаю въ часы досуга. Общее у насъ то, что оба мы религіозны. Онъ съ восторгомъ вспоминаетъ, какъ старушки монашенки объясняли ему ребенку сущность Софіи-премудрости Божіей»...

Помѣчено — «2 января 1920 года, ст. Кущевка Кубанской Области, артиллерийская база»...

Черезъ одну страницу другія слова: «У Батайска на Дону открылся видъ на Ростовъ. Вотъ знакомыя очертанія... Тамъ—они, тамъ — совдѣпъ. И съ холодной твердостью хотѣлось пустить туда тяжелый снарядъ: Ростовъ *пересталъ* быть городомъ, населеннымъ людьми»...

Сбѣ цитаты изъ книги, озаглавленной: «На Москву! Авторъ — профессоръ В. Да-ватцъ, младшій фейерверкеръ бронепоѣзда «Грозный», поступившій добровольцемъ въ

армію Деникина, на Рождество 1919 года, когда уже опредѣлился окончательный разгромъ бѣлага дѣла.

Послѣ столькихъ орлихъ и кондотьерскихъ ликовъ на исходѣ Деникинской эпохи мелькнуло измученное лицо новѣйшаго бѣднаго рыцаря...

Полонъ чистою любовью,
Вѣренъ сладостной мечтѣ,
А. М. Д. своею кровью
начерталъ онъ на щитѣ...

Послѣ столькихъ диктаторовъ, перелетовъ, комбинаторовъ появился мечтатель. Не тотъ дѣйственный, испепеленный, монолитный, какими были Корниловъ и его племяда. Не казакъ, не мальчикъ изъ кадетского корпуса, не офицеръ-мститель... Даватцъ вышелъ изъ нѣдръ поколѣнія, мечтавшаго объ активизмѣ, не нашедшаго утоленія и въ міровой войнѣ..., спокойнаго въ дни побѣдъ, трепещущаго въ ночь пораженій.

Въ маленькой кабинкѣ орудія бронепоѣзда ярко горитъ печка. На скамьяхъ, на табуреткахъ дремлютъ офицеры. Профессоръ въ англійской шинели сидить и вспоминаетъ:... «Я всегда любилъ сидѣть предъ каминомъ и мечтать и мечталъ я больше всего о томъ, какъ сдѣлать мою жизнь достойной и красивой. И тогда еще юношѣ мнѣ казалось, что жизнь моя должна быть

подвигомъ. Во имя чего — я не зналъ этого... Я зналъ только, что я послѣдній отпрыскъ древняго баронскаго дома. За мою, въ глубь вѣковъ уходили мои предки — намѣстники, верховные судьи, ученые, поглощенные изученіемъ древнихъ книгъ, восинные, духовные, изощренные въ тонкостяхъ іезуитской діалектики и всѣ они — далекіе и близкіе — требуютъ отъ меня чего-то, чтобы я былъ достоинъ ихъ, чтобы я опять вернуль ихъ роду прежній блескъ и прежнюю силу. Дѣдъ и отецъ порвались Западомъ и затерялись въ снѣгахъ холодной Россіи; внуку надлежить здѣсь вернуть обаяніе отдаленныхъ вѣковъ!.. Дрова въ печкѣ весело трещать, освѣщаю темныя амбразуры для пулеметовъ и желѣзныя тяжелыя двери нашей бронированной камеры».

Еще мѣсяцъ назадъ, до паденія Харькова, Даватцъ не предполагалъ, что свой подвигъ онъ осуществить въ качествѣ младшаго фейерверкера бронепоѣзда «Грозный». Онъ сидѣлъ членомъ управы въ Харьковѣ, занимался уѣздной добровольческой политикой, витійствовалъ на кадетскихъ конференціяхъ, гдѣ за отсутствіемъ партійныхъ родителей, уѣхавшихъ въ Парижъ, партійные дѣти лепетали, что-то невразумительное. Глубоко штатскій человѣкъ,

привыкшій къ уюту и нѣгѣ европейскаго комфорта, Даватцъ въ панику эвакуаціи перетрусиль больше, чѣмъ требовала необходимость, и уѣхалъ на два дня раньше своей управы...

Лежа на столѣ какого-то вокзала, онъ «мучительно думалъ о томъ, что на (его) общественной репутаціи легло тяжелое несмыываемое пятно», такъ какъ еще наканунѣ бѣгства въ одиночку онъ написалъ въ харьковской газетѣ свою послѣднюю «нашумѣвшую» статью, оканчивавшуюся словами:... «Если, чтобы истинно полюбить, надо оставить отца и мать свою, то теперь наступаетъ этотъ часъ, больше, чѣмъ когда либо. И можетъ быть именно теперь, когда врагъ торжествуетъ, нужно не уходить въ свою скорлупу, но громко и смѣло закричать: «Да здравствуетъ Добровольческая Армія!..

Началось газетнымъ подвигомъ, прошло чрезъ стыдъ, нестерпимый для «послѣдняго отпрыска древняго баронскаго дома», окончилось неожиданно для всѣхъ, а болѣе всего для самаго Даватца, поступленіемъ на бронепоѣздъ...

И снова небеса не хотятъ принимать надрывной жертвы пустоцвѣта. Онъ храбръ, какъ только могутъ быть до безумія храбры никогда не бывшіе на войнѣ люди, онъ хо-

четь сжиться со своими новыми товарищами, отказаться отъ всѣхъ своихъ качествъ культуры и воспитанія, „остаться незамѣтнымъ винтикомъ“, но... уже на второй день становится ясно: «цѣлая пропасть между мной, который прошелъ огонь и воду тончайшихъ построеній ума, изысканныйшихъ проявленій человѣческаго духа, и ими, прошедшими огонь и воду ужасовъ и грубостей войны. Цѣлая пропасть между мной, который пошелъ сюда, какъ на высшее служеніе, который освѣтилъ все духомъ средневѣкового аскетизма, и, пожалуй романтики, и ими, которые пошли на это такъ, просто»...

Своимъ грубымъ, почти звѣринымъ чутьемъ сотоварищи Даватца понимаютъ, что пора выходить изъ игры, что главные понтеры проигрались въ пухъ и прахъ и радости больше не будетъ. Одинъ выправляется заграничный паспортъ, другой «ловится» въ Крымъ, третій хочетъ просто улизнуть... Лишь Даватцъ въ истерическомъ ослѣпленіи, все въ той-же жаждѣ не приходящаго подвига молитвенно грезить: «На Москву, на Москву»... Армія катится въ море, армія перестала быть арміей, жалкія попытки вторичнаго взятія Ростова, борьба безъ плана, безъ умѣнія, безъ надеждъ...

Ему снятся сладкіе сны. Будто «сегодня утромъ въ нашу теплушку вошелъ капитанъ Д. и сказалъ: — Поздравляю васъ съ новымъ годомъ и новымъ подвигомъ», будто удастся ему «довести воспоминанія до дня занятія Москвы, когда можно будетъ снять военный мундиръ и вернуться къ обычнымъ занятіямъ», будто «на скрещеніи нитей моей панорамы виднѣются златоглавые купола Московскаго Кремля».

А тѣмъ временемъ, пока онъ спить, исполняются самые послѣдніе сроки. И продолжая бредить, продолжая мечтать о раствореніи тяжести своей тоски въ нирванѣ военного обезличенія, Даватцъ замѣчаетъ какія-то роковыя точки на горизонтѣ своихъ видѣній...

Его начальникъ, капитанъ Д., не знающій ни математической физики, ни Sophus'a Lie, но отдавшій войнѣ здоровье, молодость, силы, пытается его разбудить... «Я — говорить онъ профессору-солдату — начинаю зябнуть. Мои казаки и кадеты, какъ дѣти испытующе смотрятъ въ мои глаза и ищутъ въ нихъ прежняго спокойствія и огня, а я чувствую такой ледокъ въ груди, что не могу дать имъ той гипнотической силы, которая одна способна увлечь и бросить на смерть безъ разсужденій... Я грубый воинъ,

вы — аристократъ духа, но я знаю, что это первые аккорды финала моей пьесы»...

Даватцъ не хочетъ просыпаться, онъ пытается отогнать отъ себя голосъ съ другого берега. Береть подъ руку капитана Д. и идеть съ нимъ гулять, чтобы ночью, въ пѣніи выюжнаго поля, обступившаго одинокій бронепоѣздъ «Грозный» найти сверхъ-человѣческія слова... Но такихъ словъ нѣтъ нигдѣ въ мірѣ, тѣмъ болѣе ихъ нѣтъ въ Кущевской степи..., «мы вышли въ унылую станицу, какую-то безлюдную, почти злобную. Мнѣ хотѣлось теплой комнаты, гдѣ бы мы вдвоемъ могли нащупать дружескую душу, гдѣ быль бы рояль, который запѣль бы подъ ударами нервной руки; гдѣ можно было бы идти не только съ нимъ рядомъ, какъ двумъ случайнымъ спутникамъ, но взять его нѣжно за руку, погладить его голову, поцѣловать его, какъ цѣлюютъ ребенка»...

Даватцъ не договариваетъ: бѣдному пустоцвѣту хотѣлось въ этотъ моментъ быть далеко-далеко отъ Кущевки, отъ бронепоѣзда, отъ необходимости пить раскрытое вино... И въ его душу закрадываются мысли о прежней жизни. Каждая мелочь болѣзненно напоминаетъ, что нѣтъ внутренней правды въ профессорѣ-фейерверкерѣ. Капитанъ З. поручаетъ ему напи-

сать «докладъ въ сферы» и, хотя онъ не можетъ сразу уловить, какой тонъ нужно взять, онъ понимаетъ, что «докладъ это болѣе мнѣ свойственно, чѣмъ что-либс другое». Въ другой разъ, когда его задерживаютъ въ базѣ и не отпускаютъ для съемки панорамы съ наблюдательного пункта, онъ съ горечью думаетъ... «конечно мнѣ, какъ математику и отчасти чертежнику, эта работа была бы болѣе подходящая, чѣмъ прибойникомъ подталкивать снарядъ»..

Во время обсужденія деталей доклада среди офицеровъ бронепоѣзда возникаетъ мысль связаться съ торгово-промышленными и общественными дѣятелями единственного крупнаго тыла, Новороссійска.

«Для этой цѣли можно было бы командировать Владимира Христіановича» — говорить одинъ изъ офицеровъ, смотря на профессора Даватца... «Меня охватило какое-то необычайно пріятное чувство. Потѣхатъ въ Новороссійскъ съ официальной миссіей, увидѣть опять нашихъ общественныхъ дѣятелей, завертѣться въ сферахъ Государственного Объединенія, Национального центра и Союза Возрожденія, показалось вдругъ чрезвычайно заманчивымъ»... Душа мирнаго человѣка уже проснулась, но стальная рѣшетка, одѣтая на лицо бѣд-

наго рыцаря, душить всѣ ея проявленія... «Я вдругъ почувствовалъ, что ко мнѣ незамѣтно и тихо подкралось искушеніе. Мнѣ казалось, что я сжегъ свои каабли, что го крайней мѣрѣ до занятія Москвы я останусь только солдатомъ, что мое прошлое подверглось забвенію. И вотъ постепенно, совсѣмъ незамѣтно, вынырнуло это прошлое — Сперва кое-кто изъ офицеровъ сталъ называть меня профессоромъ, потомъ у меня въ рукахъ появился портфель, съ которымъ я сталъ путешествовать съ проектами докладовъ. Потомъ я очутился за ужиномъ въ офицерской столовой и началъ называть командующаго поѣздомъ Владимиромъ Николаевичемъ. И наконецъ вынырнулъ вопросъ съ командировкой въ Новороссійскъ. Все это создаетъ душевную смуту. И хуже всего то, что у меня не хватаетъ силъ бороться съ искушеніемъ»...

Ему казалось, когда онъ предпринималъ свой подвигъ, что онъ сможетъ скинуть съ себя оболочку городского европейскаго человѣка, заразиться той завидной незамысловатостью, съ какой первые корниловцы во весь ростъ шли на огонь пулеметовъ. Напрасно: человѣкъ, однажды отвѣдавшій чары опіума, не можетъ жить безъ спасительной трубки. Человѣкъ влюбленный въ одну женщину, ищеть отсвѣта

ея лица на всѣхъ другихъ, съ кѣмъ онъ пытается найти забвеніе.

Надежда погибла, вторичное занятіе Ростова, отъ котораго на мгновеніе еще разъ вспыхиваетъ горсть пепла, смѣняется рѣшительнымъ разваломъ. Сомнѣній больше нѣть. Нужны какія-то особенные сноторвныя, чтобы сонъ продолжался чтобы въ непроглядной ночи Кубанской степи, не забрезжилъ сѣрый безотрадный денекъ пробужденія, пониманія.

«Раскаиваюсь ли я, что пошелъ сюда? Раскаиваюсь ли я въ томъ, что мое юродство привело меня на край гибели? Я думаю, что нѣть. Исторія меня оправдываетъ. И не важно, что она не сохранить имени моего. Подобно Платону я вѣрю въ вѣчность идей; я вѣрю въ правоту нашего дѣла, а слѣдовательно въ его торжество»... Но, увы! Онъ слишкомъ хорошо знаетъ исторію, чтобы не вспомнить судьбы всѣхъ дѣятелей контрѣ-революціи: самые чистые занимали мѣсто дальше послѣднихъ грѣшниковъ революціи. Нельзя играть съ имѣнемъ Платона тамъ, гдѣ события должны стереть съ лица земли Кущевскую идеологію... Даватцъ слишкомъ зрячій, чтобы не видѣть происходящаго вокругъ него, сущность движенія, раскрывшуюся въ эвакуаціи...

Отъ опьяненія паѳосомъ исторіи онъ уходитъ къ поискамъ восторга самоотрече-нія ради самоотреченія, ради нервнаго сгоранія. «Мы шли уже не одушевляемы той вѣрой и тѣмъ энтузіазомъ, который былъ когда-то при взятіи Ростова. Мы гибли, какъ рыцари, исполняющіе свой долгъ. Во имя этого долга безропотно и безстрашно приносили мы свою жертву»... Послѣдніе изъ оставшихся съ нимъ това-рищѣ спѣшать спастись. Въ Новороссій-скѣ ни мораль ни самоотреченіе не могутъ звучать тѣми высочайшими нотами, кото-рыя однѣ въ состояніи защитить спящаго отъ пробужденія. «У насъ въ теплушкѣ бронепоѣзда полный развалъ. Петя, Сережа, Коля перечислились въ автоброневой диви-зіонъ и уѣхали въ Крымъ. Другой Сережа, какъ инвалидъ, отправленъ за-границу. Гога, совсѣмъ здоровый молодой человѣкъ, получилъ, благодаря связямъ, свидѣтель-ство о болѣзни и ѳдетъ за-границу, какъ больной... Подъ голубымъ небомъ Италіи онъ легко забудетъ тѣхъ, кто быть можетъ скоро погибнетъ въ далекомъ Новороссій-скѣ... Едва ли намъ удастся въ послѣднюю минуту попасть на пароходъ. Я это чувствую. Мы приносимся быть можетъ въ жертву. Но я гордъ тѣмъ, что меня отнесли къ числу обреченныхъ и вѣрныхъ до кон-

ца»... Вѣрный до конца — fidèle jusqu'à la mort — здѣсь есть музыка рыцарского эпоса, и, глотая слезы безъисходной тоски, думая о себѣ въ третьемъ лицѣ, послѣдній отпрыскъ древняго баронскаго рода отправляется съ опустѣвшимъ бронепоѣздомъ на позиціи, чтобы прикрывать эвакуацію сошедшаго съ ума Новороссійска.

Смотря на метанія Даватца, поручикъ Р., тотъ самый, которому въ дѣствѣ старухи богомолки повѣдали о Софіи, премудрости Божіей, вспоминаетъ ересь Донатствующихъ, гордецовъ, не пожелавшихъ пойти на примиреніе съ раскаявшимися христіанами.

«Вы не протестантъ — сказалъ поручикъ Р. — Вамъ нужно перейти, но не въ православіе, а въ католичество. Вы католикъ по духу, у васъ въ прошломъ есть корни въ католичество»... Т. е. иными словами.:

А .М. Д. своею кровью
Начерталъ онъ на щитѣ...

...Всѣ пароходы ушли на рейдъ, большевики уже входятъ въ городъ, завладѣли вокзаломъ и спускаются къ пристани. Спасенья нѣтъ. Даватцъ ощупываетъ свой кольцъ и рѣшаеть застрѣлиться. Человѣкъ просыпается... Но въ эту рѣшительную минуту опіумъ еще разъ опьяняетъ сознаніе: «Литургія Вѣрныхъ» — раздается послѣд-

ній аккордъ музыки его властительныхъ сферъ... Даватцъ оставляетъ Кольтъ и, стиснувъ зуы, принимается водворять порядокъ среди толпы плачущихъ бѣженцевъ... Черезъ нѣсколько минутъ къ пристани возвращается французскій миноносецъ и подъ учащеннымъ обстрѣломъ красныхъ разъѣздовъ, забираетъ и бѣженцевъ и Даватца.

... «Вся палуба на Waldek Rousseau была уже занята нашими офицерами и солдатами. Я подошелъ къ периламъ палубы и посмотрѣлъ въ послѣдній разъ на живописныя горы Новороссійска. Въ городѣ была слышна пулеметная и артиллерійская стрѣльба. Море было зеркально покойно. Солнце улыбалось сквозь тонкую пелену облачковъ... Кубанскій періодъ нашего похода кончился. И въ послѣдній моментъ мнѣ дано было счастье пріобщиться къ литургіи вѣрныхъ. Сплотимся же тѣснѣе во имя нашей идеи! Найдемъ въ себѣ силы поднять во имя ея всю тяжесть жизни»...

«Тяжесть жизни», «во имя нашей идеи»... Это уже много слабѣе «литургіи вѣрныхъ», «вѣрныхъ до конца», воинствующаго католицизма. Это уже не лучъ сомнабулы, не ясность божественнаго опіума, а тусклый свѣтъ логики. Логика не помогаетъ тѣмъ,

чье сердце отдало всѣ свои силы на борьбу съ сознаніемъ. Даватцу еще суждено пройти черезъ многіе этапы: Крымъ, вторая эвакуація, Галлиполи. Но исторія гибнувшей надежды окончилась... Началась другая, вѣчно старая, вѣчно безрадостная... Исторія конца бѣдного рыцаря...

Возвратясь въ свой замокъ дальний,
Жилъ онъ строго заключенъ,
Все безмолвный, все печальный,
Какъ безумецъ умеръ онъ.

Замокъ дальний профессора-фейерверкера всюду, гдѣ мракъ достаточенъ для остроты самоотреченія, гдѣ самое многообразіе физического и душевнаго страданія способно стать источникомъ истерическихъ мечтаний о кремлевскомъ перезвонѣ... Въ туманахъ скалистаго Галлиполи возможно существование обмановъ, умирающихъ въ солнечной культурѣ, въ критическомъ сознаніи геометрическихъ городовъ Латинскаго Запада...

VI.

Мертворожденный ребенокъ прожилъ цѣлыхъ три года; чахоточная надежда смогла дышать и вызвать образованіе длиннаго ряда фронтовъ, печальной чреды проектовъ... Безъ обоихъ легкихъ, безъ кислорода. Такъ на ура, на милость Николая Чудотворца.

Еще никогда, за всю исторію революцій, въ одной и той же организаціи не сходились люди столь противоположные, программы столь взаимно уничтожающія, способы столь полярные. Понадобилась изумительная способность большевиковъ пробуждать къ себѣ ненависть во всемъ живомъ, чтобы въ Добровольческой арміи сошлись вѣшатель Кутеповъ и профессоръ Даватцъ, мститель Блейшъ и энтузіастъ Большаковъ, простѣйший Деникинъ и подлѣйший Соколовъ... Конечно, кромѣ того необходимо было отсутствіе какой бы то ни было практической программы. Только на пустомъ террэнѣ, только въ атмосферѣ взаимаго непоминанія, идеологомъ движенія, вышедшаго изъ истоковъ революціи, опиравшагося на мобилизацію классовъ, раскрѣпощенныхъ въ мартѣ 1917 — могъ оказаться Борисъ Суворинъ, «день за днемъ» (такъ именовались его статьи) рубившій свою гвардейскую махновщину, возводившій въ мечту прогнившій бытъ, въ норму намыленную веревку. Можно было сколько угодно, съ какимъ угодно краснорѣчіемъ доказывать необходимость противопоставленія террора террору, диктатуры диктатурѣ... — идеологическая пустота не лишилась ея губительныхъ послѣдствій, а соединеніе полюсовъ роковымъ образомъ

оказывалось механическимъ, въ продолжительности равнымъ іюльскому метеору. Движеніе, провозгласившее мартъ шаблономъ и, не выдвигая ничего взамѣнъ, всячески отъ марта отшатывавшееся, неутомимо играло на пользу октябрю. Октябрь становился оригинальностью, люди, шедшие противъ Бориса Суворина, получали возможность спекулировать словомъ «революція»... Бѣлая мечта превращалась въ окровавленныхъ глазахъ Россіи и во внимательныхъ глазахъ Европы въ мечту, о «бѣлыхъ ліліяхъ монархіи»... Революціи берутъ поступательностью своего движенья Деникинъ, заявившій, «что онъ не пойдетъ ни съ революціей ни, съ реакцией», вызвалъ призракъ Вандеи. Памятникъ полковнику Каменеву на Красной площади становился меньшей невѣроятностью, ибо, дѣйствуя противъ „шантажа на революціи“, никогда не нужно забывать Версальского памятника подавителю Вандеи — Гошу.

Капиталисты, грюндераы, зажиточные интеллигенты хотѣли возстановить свою собственность и возвратить право свободной работы: они ненавидѣли гвардейскую махновщину: крайности бѣлая и красная слишкомъ подходили другъ къ другу.

Офицерство, воспитанное на проповѣди Суворинскіхъ вечерокъ, не хотѣло ничего

знатъ о буржуазной революції (каковой въ идеалѣ могло стать движение) и произносило слово „буржуй“ съ тѣмъ же оттѣнкомъ, съ какимъ оно звучало въ устахъ матроса и буденновца.

Крестьяне и рабочіе не хотѣли воевать, не сочувствовали обѣимъ сторонамъ: ихъ можно было заставить воевать лишь пулеметами, отданными въ распоряженіе спящаго ядра. У большевиковъ ядро оказалось, у добровольцевъ его не оказалось; Даватцъ при всемъ восторженномъ козыряници Кутепову никогда не сроднить свою профессорскую душу съ душой гвардейской. Буденный легче пойметъ Брусила, Балтійскій лучше восчувствуетъ Троцкаго. Великая, едина, недѣлимая Россія Даватца также похожа на великую, единую, недѣлимую Россію Соколова, какъ Швеція похожа на Занзибаръ....

Искусственное соединеніе полярностей длится съ хронометрической точностью до того момента, пока воспоминанія о большевистскихъ звѣрствахъ пересиливаютъ отвращеніе къ гвардейской махновщинѣ. До этого момента — цвѣты, послѣ выстрѣлы въ спины. На добровольческомъ пути къ великой единой, недѣлимой надежда должна погибнуть во всѣхъ этапахъ,

даже при самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ:

1) Парижскій капиталистъ рано или поздно разгадаетъ антибуржуазный характеръ движенія; если когда-то онъ позволялъ себѣ роскошь игры à rebours съ красными (Савва Морозовъ и „Искра“), то съ бѣлыми онъ ее не повторить. Быть съ контръ-революціей — не шикарно. Если и не полезно, тогда... капиталистъ начинаетъ понимать, что въ словѣ «республика» кромѣ звуковъ мѣдныхъ инструментовъ есть и нѣчто существенное.

2) Константинопольскій огородникъ Слащевъ рано или поздно смутится соотвѣтствиемъ и лозунговъ и военныхъ плановъ у красныхъ и бѣлыхъ. Если же выбирать изъ двухъ дисциплинъ, изъ двухъ самоограниченій, изъ двухъ генераловъ, то онъ предпочитаетъ Брусилова и армію съ территоріей...

3) Рабочіе и крестьяне рано или поздно поймутъ, что на время надо устроить передышку и прекратить стрѣлять въ спину одной изъ двухъ сторонъ. Выборъ всегда не въ пользу генераловъ...

И когда наступаетъ это «рано или поздно» — составныя части бѣлага конгломерата расползаются по швамъ, безъ шума, безъ предупрежденій, безъ внѣш-

нихъ конфликтовъ, такъ что посторонній наблюдатель ничего не можетъ понять въ русской головоломкѣ: подходили къ Москвѣ и... отдали Новороссійскъ.

Кизиль сгниваетъ на деревѣ, бѣлая мечта подтачивается въ лучахъ наибольшаго процвѣтанія.

На всѣхъ пяти фронтахъ мечтаютъ о Наполеонѣ, одинъ полковникъ подавалъ даже докладную записку по начальству о выработкѣ такъ называемаго «составнаго Наполеона»... И никто не удосуживается узнать, что изъ всего принесеннаго революціей Наполеонъ со своими двумя батальонами раздавилъ лишь волну политическихъ измѣненій, вся же волна соціальная осталась безъ отпора.

Безъ конца толкуютъ о пробужденіи монархического духа, о возможныхъ кандидатахъ изъ сохранившихся взволнованныхъ лоботрясовъ — и закрываютъ глаза на то, что самыя сильнѣйшія монархіи съѣдаются едва окрѣпшими республиками, что въ циклонѣ летятъ короны, каски и удерживаются картузы, кепки, что революція побѣждаетъ контрѣ-революцію не добротой, не отсутствіемъ террора, не обильемъ хлѣба, а силой магического обмана...

Октябрьская оригинальность сильна сродствомъ съ мартовскимъ шаблономъ.

Бѣлая мечта, южная надежда несуть всю отвѣтственность за современные имъ красивый терроръ и сѣверную безнадежность...

Грѣхи революціи переносятся на голову контрѣ-революціи. За „преступленія“ Ленина, Дзержинскаго, Троцкаго, отвѣчаютъ Деникинъ, Юденичъ, Врангель. Когда «черная злоба, святая злоба» возвратится въ берега, придетъ кто-то третій, хорошо запомнившій уроки, умѣющій бросать въ массу слова, умѣющій крѣпко держать вожжи...

...«Гдѣ-же честные люди? Гдѣ, Германъ Ивановичъ, умные, честные, способные люди, гдѣ мнѣ ихъ взять»?!... Они придутъ... Они будутъ, правда совсѣмъ не честные (республикѣ Третьей Россіи не нужна честность!), но на диво умные, на диво способные. Это будетъ цѣлый урожай еще невиданныхъ дѣятелей, снятый съ поля, удобренного гибелю бѣлой мечты. Изъ забытыхъ могилъ буйно растутъ молодые сочные побѣги: попробуйте воззвать къ ихъ совѣсти!...

ПУЗЫРИ ЗЕМЛИ.

*Земля, какъ и вода рождаетъ газы,
...И это были пузыри земли!*

(„Макбетъ“).

I.

Вы чините карандашъ. Въ этотъ моментъ онъ входить въ комнату. Вы подымаете голову, смотрите ему въ глаза и отхватываете мякоть своего большого пальца...

Метръ д'отель разбѣгается къ вашему столу, по дорогѣ спотыкается обо что-то, падаетъ и ломаетъ ногу. Онъ заказалъ шатобріанъ-о-помъ. Проходитъ десять минутъ, внизу подъ заломъ раздается оглушительный взрывъ. Въ чемъ дѣло? Въ тотъ моментъ, когда поваръ сняль шатобріанъ съ плиты, газъ взорвался и тяжело ранилъ повара и обоихъ его помощниковъ.

Вы идете съ нимъ по улицѣ. Навстрѣчу Вамъ мчится какой-то человѣкъ безъ шапки, вслѣдъ бѣгутъ полисмены и кричать „стой“! Человѣкъ не останавливается, полисмены стрѣляютъ и вы чувствуете острую боль въ плечѣ.

Если онъ сдалъ вамъ квартиру, въ первую же ночь пожаръ истребляетъ всѣ вещи и вы спасаетесь въ одномъ бѣльѣ.

Онъ повезъ покатать на автомобиль вашихъ дѣтей, автомобиль попадаетъ подъ автобусъ, онъ далъ вамъ контрѣ-марки на концертъ, при возвращеніи изъ театра васъ ограбили. Почтальонъ, несущій его письма, умираетъ отъ разрыва сердца. Пароходъ, на борту котораго имѣется онъ, — выходитъ въ штиль, а къ вечеру страшнѣйшая буря и караблекрушеніе.

Не останавливайтесь съ нимъ на тротуарѣ: черепища раскроить вашу голову; не зовите его въ гости — въ домѣ будетъ смерть; не посвящайте его ни въ одну изъ вашихъ операций — самое вѣрное дѣло сорвется и дастъ убытокъ, потому что цвѣтущей садъ, гдѣ онъ спалъ въ гамакѣ, за одну ночь уничтожается градомъ, и городъ, гдѣ онъ вѣнчался, посѣщаетъ чума.

Онъ — «джеттаторэ»; онъ — тотъ человѣкъ, котораго въ Италии непускаютъ ни въ рестораны, ни въ гостиницы, ни въ театры. Не надо твоихъ денегъ, не надо твоихъ подарковъ. Только уходи по дальше... Если итальянецъ сидитъ за карточнымъ столомъ и къ нему приближается незнакомый человѣкъ онъ немедленно подымаетъ подъ столомъ два пальца — сакраментальный жестъ противъ джеттаторэ.. .

Русскій писатель, не вѣрившій ни въ сонъ, ни въ чохъ — рѣшился однажды снять домъ, принадлежавшій джеттаторэ. Задрожала вся Италія, къ писателю ходили депутаты отъ его друзей и умаляли покинуть гибельный домъ. Онъ смѣялся: у него было во всемъ и всегда счастье Поликрата. Прошло немного лѣтъ — и на голову писателя упали такія бѣды, которыхъ не зналъ самъ Іовъ. Голодъ, нищета, смерть ворвались въ его жизнь...

Когда итальянцы узнали о его горѣ, они закатили глаза до бѣлковъ, подняли два пальца и трагическимъ шопотомъ сказали одно слово.

Джеттаторэ!...

II.

У джеттаторэ тысячи тысячъ личинъ: онъ ихъ мѣняеть съ быстрой трансформатора, онъ жонглируеть контрастами, сбиваеть съ толку неожиданностями. То въ бронѣ военного корабля, то въ сутанѣ деревенского кюре, то въ цилиндрѣ растакуэра, то въ очкахъ ученаго, то въ формѣ — заражающей отвлеченной идеи — онъ водить васъ отъ воспоминанія къ забвению. Вы трете лобъ, вы напрягаете вѣсилы: что-то знакомое, какой-то отличительный штрихъ, это уже было, но гдѣ? когда?

Лиши, сломавъ вамъ въ конецъ голову, джеттаторэ возвращается въ одномъ изъ уже бывшихъ образовъ и больше сомнѣній нѣть. Вы отлично вспоминаете на какой именно остановкѣ жизни вы повстрѣчались съ нимъ. Вы остро чувствуете: несчастье послало свою тѣнь, надо бѣжать...

Зз послѣдніе годы столько личинъ джеттаторэ смѣялось прямо въ лицо что теперь, когда я хочу ихъ всѣхъ припомнить, расположить, въ какомъ-либо порядкѣ, я чувствую свое полное безсиліе. Классифікація невозможна. Однѣ личины встрѣчались только мнѣ, другія усмѣхались моимъ друзьямъ, однѣ любили интимную обстановку, ночные, встрѣчи у гаснущаго фонаря, столкновенія въ темныхъ вестебюляхъ провинціальныхъ вокзаловъ, другія предпочитали блескъ офиціальной помпы, звонъ колоколовъ, площадь, усѣянную радостной толпой или пристань, выдерживающую наискь панической эвакуаціи...

...На второй или третій вечеръ своего возвращенія изъ Вѣны въ германскій Киевъ, всласть наѣвшись, напившись, выспавшись, я отправился въ «жокей-клубъ», куда съ первого же часа меня влекла жажда встрепенувшагося игрока...

Зеленое сукно—цвѣтъ малахитовъ тины,
Весы, въ пеплѣ тузъ червей на сломан-
номъ мѣлкѣ,
Подумай, жертву наканунѣ гильотины
Туманять картами и въ каменномъ
мѣшкѣ!

Усатые нѣмецкіе майоры при первой же вѣсти о берлинскомъ переворотѣ растегнули свои ужасные воротники и бросились на водку и карты. Въ громадной накуренной комнатѣ наряду съ зародышами будущей русской эмиграціи имѣлось не менѣе двадцати-тридцати майоровъ. Крупье — наглые, сверкающіе, быстрые, въ свою очередь использовали переворотъ и перестали стѣсняться съ завоевателями.

«Въ банкѣ тридцать пять тысячъ» — заторалъ крупье, безконечно похожій на портретъ Доріана Грея послѣ убійства Бэзilia Холлуорда.

«Banko»! прохрипѣлъ багровый майоръ съ прилипшими рѣдкими волосами, со множествомъ платиновыхъ пломбъ. Портретъ Доріана Грея, не поворачиваясь въ его сторону рѣзко сказалъ — „Eclairage s. v. r»! Это означало, что майору предлагается до полученія карты показать, имѣется ли у него тридцать пять тысячъ. Еще недѣлю назадъ вмѣсто «эклэража» крупье получилъ бы подсвѣчникомъ по

головъ, но теперь послѣ армистиса духъ обычнаго права измѣнился... Всѣ двѣнадцать «табло» уставились въ упоръ на майора, мазильщики придинулись ближе къ столу. Майоръ судорожно выхватилъ бумажникъ, помедливъ секунду, не раскрывая, переложилъ его въ другой карманъ и неуклюже развалисто отошелъ отъ стола...

Двѣнадцать табло равнодушно опустили головы, мазильщики захихикали, портретъ Доріана Грея снова заоралъ — «Il y a toujours trente cinq milles a banko. Qui va banko?» Лопатка съ двумя картами обошла двѣнадцать табло, но никто не сдѣлалъ сакраментального жеста; тогда лопатка стала балансировать въ воздухѣ, гипнотизируя людей, столпившихся у стола, обольщая надеждой, парализуя волю, сокрушая логику.

Что-то сухое, внезапное, нетерпимое царапнуло мнѣ горло, захватило дыханіе. Черезъ кучу чернѣющихъ головъ я бросиль на столъ пачку запечатанныхъ карбованцевъ и, не узнавая собственного голоса, крикнулъ «Banko». Лопатка протянулась ко мнѣ, дрожащей рукой я схватилъ обѣ карты, но, прежде чѣмъ ихъ открыть, почему-то взглянулъ въ сторону банкомата. Черезъ стулъ отъ крупье, слегка отодвинувшись отъ стола, закинувъ ногу на ногу

и блестяя лакированнымъ сапогомъ съ шпорой, сидѣль совершенно лысый, плохо выбритый человѣкъ въ коричневомъ френчѣ изъ какой-то необычайно толстой верблюжьей матеріи. Мой взглядъ встрѣтилъ два влажныхъ черныхъ глаза, лѣниво улыбающихся по краямъ остраго тонкаго носа съ небольшой бородавкой на лѣвомъ крылѣ. Въ этомъ отвѣтномъ взглядѣ меня непріятно прорѣзalo спокойное добродушіе; я порывисто раскрылъ карты — и не смогъ удержаться отъ радостнаго вздоха — «восемь»...

Двѣнадцать табло и толпа мазильщиковъ загудѣли, застучали стульями. Портретъ Доріана Грея съ изысканной учтивостью улыбнулся въ мою сторону, давая понять, что онъ и раньше былъ на моей сторонѣ — и съ грустнымъ лицомъ повернулся въ сторону банкомета. «Monsieur, annoncez votre point»..!

Банкометъ опустилъ лакированный сапогъ, вмѣстѣ со столомъ придинулся къ столу и лѣниво опрокинулъ свои двѣ карты, надъ которыми двѣнадцать головъ сперва склонились, и отъ которыхъ потомъ откинулись съ воплемъ изумленія: тройка червей и шестерка бубенъ...

Портретъ Доріана Грея немедленно измѣнилъ расположеніе улыбокъ: „Huit a la

poncte, neuf a la banque, bon pour la banque" — сочувственно кинулъ онъ въ мою сторону. «Voilà monsieur votre argent» — сияюще поднесъ онъ лопатку съ деньгами лысому человѣку...

Отъ жажды, отъ волненія, отъ жары меня буквально укачало. Машинально прошелъ въ буфетъ. Машинально выпилъ двѣ бутылки нарзана. Машинально вернулся къ столу и остатокъ ночи наблюдалъ, какъ смѣнялись игроки, какъ счастье бѣжало вокругъ стола, какъ никто не могъ угадать минуты его прихода. И только лысый человѣкъ оставался до конца невозмутимъ: проигрывалъ, выигрывалъ и опять проигрывалъ и опять выигрывалъ. Груды разорванныхъ карбованцевъ летѣли къ нему и отъ него, а онъ оставался такой-же спокойный, такой-же лѣнивый. Казалось, что его озабочиваетъ лишь недостающая пуговица на рукавѣ, часто онъ ощупывалъ болтающуюся нитку и тогда сквозь сѣдоватую щетину проступалъ румянецъ досады.

Въ семь часовъ утра игра окончилась. На Крещатикѣ уже продавали «Киевскую Мысль» и безчисленныя паштетныя приготовлялись къ трудовому дню. Было горько отъ осенняго солнца. Каждый проѣхавшій извозчикъ отдавался въ головѣ нестерпимой болью. Я повернуль назадъ и двинул-

ся къ царскому саду. У самаго входа въ садъ уже виднѣлись стативы уличныхъ фотографовъ и предъ однимъ изъ нихъ стоялъ высокій человѣкъ въ полувоенной фуражкѣ, въ лакированныхъ сапогахъ и коричневомъ френчѣ. Я съ ужасомъ посмотрѣль въ сго сторону, онъ поднялъ голову, ласково улыбнулся черными влажными глазами и проводилъ меня взоромъ до самаго конца аллеи. Дважды я оборачивался и дважды видѣлъ сѣдоватую щетину, просвѣченную осеннимъ солнцемъ. Фотографъ — мальчишка въ барашковой шапкѣ и солдатской шинели — все одергивалъ его и старался заставить смотрѣть въ мою сторону. И я понялъ, что джеттаторѣ занесъ меня на листѣ своихъ жертвъ...

Въ результатѣ кіевскаго проигрыша жизнь не пошла по желательному пути. Пришлось оставить мысль о возвращеніи за-границу. Возможность спасенія, — которую въ первый разъ со времени войны я ощутилъ въ Инсбрукѣ, увидѣвъ въ сумеркахъ силуэтъ Тирольскихъ Альпъ — снова ускользала. Снова предстояла роковая русская игра. Влажные черные глаза не оставляли меня со дня кіевскаго проигрыша, въ теченіе двухъ лѣтъ.

Лакированные сапоги блеснули въ кромѣшной тьмѣ кіевскаго вокзала, въ декабрѣ

1918: я не попалъ въ нѣмецкій поѣздъ, и ѿшкомъ ушелъ на югъ, вмѣсто Берлина очутился въ Одессѣ.

Коричневый френчъ торчалъ на Одесской набережной въ утро французской эвакуаціи: я опоздалъ на англійскій пароходъ и вмѣсто Константинополя попалъ въ Новороссійскъ.

Въ Ростовѣ я встрѣтилъ взглядъ своего джеттатора въ грязномъ спекулянтскомъ кашѣ: въ этотъ день я заразился сыпнымъ тифомъ.

Въ Батумѣ я еще издали увидѣлъ коричневую спину въ конторѣ итальянского пароходства и рѣшилъ ее перехитрить: я взялъ билетъ не на ближайшаго «итальянца», а на слѣдующаго «француза». Итальянецъ шелъ благополучно, а нась ограбили въ первую же ночь...

Ровно годъ назадъ пароходъ «Св. Николай», пройдя 2 ноября Коринфскій каналъ, попалъ въ Средиземное море, въ полосу неслыханного осенняго шторма. Старое, къ тому-же ненагруженное судно, превратилось въ послушную куклу валовъ. Пять дней нась швыряло, рвало, ломало. Не осталось ни одной не разбитой лампы, пролились баки съ прѣсной водой и прибавилось новое бѣдствіе. «Борьба невозможна — ска-

залъ капитанъ — у нась есть только одинъ шансъ — Николай чудотворецъ»...

Кають-компания сдѣлалась складомъ поломанныхъ вещей и больныхъ женщинъ. Я рѣшилъ, рискуя быть смытымъ, пробраться наверхъ, на носъ. Громадная волна, хлестнувъ отъ борта къ борту, залила меня, швырнула, и я, самъ не помня какъ, очутился на спордэкѣ. Въ двухъ шагахъ отъ меня, схватившись за канатъ, стоялъ человѣкъ въ коричневомъ френчѣ. Вѣтеръ сорвалъ съ него фуражку — и весь онъ: его лысый черепъ, его сѣдоватая щетина, его лакированные сапоги снова горѣли, какъ тогда въ Царскомъ саду — на этотъ разъ въ лучахъ косматаго, разъяреннаго, бурей омытаго солнца.

Черезъ двадцать часовъ мы услышали звонъ Мальтійскихъ колоколовъ: два года не срокъ для джеттаторэ. Онъ мучить всю жизнь, смерть не даетъ ему наслажденій... Смерть — самый элементарный номеръ въ его дьявольскомъ репертуарѣ.

III.

Джеттаторэ не рѣдко воплощается въ человѣка, чуждаго его коварнымъ планамъ и онъ, самъ того не зная, становитсяносителемъ несчастья.

Начиная съ 1919, меня крайне интересовалъ графъ де Мартель, французскій верховный комиссаръ для бѣлыхъ армій и для лимитрофовъ. Есть-ли что-нибудь роковое въ его лицѣ, въ голосѣ, въ манерахъ? Оказывается ничего: обычный французскій дипломатъ, архилюбезный, архикраснорѣчивый, архипредупредительный. Никакой угловатости, никакой отличительности, никакого особенного поворота зрачка... А между тѣмъ этотъ человѣкъ былъ опредѣленнымъ джеттаторэ. Съ его прїездомъ въ Сибирь счастье измѣнило Колчаку — начался развалъ, закончившійся иркутской трагедіей. Съ его прїездомъ въ Закавказье кончается кратковременное цвѣтеніе южныхъ республикъ: падаетъ Баку, агонизируетъ Тифлісъ и де-Мартель переѣзжаетъ въ Крымъ. Памятный торжественный обѣдъ на «Провансѣ» съ Врангелемъ въ точности совпадаетъ съ крушеніемъ Таврической Операции и натискомъ Фрунзэ. Конецъ извѣстенъ. Можно спорить, смѣяться, доказывать гнилость тѣхъ образованій, куда прїезжалъ де-Мартель. Одного опровергнуть не удастся: въ исторіи русской гражданской войны обязательный графъ прочно занялъ положеніе Каменного Гостя. Кромѣ того, джеттаторэ не первопричина бѣды, а лишь ея неизмѣнnyй вѣстникъ.

Что касается Колчака, то и въ личности самого адмирала было нѣчто отъ джеттатора. Исключительная талантливость, смѣлость первоклассная, рѣшительность лоцмана, но все это снаружи, а внутри расщепъ, тоска и тотъ зловѣщій отсвѣтъ, который преслѣдовалъ его и въ Черноморской эскадрѣ и въ Сибири, въ ставкѣ, и въ поѣздкахъ на фронтъ. Развалъ эскадры, золотое оружіе, переломанное и брошенное въ море, свастопольскія звѣрства; въ теченіе лѣта 1919 послѣдовательно сгораютъ два дома, въ которыхъ жилъ адмиралъ; побѣда за побѣдой, счастье улыбается, но стоитъ мелькнуть вблизи фронта профилю адмирала, какъ армія бѣжитъ...

Одинъ изъ его ближайшихъ помощниковъ профессоръ Гинсь передаетъ, что Колчакъ вполнѣ сознавалъ тяжесть своей руки: когда сгорѣлъ второй домъ, служившій штабъ-квартирой, новая мрачная складка легла на лицѣ адмирала и потухли прежде острые, пытливые глаза...

Верховный правитель больше не вѣрилъ въ возможность побѣды подъ его командованіемъ. И все чаще и чаще онъ мечтаетъ о «счастливомъ человѣкѣ — Деникинѣ или атаманѣ Семеновѣ»... Все чаще и чаще запирается въ кабинетъ, ходитъ изъ угла въ уголъ и отчетливо морскимъ голосомъ по-

еть—«Пускай умру—и надъ могилой гори,
сіяй моя звѣзда»...

Окружающіе указываютъ ему на странное поведеніе чеховъ, опасаются ихъ возможнаго предательства, совѣтуетъ охрану личнаго и золотого поѣздовъ составить изъ русскихъ вѣрныхъ частей. Адмиралъ разсѣянно слушаетъ совѣтниковъ, соглашается, поддакиваетъ, но не принимаетъ никакихъ мѣръ. Послѣ сдачи Омска ничто не въ состояніи развѣять его мрачныхъ предчувствій, его грознаго гнѣва на собственную несчастливость. Душа Колчака борется съ тѣломъ — одной изъ личинъ джеттатора. И въ послѣдній моментъ еще можно или бѣжать или застрѣлиться. Но душа уже вынесла свой приговоръ: все съ той-же мрачной улыбкой адмиралъ слѣдуетъ за чешскимъ карауломъ, передавшимъ его въ руки повстанцевъ...

Свидѣтели казни разсказываютъ: «Не хотите ли Вы чего-либо передать — спросилъ у адмирала человѣкъ, изображавшій прокурора — письма, записки»...

«Нѣть ничего — отвѣтилъ адмиралъ — только еще одну папиросу»...

Досталъ портсигаръ, вынулъ папиросу, выкурилъ и, бросивъ портсигаръ одному изъ солдатъ, замѣтилъ — «Это тебѣ на память отъ твоего Верховнаго Правителя»...

Солдаты неожиданно отказались стрѣлять, пришлось вызвать матросовъ. Эти не смущались. Лицо адмирала оставалось строгое, ровное, только чуть-чуть блѣднѣе обыкновенного. При звукахъ команды оно дрогнуло отъ какой то странной улыбки...

Вспоминается другая улыбка, тоже предсмертная: улыбка Лермонтова.

Въ обоихъ случаяхъ смерть напоминала самоубійство. Сами убивали личину...

IV.

Каждая эпоха богата личинами джеттаторэ. Но бываютъ моменты кризиса, разстройства, смятенія духа, когда изобрѣтательность джеттаторэ достигаетъ гиперболическихъ размѣровъ. Эвакуаціи побили всѣ міровые рекорды. Суевѣrie среднихъ вѣковъ на фонѣ Кіева, Ростова, Новороссійска, Севастополя и т. д.. показалось бы законченнымъ скептицизмомъ.

Музыка кофеенъ, приказы коменданта, мѣры, принимаемыя диктаторомъ, составъ прибывающихъ изъ за-границы, содержаніе зрѣлищъ, надписи на заборахъ, поведеніе домашней прислуги... За два десятка эвакуацій ни разу не была нарушена обязательность появленія излюбленныхъ личинъ. Опытные люди къ третьему году бѣженства научились искусству распознаванія. Пер-

вая личина... -- бѣги!, не дожидаясь остав-
льныхъ, иначе будетъ поздно.

Музыка кофеенъ: Кіевскаго Франсуа, Харь-
ковскаго Версаля, Новороссійскаго Норд-
оста, Одесскихъ Веселыхъ Сумерокъ, Ба-
тумскаго Павильона, Ростовскаго Паласа,
Тифлісскаго Хамелеона, Севостопольскаго
поплавка. Когда наступаетъ моментъ, когда
надвигающеся уже послало свою тѣнь, съ
съ пюпитровъ удаляются марши, польки,
 увертуры, осеннія пѣсни, мазурки. Офи-
церы перестаютъ требовать гимнъ, спеку-
лянты не интересуются гай-да-тройкой,
 дирижеръ не отдаетъ никакихъ распоря-
женій. По нѣмому согласію всѣхъ присут-
ствующихъ первая скрипка зажмуриваетъ
глаза, крѣпче прижимаетъ грифъ, яростно
замахивается смычкомъ. «Сильва ты меня
не любишь»... «За милыхъ женщинъ»,
«Частица чорта-ль въ нась»... Никогда,
нигдѣ, ни въ какой странѣ произведеніе
венгерскаго композитора не сыграло такой
жуткой роли, не пользовалось такимъ свое-
образнымъ успѣхомъ. Отъ Сильвы до
послѣдняго поѣзда или парохода остается
одна, maxимум двѣ недѣли. Предусмотрите-
льные люди, дорожащіе богажемъ, уѣзжа-
ютъ послѣ третьяго повторнаго вечера
сплошной Сильвы... Любопытная вещь:
уже въ Константинополѣ Сильву не исполн-

няютъ, въ Батумѣ круглый годъ громыхали ту-степы, фок-строты, шимми и только послѣ ухода англичанъ репертуаръ измѣнился. Въ Европѣ, въ странахъ спокойныхъ, въ городахъ прочнаго быта Сильвы не знаютъ: ни во Франціи, ни въ Англіи, ни даже въ Германіи, ни даже въ родной Венгріи. Царство Сильвы въ голодной Вѣнѣ и въ сомнительныхъ лимитрофахъ.

Гимнъ эвакуаціи или по крайней мѣрѣ голодной смерти!..

Приказы коменданта: реквизиція теплыхъ вещей означаетъ, что армія больше не существуетъ и что кто-то хочетъ имѣть предлосгъ для вторженія въ богатыя квартиры; окопныя работы предупреждаютъ эвакуацію не болѣе, чѣмъ на одну недѣлю; онѣ производятся въ цѣляхъ увеличенія стоимости выѣзда, для людей уже имѣющихъ билетъ и паспортъ т. е. лицъ, намѣревающихся уклониться отъ уплаты контрибуціи въ пользу развѣдки и комендантury; самыя работы въ буквальномъ смыслѣ никогда не производятся; генералъ подписавшій приказъ объ окопныхъ работахъ, имѣть возможность сдѣлать это лишь однажды, къ дѣятельности онъ больше никогда и нигдѣ не возвращается. Наконецъ изъ прочихъ «приказовъ коменданта»: запрещеніе выѣзда изъ города. Эта мѣра —

самый послѣдній вѣстникъ — тахітум за —два дня; когда большевики уже на плечахъ, уцѣлѣвшія воинскія части употребляются для задержки желающей бѣжать интеллигенціи. Личина страшная, сопровождается разстрѣломъ бѣдныхъ и грабежемъ богатыхъ.

Мѣры диктаторовъ: когда пуговица доходитъ до четырехсотъ рублей и продается только гроссами (не менѣе дюжины гроссовъ), созывается экономическое совѣщаніе изъ финансистовъ, проживающихъ за границей. Большинство успѣваетъ доѣхать только до Константинополя. По времени одна изъ раннихъ личинъ: первыя замѣтки появляются за мѣсяцъ, официальный приказъ за 2-3 недѣли. Одновременно съ экономическимъ совѣщаніемъ прекращеніе движенія поѣздовъ съвернѣе ставки возбуждаетъ вопросъ о крупномъ валютномъ зайдѣ. Иностранныя миссіи уѣзаютъ именно послѣ обнаруженья этой идеи: остается не болѣе десяти дней.

Прибывшіе пароходы и спасатели: изъ военныхъ кораблей не оставляетъ никакихъ сомнѣній появленіе «Вальдекъ-Руссо» (стажъ — четыре эвакуаціи...), изъ цивильныхъ установліе Тріестинскимъ Ллойдомъ правильныхъ рейсовъ. Изъ профессиональныхъ спасителей остерегаются прі-

ѣзда русскихъ политическихъ дѣятелей изъ Парижа, изъ иностранцевъ доказанный джеттаторэ — редакторъ «Temps» Шарль Ривэ. Подъ подозрѣніемъ секретарь французской миссіи Зиновій Пѣшковъ.

Новыя зрелища и проекты: возобновление «Русского Слова» и „Биржевыхъ Вѣдомостей“, открытие заграничныхъ отдѣленій Освага и добровольческаго телеграфнаго агентства въ Парижѣ.

Но, конечно, наиболѣе общеизвѣстной и признанной изъ личинъ джеттаторэ является «Кривой Джимми», «петербургскій» театръ съ конферансье — Курихинъ... Пріѣзжаетъ maxitum за четыре, minimum за два дня, устраивается обыкновенно въ залѣ громаднаго ресторана, гдѣ уже никто не бываетъ за исключеніемъ чиновъ контръ-развѣдки. Стажъ «Кривого Джимми» — шесть эвакуаций т. е. на второмъ мѣстѣ послѣ мирового рекорда — «окопныхъ работъ».

Если «Кривой Джимми» пріѣдетъ въ Парижъ, французы уйдутъ и изъ этого города...

Въ выборѣ вѣстниковъ эвакуациіи джеттаторэ не минуетъ и основной волны человѣческихъ настроеній. Оставляя въ стонѣ характерные не только для эвакуаціи кокайнъ, карты, безпробудное пьянство — историкъ революціоннаго быта отмѣтить

исключительное по интенсивности разрушение условной морали. Въ періодъ рѣшающихъ пораженій къ насѣкомымъ, приносящимъ тифъ, прибавлялись насѣкомыя, заражающія влеченіемъ къ распутству. Начинались афинскія ночи, при участіи сѣдовласыхъ профессоровъ, многосемейныхъ политиковъ, невинныхъ дѣвушекъ. Готовясь къ неизвѣстному, жуткому неизбѣжному, люди всѣхъ возрастовъ и положеній порывались тѣмъ, что составляло будто-бы желѣзный стержень прежней баснословной жизни. Проходило два-три мѣсяца, и, попадая въ счастливыя удержаншіяся страны, участники аѳинскихъ ночей въ сношеніяхъ съ иностранцами, съ людьми другой, «не нашей» эвакуаціи, полностью возстановляли старую мораль. Но между людьми,увидѣвшими лицо медузы въ одну и ту же эвакуацію, создавалась или пропасть отъ стыда, или близость во грѣхѣ. Эвакуаціи ссорили братьевъ и роднили враговъ. Люди, прошедши короткій мигъ эвакуационнаго кошмара, сами превращались въ личины. Пріѣзжая на Западъ, они привозили злосчастье, отравляли атмосферу, пугались другъ друга. Завязывались какіе-то новые узлы.

Я не перебралъ и малѣйшей доли тѣхъ, кто въ больничныхъ саванахъ, въ золотыхъ погонахъ, въ отточенныхъ идеяхъ, въ дикомъ смятеньи, оживаютъ, чуть коснѣвшись этого хаоса, — оживаютъ и сосѣдъ оживляетъ сосѣда. Я могъ бы написать отдельную книгу о русскихъ личинахъ джеттаторэ. Тема совсѣмъ не плохая. Но я боюсь, что, если долго говорить объ этомъ, въ комнату безъ звонка и безъ доклада войдетъ лысый человѣкъ въ коричневомъ френчѣ, въ лакированныхъ сапогахъ, усядется въ кресло, уставится своими влажными черными глазами и начнетъ ласково молчать. Вѣдь въ Парижѣ уже много лѣтъ не было землетрясенія.

СТЕЛЬ БРЕДИТЬ.

I.

Ну, кажется, капутъ. Солгала видно счастливая подкова, найденная мною въ то первое баснословное лѣто въ городѣ Несвяжѣ у зданія солдатскаго комитета первой арміи. У меня тридцать девять и пять. И хотя мобилизованный заурядъ скорчилъ небритую сизую физіономію и сказалъ, что «еще ничего нельзя рѣшить опредѣленно», я уже все рѣшилъ. Съѣли и меня марсіане. Чертовски непріятно, даже какъ-то неудобно. Еще позавчера генераль Шкуро котегорически обѣщалъ къ пасхѣ быть въ Москвѣ и отслужить заутреню въ Успенскомъ... Мнѣ видно не попасть. Ахъ, марсіане, марсіане. Маленьkie, бѣленьkie, ногтемъ разможжишь, но прыгаютъ, но изворотливые, но непобѣдимые. Да, кстати, какія бываютъ вши? Платяныя, головныя, ну а еще? Какая-то ерунда въ голову претъ, это отъ головныхъ, надо полагать. Въ 1912 году, въ путейскомъ институтѣ на конкурсномъ

экзаменъ для сочиненія дали тему — «Всѣ блохи не плохи, всѣ маленькія, всѣ черненькія, всѣ прыгаютъ». Вотъ и допрыгались. Спрашивается: сыпной или возвратный, хотѣлось бы возвратный, уже болѣть, такъ подольше. Въ смыслѣ отсрочки у воинскаго разница что-то около шести недѣль, а голова трещить одинаково и бредъ не меньше. На прошлой недѣлѣ умеръ одинъ изъ членовъ земсоюза, свою послѣднюю ночь онъ завывалъ изъ «Сильвы» — примелькалась видно, ужъ такая — «Маделонъ Эвакуації»... Въ сѣдней комнатѣ плачетъ жена, ребятишки жмутся въ страхѣ, пріятели въ френчахъ маршируютъ, а онъ отъ сидѣлки вырывается и оретъ — «Сильва ты меня не любишь!..

Марсіане, марсіане. Какими вась танками брать? Ахъ голова, голова. Чортъ, я, кажется, ослѣпъ. Что это на стѣнѣ, почему комната оклеена колокольчиками главнаго командованія?.. Теперь я все понялъ, марсіанъ я нахваталъ въ понедѣльникъ въ кафе. У того толстоносаго, который кричалъ — «Что вы мнѣ звоните вашими колокольчиками. Я на русскомъ языкѣ предупреждалъ вась — керенки безъ дырокъ, или николаевскія»... Ну, конечно, отъ него. Онъ изъ Харькова съ эвакопун-

ктомъ ъхалъ, вотъ теперь весь городъ заразитъ. Будь онъ проклять вмѣстѣ съ его Мерковскимъ кокаиномъ въ грамовой упаковкѣ!.. Хоть бы поскорѣй кофейни позакрывали... Въ Москву вернемся, первымъ дѣломъ заведемъ нѣмецкіе порядки. Хотите въ спальный вагонъ, пожалуйста свидѣтельство о безвшивости. Сколько женскихъ волосъ сволочи извели. Та золотоволосая въ Освагѣ, что отъ ея нимба ослось? Въ чепчикѣ содержателя не найдешь, нѣ-ѣть. Попробуй на жалованье прожить. Это тебѣ не Р.С.Ф.С.Р., у нась, братъ недѣлимая! Колокольчики-бубенчики звенятъ! Гдѣ-то теперь Каміонскій? Тоже не бось вшей понахвatalся и весь театръ заражаетъ. Маленькихъ больше нѣть. Торжественное засѣданіе въ честь годовщины доброміи... Гдѣ спрашивается засѣданіе? Въ театрѣ. Ага, то-то и оно. Приходите, значитъ, въ театръ, садитесь на бархатные кресла и изъ каждого кресла на васъ пересядутъ платяные марсіане. Я и дома посижу. Спасибо, дураковъ нѣть. Вотъ, ты скажи, приходите, мы вамъ по мѣшку со льдомъ на голову положимъ, настоящую камфору вспрыснемъ! Это я пойму, а то дали вмѣсто льда теплаго навоза. Камфору вашу тоже знаемъ. Англійскую перелили, пузырьки водой разбавляете! Подо-

ждите, подождите, въ Москву придемъ, по-
считаемся...

II.

Опираясь на палочку, кутаясь въ англій-
скій бурнусикъ, иду по Большой Садовой
улицѣ. Какія перемѣны, какія перемѣны!
У насъ теперь, кажется, одинъ Ростовъ,
остался. За шесть недѣль сыпняка сдали
Орелъ, Курскъ, Харьковъ, молчатъ о Киевѣ,
Махно чуть чуть въ самый Таганрогъ не
влѣзъ, Когда-то теперь въ Москву попа-
демъ? А сколько народа перемерло. Страш-
но спрашивать о знакомыхъ: или умеръ,
или въ бреду наканунѣ кризиса, или «без-
надежно: дышеть кислородомъ»...

Синематографовъ больше нѣтъ. Оста-
лись вывѣски, на лохмотьяхъ плаката раз-
личаю — «Пренсъ женится — сильно коми-
ческая», а изъ двери осточертѣвшій запахъ
карболки и весь тротуаръ предъ зданіемъ
въ соломѣ, кишащей вшами... Прохожіе въ
ужасѣ перебѣгаютъ на другую сторону,
отряхиваются, осматриваютъ другъ друга
и мчатся домой принять ванну, у кого..
она есть. Зданія кинематографовъ не при-
норовлены для лазарета; какъ тамъ класть
больныхъ? надо всѣ стулья выламывать,
 заводить отопленіе, передѣлывать наклон-
ный полъ, доставать кровати, матрацы,

бѣлье, лекарства. Гдѣ взять? Махно въ Александровскѣ захватилъ всю санитарную базу, англичане сердятся, больше не везутъ. На дворѣ морозъ. За одно сегодняшнее утро по «весыма секретной сводкѣ освага», лежащей на столѣ каждого кафе, привезено на вокзалъ и остается неразгруженными 7000 тифозныхъ, изъ нихъ «невыясненное количество замерзшихъ».

У синематографа «Колизей» новая картина: реквизировали его только вчера, устроить ничего не успѣли, а фургоны всеѣдутъ иѣдутъ. Устлали соломой парадную лѣстницу громаднаго дома и кладутъ, какъ есть: въ обрывкахъ шинелей, во вшивомъ бѣльѣ. Въ домѣ около сотни квартиръ, вездѣ дѣти, другой лѣстницы нѣтъ. По ступенькамъ ползутъ марсіане, проникаютъ во всѣ квартиры. Пройдетъ восемь дней и громадный домъ превратится въ очагъ сыпняка...

Опять музыка. За часъ это уже не то пятый, не то шестой разъ. Въ деревянномъ заколоченномъ гробу несутъ свѣжую жатву; за гробомъ кучка людей мѣситъ по мостовой, въ отдаленіи, сбиваясь съ ноги, отставая, задыхаясь, плетется стадо подростковъ въ шинеляхъ сшитыхъ изъ кавказскихъ бурокъ (гдѣ-то грабнули!), съ Александровскими винтовками... на пере-

въсь — плечо не выдерживаетъ. Тroe изъ нихъ, напрягая всѣ силы, дуютъ въ при мерзшія къ губамъ громадныя трубы: «По хоронный Маршъ»? «Коль Славенъ»? «Сильва»? Кто знаетъ...

Подростки въ бурковыхъ пальто — сту денты бѣлобилетчики: хромые, слѣпые, безъ одного легкаго, безъ трехъ четвертей зубовъ. Зачѣмъ ихъ мобилизовали? Взяли семнадцатилѣтнихъ калѣкъ, швырнули въ зажженную казарму, сказавъ: «будете нести гарнизонную службу, теперь не до ученья»!.. И вотъ теперь каждый день, съ утра до вечера, они хоронятъ своихъ умершихъ то варящей: всѣ они съѣдены казарменными марсіанами. Если игра продлится еще съ мѣсяцъ, въ студенческомъ батальонѣ оста нется одинъ его начальникъ, казачій есаулъ, который живеть на частной квартирѣ... Впрочемъ, есть у нихъ реальное назначе ніе: они трубятъ свой странный мотивъ за гробомъ не только своихъ товарищевъ, но и вообще всѣхъ «чиновъ добрамії», умершихъ въ Ростовѣ.

Катафалки, треуголки, галуны остались въ томъ мірѣ; съ пришествіемъ марсіанъ появились бурковыя пальто, громадныя папахи. Почетный караулъ изъ двадцати пяти пенснѣ...

На каждомъ шагу *Его* дыханіе. Онъ—Его Величество Сыпнякъ. Въ окнахъ магазиновъ, торговавшихъ раньше фотографическими принадлежностями, выставлена камфора, аспиринъ и пр., съ надписями: «Настоящее англійское», «Привезено изъ - за границы», «Остатки стоковъ». Изъ гастро-номическихъ витринъ глядятъ бутылки какого-то сомнительного вина, этикетка сма-зана, но зато плакать — «незамѣнимо для подкрѣпленія выздоравливающихъ». Изъ витрины освага каждый день для опусканія рокового шнура выходитъ новый мальчикъ: «заболѣлъ», «выбылъ за смертью», «вы-былъ для поправки»... Толпа, пожирающая въ сумерки манипуляціи шнура, прежде всего занята главнѣйшей заботой: какъ бы такъ изловчиться пролѣзть къ окну—гдѣ каж-дымъ вечеромъ краснѣеть еще одинъ го-родъ — чтобы не задѣсть, упаси Боже, со-сѣда локтемъ-ли, плечомъ-ли, ногтемъ-ли... Какой-то невиданный конкурсъ вѣжливо-сти. Ибо сосѣдъ представляется сосѣду человѣкомъ, зараженнымъ, который лишь по злости ходить вмѣсто того, чтобы слечь. Коснешься — марсіанинъ перескочеть — и готово: двѣ, три недѣли и въ твой домъ явятся двадцать пять пенснэ, двѣнадцать легкихъ, три трубы...

«Баринъ подвезу, недорого возьму»! Что это, совсѣмъ какъ въ былые времена — извозчикъ напрашивается. Да потому что на извозчикахъ никто не ъздитъ. Однажды утромъ ихъ мобилизовали для перевозки съ вокзала замерзшихъ тифозныхъ — съ тѣхъ поръ причина всѣхъ причинъ: имя рекъ умеръ, онъ былъ безумецъ, онъ ъздила на извозчикахъ до самаго послѣдняго дня...

Тщетно театръ прельщаетъ новой постановкой, тщетно знаменитый піанистъ, занесенный волной бѣженства, возвѣщаетъ интереснѣйшій концертъ, тщетно милостью высшихъ властей уцѣлѣвшія кабарэ зазываютъ похабщиной. Профилактика съѣла зрѣлища. «Онъ» тамъ, гдѣ больше двухъ человѣкъ. Вѣрить можно лишь своимъ близкимъ — и то, когда приходятъ, садятся за столъ, кто-нибудь немедленно блѣднѣеть: онъ замѣтилъ на братѣ, отцѣ, сестрѣ или т. п. непобѣдимаго врага... Немедленная ванна, уничтоженіе одежды, прививки — но въ домѣ скорбь. Зачѣмъ только этотъ человѣкъ живеть съ нами — теперь мы всѣ погибли!

Во время одного изъ надрывныхъ послѣднихъ веселій, къ нашему столу въ ресторанѣ «Паласъ» подошла дрожащая женщина и трагическимъ голосомъ, со сле-

зами на глазахъ, сказала мужу — «Ты меня обманываешь, я тебя видѣла на извозчикѣ. тебѣ жалко, что у меня хорошие волосы»... Багровые румыны заглушили ея рѣчь... «Сильвой»!

Свободы онъ не даетъ никому; но зато повсемѣстное равенство и братство. Командующій Кавказской арміей, вагонъ кото-раго дезинфицируется дважды въ сутки, и случайно уцѣлѣвшій плѣнnyй красно-армеецъ, съ котораго конвоиры сняли сапоги и босаго погнали по снѣгу; членъ осо-баго совѣщанія, умилительно вѣряющій въ спасательность какой-то камфоровой ла-данки, запахъ которой марсіане будто бы не выдерживаютъ и переползаютъ на... дру-гихъ членовъ особаго совѣщанія — и его курьеръ, убѣжденный, что «вшу выдумали жиды»; кухарка и жена директора банка— обѣ въ чепчикахъ; хозяинъ кіоска фрук-товыхъ водъ и первѣйший богачъ, прятав-шійся въ одиночество трижды окуренного особняка — оба идутъ, опираясь на палоч-ку, блѣднозеленые, кожа да кости, дрожа-щія руки, ввалившіеся глаза. Входишь въ залъ государственного банка и отъ первого до послѣдняго — надъ всѣми столами чеп-чики. Не отбываютъ воинской повинности, но лишаются красоты... Онъ помирить всѣхъ; отольются повѣшенными ихъ неото-

мщенные слезы — бравый полковникъ сойдеть въ ту же братскую могилу. Всѣхъ побѣдилъ, соединилъ несоединимыхъ. Пуришкевичъ и Мамантовъ, князь Євгеній Трубецкой и партизанъ Семилѣтовъ — какія эпохи первой и второй Россіи съѣлъ непобѣдимый марсіанинъ!..

III.

Бѣлое движеніе нерѣдко сравниваютъ съ Вандеей... Какой вздоръ! Вандея — это когда тысячи крестьянъ вооружаются вилами и лѣзутъ на пушки ради старого порядка, ради прежняго быта. Бѣлое движеніе — это когда миллионы крестьянъ, дворянъ, буржуевъ, студентовъ, шуллеровъ, врачей, инженеровъ и пр. и пр. всю вѣковую ловкость направляютъ въ сторону уклоненія отъ воинской повинности. Вандея вырастаетъ изъ земли, изъ тучнаго унавоженнаго чернозема, бѣлое движеніе зарождается въ родѣ гомункулуса: таинственные опыты, таинственные совѣщанія, ночные бдѣнія и внезапно появляется крошечный человѣчекъ, бросающій вызовъ всей ледяной пустынѣ...

За трехлѣтнюю исторію бѣлаго тифознаго движенія известенъ лишь одинъ моментъ, когда въ донскихъ станицахъ набухло нѣчто, отдаленно напоминавшее французскій

примѣръ. Семилѣтовщина. Тоже конечно не Вандея, но и не мобилизациѣ шомполами; въ финалѣ и семилѣтовцы драпнули, но по началу шли добровольно. Старые станичники безъ сѣдель, безъ винтовокъ съ деревянными пиками перли на броневики, за ними тянулись и молодые фронтовики, которые за всѣ три года такъ и не рѣшили окончательно — «чи мы красные, чи мы бѣлые». Въ ихъ метанияхъ по семестрамъ — весенній у бѣлыхъ, зимній у красныхъ было нѣчто отъ того же всемогущаго сыпняка. Бредъ, схватки, возвраты.

...Вождь степной Вандеи — генералъ Семилѣтовъ былъ безконечно донской человѣкъ. Именно: не русскій, а донской. Ни капли сепаратизма, ни тѣни какого бы то ни было самостійничества, великолѣпнѣйшій патріотъ и все же... что подѣлаешь съ казачьей душой, если въ Новочеркасскѣ колокола звонять лучше, чѣмъ въ Москвѣ и если памятникъ Платову, ближе, роднѣе фальконетовскаго Петра. Платовъ — свой, степной, весь какъ на ладони, страшенъ въ битвахъ, веселъ въ пирахъ, а у того хмель на дыбѣ, дыба во хмелю и, жуткія воспоминанія о выданныхъ и казненныхъ атаманахъ. За двѣсти лѣтъ, послѣ всѣхъ войнъ, гдѣ моря казачьей крови пролиты за Россію, гдѣ казачьи штандарты славнѣе гвар-

дейскихъ, прародимый антагонизмъ вовсе не исчезъ, находя щедрое питаніе въ институтѣ наказныхъ атамановъ, въ полити-кѣ изоляціи казачьихъ войскъ...

Такъ или иначе, гражданская война на Дону и на Кубани оправдала и укрѣпила этотъ строй казачьей души. Семилѣтовъ—вождь степной Вандеи — поднялъ Донъ для освобожденія только Дона: и къ нему шли одиннадцатилѣтніе кадеты, шестидесятилѣтніе старики, переодѣтые женщины, выбывшіе изъ строя калѣки. Въ самый отвѣтственный моментъ 1919 веселый молодой генераль въ папахѣ приведеть своихъ партизанъ на линію Донца и выдержить всю зиму и всю весну натискъ сильнейшихъ частей Егорьева. Надъ Донцомъ хибарки, не много ихъ уцѣлѣло отъ орудій-наго обстрѣла, въ нихъ юятся семилѣтovцы. Косить сыпнякъ, англійскія шинелишки рыбьимъ мѣхомъ подбиты, жратъ нечего, но... иначе на Дону жизни нѣть, надо только продержаться: справа или слѣва съ одного изъ фланговъ большевиковъ обязательно хлопнуть, покатится центръ, и Донъ свободенъ. Можно опять спокойно жить...

И степная Вандея окончится въ тотъ самый день лѣта 1919, когда Донъ освобожденъ, когда нужно идти въ предѣлы Рос-

сії. На границѣ Воронежской губерніи снова, какъ годъ назадъ при Красновѣ казаки останавливаются и устроить митингъ. Митингъ всегда — безъ аннексій и контрибуцій, митингъ всегда — постолько, по сколько...

На первомъ же митингѣ умираетъ Вандея, на рубежѣ осени, приносящей возвратъ сыпняка, умираетъ Семилѣтовщина. Все подвезено за лѣто: есть орудія, снаряды, танки, бронепоѣзда, но нѣть больше желанія... Играется роковая ставка — личное обаяніе на карту! «Если вы не пойдете впередъ, большевики снова займутъ Донъ!».

Тщетно, степь уже бредить, уже инкубационный періодъ, марсіане уже укусили: «Большевики что, мы съ большевиками всегда рады, мы противъ коммуніи, а теперь плѣнныне бають — коммунія на чисто отмѣнена»...

Ставка проиграна или на языкѣ военномъ — кавалерійское сердце пропало. Отъ всего партизанскаго движенія остается одинъ генералъ въ защитной шинели и бѣлой папахѣ. Онъ хмурится, ему не по себѣ, противъ него возобновляется борьба какихъ-то самолюбій, смѣшныхъ для побѣдителя, роковыхъ для побѣжденного. Онъ отходитъ въ сторону, на дворѣ безотрадная осень. Ползутъ поѣзда съ отмороженными,

ранеными, сыпными, убитыми. Бредить все. Дежурные на станцияхъ перестали бояться нагана, направленного въ ихъ красную фуражку; немногіе здоровые спѣшать драпать, пока еще Черное море осталось. Семилѣтovъ въ Новочеркаскѣ. Пить не пьетъ. Кокаина не нюхаетъ, въ карты не играетъ. А для того, чтобы битый вождь самъ не обратился въ битую карту, ему надо умереть. Семилѣтову въ послѣдній разъ улыбается счастье: ему не суждено было испить горечи бѣженства. Онъ умеръ. Пощаженный пулями, не пощаженный марсіанами, умеръ, какъ всѣ отъ сыпняка. Но, какъ немногіе, гордый, нетерпимый пловецъ противъ теченія. Бѣдная станичная Вандея!.. Онъ и въ бреду называлъ имена, неуклюжія, неблагозвучныя, милыя его донскому хмуруму сердцу — Гундоровская, Митякинская, Усть-Бѣлокалитвенная, Семикарокорская... Кругомъ бредила степь. Казалось, что самый горизонтъ усьянъ бѣленькими прыгающими точками.

IV.

Прахъ Семилѣтова остался въ его родной землѣ. Другому донцу — Мамантову судьба не дала и этой скромной радости. Герой рейда, которому Times посвятилъ передовую статью, умеръ въ Екатеринодарѣ;

въ полномъ забвеніи, окруженный полу-презрѣніемъ, полу-ненавистью. Газеты посвятили его смерти шесть строкъ неудобочитаемаго петита, бѣженцы, собиравшіеся въ дальнѣйшій путь изъ агонизирующаго Екатеринодара на югъ, къ морю, разсѣянно спрашивали при видѣ похоронъ — «Почему столько войска? Мамантовъ? Это какой-же? Ахъ, знаменитый! Тотъ, что въ Тамбовѣ спиртъ раздавалъ. Почему же гробъ заколоченный? Ага, и онъ отъ сыпняка. Скажите, значитъ не уберегся»...

Шесть мѣсяцевъ назадъ онъ былъ самымъ популярнымъ человѣкомъ во всей Россіи. Совѣтскія газеты наполнялись «бандитомъ Мамантовымъ», вмѣстѣ съ городами центральной Россіи онъ завоевывалъ и великорусскія пословицы. «Какъ Мамантовъ на голову», «не было ни юнкера, а вдругъ казачій генераль», «нежданный Мамантовъ хуже татарина»...

Даже толстозадый мальчикъ при витринѣ Ростовскаго Освага, презирающій все и всѣхъ и долгое время выдававшій кудряваго мичмана за адмирала Колчака, на этотъ разъ смутился, задралъ желтый шнуръ до города Серпухова, долгое время слюнилъ какой-то плакать, а потомъ пристукнулъ его къ окну. Оказался человѣкъ, явно срисованный съ Плевненскихъ пор-

третовъ Скобелева, только безъ орденовъ, и гигантскіе усы, сильно терявшіе свою прелестъ оттого, что ихъ концы стерлись подъ слюной толстозадаго мальчика.

Прошелъ мѣсяцъ. Военные обозрѣватели всѣхъ осважныхъ газетъ на тысячи ладовъ убѣдили нась, что набѣги Мюрата, Гадика, Шеридана, Стюарта ничто въ сравненіи съ рейдомъ Мамантова, забравшагося въ тылъ противника на 800 верстъ, что на Курскомъ вокзалѣ поѣзда совнаркома стоять подъ парами, ибо задержать Мамантова уже немыслимо. Инженеры Владикавказской дороги частнымъ образомъ принялись высчитывать количество и стоимость взорванныхъ Мамантовымъ мостовъ и испорченной колеи, но добравшись до астрономическихъ цифръ, махнули рукой — «еще недѣля и каждую рѣку придется пассажирамъ вплавь переплыть». А известія, приходившія отъ самаго Мамантова, поражали противорѣчіемъ и оригинальностью. Къ первому за пять лѣтъ привыкли, второе смущало: такъ изъ Воронежа Мамантовъувѣдомлялъ донскаго преосвященнаго, что посылаетъ на украшеніе Новочеркасскаго храма столько-то пудовъ золотыхъ ризъ, а для личныхъ удобствъ владыки коляску съ кровными рысаками. Мамантовъ, конечно, герой, и о немъ Times пишетъ и

самъ король справляется, но все-же удобно ли ограбить одинъ храмъ ради другого и подобаетъ ли владыкѣ пользоваться «военной добычей»? Рысаки не собаки на кличу не откликаются, но кой-какія примѣты однако существуютъ...

Дальше дѣла пошли ускореннымъ темпомъ, Москву Мамантовъ по «стратегическимъ соображеніямъ» братъ не пожелалъ и обремененный многоверстнымъ обозомъ двинулся къ роднымъ пенатамъ. Съ трудомъ у Коротояка ему удалось отбиться отъ Буденного; въ этомъ сраженіи полегла большая часть такъ называемой Тульской дивизіи, составленной изъ крестьянъ центральной Россіи; ей была предназначена тяжелая задача — защищать переправы. Пока тянулся обозъ, нескончаемый, трудно переправимый, отнимающій массу провожатыхъ — туляки дрались...

Наконецъ корпусъ вернулся въ Донскую область. Корреспонденты, выѣхавшіе на встречу, на ст. Кантемировку, полюбовались разнообразiemъ привезенныхъ изъ рейда вещей: отъ шифоныевъ до клѣтокъ со скворцами было широко представлено все русское хозяйство. О деньгахъ и камняхъ много говорили, но показывать не показывали. Героямъ рейда былъ предоставленъ небольшой отпускъ; нагруженные

военной добычей, они разъѣхались по станицамъ, предвкушая радость использованія пріобрѣтенного за шесть недѣль боя. Изъ отпуска вернулось не болѣе одной трети: для остальныхъ смыслъ войны былъ изжитъ. А запугать ихъ было нелегко: они привыкли видѣть смерть на черезчуръ близкомъ разстояніи. «Не хочу» означало дѣйствительно — «не пойду».

Распустивъ исполинскіе, единственные въ мірѣ усы, Мамантовъ бросился съ головой въ открывшіяся предъ нимъ радостныя пропасти. Вечера съ англичанами, вечера съ французами, вечера съ итальянцами — что говорять не понятно, но пьютъ серьезно. Вечера съ донскими парламентаріями, вечера съ поклонницами, вечера съ офицерствомъ — все понятно — и этикеты и тосты и легкія обѣщанія.

Корреспонденты набросились на него, какъ коршуны. И сколько пришлось поработать донскимъ цензорамъ, чтобы изъ вороха гранокъ вытравить откровенныя признанія генерала. Въ результатѣ отъ рейда для печати осталась лишь сторона военная, бравурная; экономическая послѣдствія и наблюденія политическія были уничтожены отъ первого слова до послѣдняго,— и публикой читались въ спискахъ, при чемъ каждый читавшій отъ себя прибавлялъ щед-

рой рукой нули, единицы, яркія детали. Черезъ недѣлю, когда списки широко разошлись, рейдъ Мамантова вошелъ въ народную душу въ видѣ путешествія Али-Бабы въ наполненную кладами пещеру разбойниковъ. Къ Мамантову повалили съ подписаными листами, предложеніями случайныхъ дачъ, выгодныхъ имѣній, исключительныхъ партій товара. Генералъ распушилъ усы еще больше, влѣзъ въ салонъ и уѣхалъ опять на фронтъ.

«Предстоить второй рейдъ, свѣдѣнія о которомъ по понятнымъ причинамъ сообщены быть не могутъ»: такимъ остроумнымъ плакатомъ, сопровожденнымъ обычной порціей слюней, ознаменовалъ толстозадый мальчикъ отъездъ генерала.

Какъ извѣстно, второй рейдъ не состоялся. Въ вопросѣ о причинахъ авторитеты, конечно, разошлись.

Виновата нога, которую генералъ повредилъ, сядясь на лошадь и изъза которой онъ больше вообще никогда не смогъ влѣзть на лошадь.

Виновать кубанецъ Улагай, который не пожелалъ подчиниться донцу и тѣмъ разстроилъ знаменитую диспозицію «рейда конной группы».

Виновать Троцкій, который въ промежутокъ между первымъ и «вторымъ» рейдами

научился влѣзать на лошадь и цѣликомъ укралъ идею донского командованія...

Виноватъ Буденный, который прорвался не тамъ, гдѣ ему полагалось, и на недѣлю раньше, чѣмъ имѣлъ право... согласно диспозиціи!..

Мамантовъ оказался трехнедѣльнымъ удальцомъ въ самомъ непереносномъ смыслѣ. Когда выяснилось съ печальной ясностью, что августъ неповторимъ, когда вместо совѣтскихъ тыловъ, ему пришлось дѣйствовать въ метель, въ опустошенномъ Донецкомъ бассейнѣ, пропало и его кавалерійское сердце. Уже никто не пѣлъ «Христосъ Воскресе», уже не было спирта не только для раздачи населенію, но даже для собственныхъ нуждъ, уже на запасныхъ путяхъ узловыхъ станцій замерзали испорченные танки и съ большевистскихъ аэроплановъ летѣли саркастическая летучки—«вы къ намъ шли два года на танкахъ, мы къ вамъ пришли за мѣсяцъ на санкахъ»... Донецкіе рабочіе выполняли свою программу — минимумъ: встрѣчать цветами побѣдителя, провожать выстрѣлами побѣжденныхъ. Мамантовъ вышелъ изъ игры. Поводъ? Не то онъ придрался къ чему-то, не то къ нему придрались за что-то. Отъ августовскихъ трофеевъ оставался одинъ французскій бульдогъ, найденный въ Там-

бовѣ, въ захваченномъ поѣздѣ Троцкаго... Съ этимъ быстро привязавшимся бульдогомъ, каждый часъ наблюдалъ, какъ еще быстрѣе отвязываются былые друзья и почитатели — Мамантовъ проѣхалъ въ тылъ. Сдали Ростовъ — двинулся въ Екатеринодаръ. Пробовалъ пить — получалось скучно. Пробовалъ разговаривать — выходило еще скучнѣй. Онъ — Мамантовъ Тамбовскій, оказывался въ числѣ главныхъ виновниковъ... О, какъ онъ пушилъ свои усы, какъ онъ стучалъ своимъ мощнымъ кулакомъ. Напрасно. Молохъ гражданской войны пожравъ генерала, подбирался къ человѣку.

Въ порядкѣ эвакуаціи его покусали сыпно-тифозныя вши; въ порядкѣ эвакуаціи небрежно лечили, въ порядкѣ эвакуаціи поспѣшно, подчеркнуто скромно похоронили. Совѣтская сводка отмѣтила «смерть въ Екатеринодарѣ извѣстнаго бандита Мамантова», озябшій репортеръ кубанской газеты что-то нацарапалъ на обрывкѣ блокъ-нота, а одинъ изъ бывшихъ адьютантовъ, дородный румяный человѣкъ вечеромъ того-же дня сильно клюкнулъ и неестественнымъ театральнымъ голосомъ, голосомъ спившихся трагиковъ и осипшихъ суфлеровъ разсказывалъ двумъ земгусарамъ: «Господи, раздоле то какое! З ав-

густа вошли мы въ Тамбовскую губернію. И пошло, что твой автомобиль. Днемъ спимъ, гуляемъ, жремъ, а ночью идемъ по росистымъ полямъ. Скошенное сѣно пахнетъ невообразимо, лошади чавкаютъ, луна такая, что вынимай изъ сумы деньги и считай. Въ одну пачку николаевскія, въ другую керенки, въ третью нашего донскаго производства. Благодать, братцы. Генераль нашъ за полверсты ѿдетъ, а усющи видны... Царствіе ему небесное»!..

* * *

Судьба ломала, швыряла, мяла, опрокидывала всѣ планы и гнала все дальше, дальше и дальше. Въ Новороссійскѣ, прежде чѣмъ выпустить свои жертвы въ море, она приготовила для нихъ цѣлый лѣсь пытокъ. Сыпнякъ достигъ размѣровъ неслыханныхъ, люди изнемогали въ борьбѣ съ марсіанами, придумывали адскія мѣры, но сдѣлать ничего не могли. Спать пришлось въ поѣздахъ, на полу загаженныхыхъ теплушекъ, на столахъ кофеенъ, просто на улицѣ. И тогда ударили Крещенскій морозъ, завыль нордъ-остъ. Вѣтеръ не можетъ достигать такой силы!. Какая-то роковая Немезида срывала суда съ якорей, подымала на воздухъ будки съ часовыми и замораживала, убивала самой страшной смертью. По утрамъ

обитатели теплушки, выглядывая изъ подъ бурокъ, обнаруживали въ своей средѣ новый трупъ. Сыпныхъ уже перестали лѣчить. Зараженные составы отводились на далекій запасный путь и здѣсь ихъ обитатели или замерзали или умирали отъ жажды и голода. Ни одинъ врачъ, ни одинъ санитаръ не рѣшался переступить порога инфернальныхъ вагоновъ. Триста тысячъ человѣкъ, сбѣжавшихся въ этотъ несчастныи переполненный городъ, поняли, что они у послѣдней черты. И кончилось все. Врачъ зналъ, что надо не лечить другихъ, а самому ловчиться на пароходъ. Санитаръ зналъ, что красные на носу и они не погладятъ по головкѣ за заботы о бѣлыхъ — и онъ наскоро перекрашивался.

Военными овладѣвало бѣшенство конца. Власть бредила. На улицѣ хватали стариakovъ и требовали отъ нихъ рытья окоповъ, хотя послѣдній прaporъ понималъ, что нужны не окопы, а пароходы. Человѣку, желающему спастись и имѣющему возможность уѣхать, ставились непреодолимые препятствія. Въ его каюту врывались люди съ кровавыми глазами въ сорокаградусномъ жару, сували въ руки винтовку и гнали за городъ, хотя армія страдала именно отъ множества ненужныхъ неумѣлыхъ элементовъ и никакая мобилизациѣ

уже не могла спасти градъ обреченный— Новороссійскъ.

Отъ Деникина до контрѣ-развѣдки, отъ коменданта до его часовыхъ — властю руководилъ все тотъ же Великій Сыпнякъ. Однихъ онъ сваливалъ, другіе переносили его чары на ногахъ, но разумъ пересталъ дѣйствовать и у тѣхъ и у другихъ. Съ сѣвера шелъ Буденный, въ городѣ готовилось возстаніе, съ горъ двигались зеленые...

Мы умремъ, но пусть умрутъ и всѣ штатские — вотъ бредъ Новороссійска. На счастье штатскихъ еще существовали денежные знаки и за извѣстное количество пятитысячныхъ хозяинъ кабарэ «Нордъ-Ость» давалъ и музыку (Сильва, Сильва...) и заграничный паспортъ и ночлегъ и гарантію на случай облавы. И ужъ конечно для спасенія Новороссійскихъ жертвъ онъ сдѣлалъ гораздо больше Деникина съ его окопными работами и сэра Макиндера съ его эвакуацией только для женщинъ и дѣтей (т. е. для тѣхъ, кому большевики наименѣе страшны). У южнорусского Содома оказался свой праведникъ.

* * *

Сперва похоронили Пуришкевича, потомъ князя Евгенія Трубецкого. Такова была иронія Немезиды. Въ апогей нордъ-

оста исхудалая, съ ногъ валящаяся лошаденка отвезла на кладбище два некрашеныхъ забитыхъ гроба. Въ день Пуришкевича еще можно было идти противъ вѣтра, не рискуя быть унесеннымъ. Въ день Трубецкого по мостовымъ скрежетали сорванныя вывѣски, громадный итальянскій пароходъ снесло съ якорей и кучка людей, провожавшая князя, шаталась, какъ пьяная, задыхалась, какъ въ астмѣ.

Три года назадъ, въ снѣжную ночь на хорошемъ автомобилѣ Пуришкевичъ отвозилъ трупъ Распутина на острова. Три года назадъ въ строгомъ залѣ Маріинскаго дворца Трубецкой держалъ свою знаменитую рѣчь о темныхъ силахъ, Протопоповѣ, Штурмерѣ и т.д. «Это не люди, это тѣни».

Пуришкевичъ до послѣдняго дня остался тѣмъ же бессарабскимъ депутатомъ, кото-
раго нѣкогда Головинъ удалялъ на 15 засѣ-
даній. Суетился, сновалъ изъ Одессы въ
Ростовъ, изъ Ростова въ Кисловодскъ, изъ
Кисловодска въ Новороссійскъ. Вездѣ хо-
тѣлъ создать какую-то новую националь-
ную партію въ духѣ вульгаризованнаго Ак-
сакова, а главное обличалъ, бранилъ, гро-
зилъ. Въ Одессѣ обличалъ союзниковъ—
высылалъ д'Ансельмъ, въ Ростовѣ обли-
чалъ и союзниковъ и казаковъ — высы-
палъ донской атаманъ; въ Кисловодскѣ за-

таившій дыханіе титулованной аудиторії разъяснялъ, что начальникъ французского штаба въ Одессѣ Fridenberger есть никто иной, какъ кременчугскій еврей Фриденбергеръ, другъ Троцкаго и т.п. и т.п. Слѣдовали бѣшеные аплодисменты и предупрежденіе со стороны Терскаго главноначальствующаго.

Лысый демонъ безтактности, осунувшійся, желчный, страдающій маніей преслѣдованія, онъ хотѣлъ страстно любить Россію, но пока что изошелъ ненавистью къ тѣмъ, кто по его мнѣнію являлся врагомъ Россіи. Годы волненій, крѣпость и революціонный трибуналъ замѣтно сокрушили неугомоннаго человѣка: въ немъ уже была трещина, незаполнимая никакой ироніей. Поблекли рѣчи, подешевѣли сарказмы, не удавались экспромты. Дѣловая работа? На ея мѣстѣ воцарилась безпредметная суетня: деклассированная сбродная армія была глубоко враждебна душѣ корневого человѣка старого режима. Можно любить того, кто ненавидитъ тебя, но нельзя любить того, кого самъ ненавидишь. Онъ бы не смогъ вступить въ Москву Деникина...

Въ деревянномъ некрашенномъ гробу лежала лишь оболочка Пуришкевича, душа его умерла уже очень давно — 27 февраля

1917 г. Петербургскій нордъ-остъ преду-
предилъ своего новороссійскаго собрата.

...Пробѣженствовавъ три года, у грани обѣтованной земли, лицомъ къ солнцу за-
пада, падавшему въ море, среди паниче-
ской бредящей толпы умеръ князь Евгений
Николаевичъ, Трубецкой. Отъ сыпняка въ
Новороссійскѣ: хрестоматической конецъ
человѣка той развалившейся Россіи. .

Три года бѣжать и терять въ каждомъ
городѣ пріобрѣтенное двухстолѣтней куль-
турой предковъ, длинной великолѣпной
жизнью!..

Трубецкой пережилъ все, во что уходилъ
корнями, изъ чего росъ къ разуму, который
такъ и не возсіялъ ни для него, ни для его
друзей. Пережилъ Московскій университетъ.
Помнилъ тихую зарю Буслаева, раз-
дѣлилъ рабочую страду Соловьева, Клю-
чевскаго, брата Сергѣя, Стороженко и уви-
дѣлъ... обязательные курсы начетчика
Скворцова, прожектора Ларина. Какъ онъ
завидовалъ друзьямъ его радостной юно-
сти... Максимъ Ковалевскій, не увидѣвшій
лица Медузы, щедрый Петроній, влюблен-
ный въ жизнь, за часъ до смерти перечиты-
вающій Лермонтовскаго ангела: «Ахъ, еще
бы этихъ скучныхъ пѣсенъ земли»...

Коршъ, ушедший подъ громъ первыхъ
побѣдныхъ Карпатъ, въ багряномъ свѣтѣ

могущества Россіи, въ апофеозѣ собственой славы.

Братъ Сергѣй, чье сердце остановилось на порогѣ эпохи, въ которую онъ вѣрилъ, какъ въ золотой вѣкъ русской культуры..., какъ въ полное осуществленіе великаго Логоса. А Евгений — онъ пережилъ даже самую возможность національного возрожденія, національной культуры: Россія проводила его некрашеный гробъ Востокомъ именно Ксеркса, а не Христа. Послѣ религіозно-философскаго общества, послѣ «Русскихъ Вѣдомостей», послѣ «трудной Господней работы» — завѣта Вл. Соловьева — кончилось все, однимъ ударомъ. Редакціи, общества, судебные уставы, земства, университетскіе семинары, научная работа.

Ему было за шестьдесятъ; грузный русскій баринъ, совмѣстившій въ своей фігурѣ неповоротливую мощь родной земли и тревожные надрываы западныхъ всходовъ — Трубецкой почувствовалъ себя въ кромѣшной тьмѣ. Солнце разума скрывалось отъ него за мохнатыми спинами, въ ледяной пустынѣ снова зачадили лучины и онъ пересталъ вѣрить въ землю обѣтованную... Ибо не было больше краеугольного камня его міросозерцанія — вѣры въ русскій народъ. Когда рухнулъ этотъ камень, все обратилось въ кучу мусора. Сорокъ лѣтъ под-

рядъ Трубецкой убѣждалъ, писалъ, проповѣдывалъ, доказывалъ: существуетъ правда русскаго народа, выстраданная, объективнообоснованная, заслуженная, самая высшая правда въ мірѣ. «Любовь моя къ народу — отвѣтилъ онъ однажды П. Б. Струве — не темный подсознательный эросъ, не бѣзпричинное влеченіе. Я поклоняюсь не народу, а той правдѣ, что за нимъ»...

Отвѣтилъ такъ уже *наканунѣ*, въ 1916 году, въ «Русской Мысли», редактируемой Струве; а въ 1920, за двѣ недѣли до смерти, въ газетѣ «Великая Россія», редактируемой тѣмъ-же Струве, страшнымъ воплемъ въ сердце раненаго богатыря Трубецкой заревѣлъ: «Неужели Вы думаете, что эту сволочь можно унять аграрной реформой»...

... Въ оборванной медвѣжьей шубѣ московскаго охотника, съ длинными рукавами, волочившимися по тротуару, съ мутными, никого не видящими глазами, проходилъ онъ свои послѣдніе дни. На Серебряковской улицѣ бушевали облавы, нордъ ость заглушалъ тревожныя сирены, съ горъ доносилась пальба: наступали зеленые... Красные, зеленые, бѣлые... Трубецкой умеръ отъ того, чѣмъ мы пытались жить. Правда, раздѣлившаяся на цвѣта, перестала быть правдой.

Огненная Русь потухла отъ дыханія смертоносныхъ марсіанъ. Оставалось бредить — но бредить онъ не захотѣлъ...

Въ некрашенномъ гробу на Новороссійское кладбище отвезли послѣднюю Москву... По прежнему завывалъ нордъ-остъ и провожалъ уходившіе въ море корабли своей страшной пѣснью эвакуаціи. О томъ, что еще много бѣсноватыхъ жертвъ осталось на проклятомъ берегу. О томъ, что Его Величество Сыпнякъ для сбора тучныхъ урожаевъ посыаетъ новыя полчища своихъ быстроногихъ жнецовъ.

О томъ, что не скоро кончится бредъ занемогшей оскорблennой земли...

По Серебряковской проходили хромые подростки въ мохнатыхъ пальто; въ при мерзшія къ посинѣвшимъ губамъ, изломанныя трубы они дули изо всѣхъ силъ: «Похоронный маршъ? «Сильва»? «Коль славень»? Кто знаетъ? Кто возьмется угадать?...

ПО ВОСКРЕСЕНИЯМЪ.

Я выдумалъ ее и все-жъ она видѣнья,

*Я не люблю ее и мнъ она близка,
Недоумѣлая, мое недоумѣнье,
Всегда веселая, она—моя тоска...*

Ин. Анненскій.

I.

По воскресеньямъ — и такъ тянулось всѣ годы, годы баснословные, годы революціонные, годы эмиграціонные — приходила мигрень. Дама, не прощающая, дама жестокостью и презрѣніемъ заражающая. Исполинскимъ молотомъ ударяла по головѣ, надоѣдливymi маленькими молоточками долбила по вискамъ, смѣялась, перемигивалась, перешептывалась. Рыжее, не нужное солнце залѣзло въ окна — и улица плыла тысячью свиныхъ рѣлъ. Хулиганчики въ полосатыхъ кепочкахъ щелкали подсолнухи, пунцовыe платочки мечтали о «галапетеровскомъ щеколадѣ», трамваи звенѣли до глубокой ночи, уговаривая пить Уродональ — «продажа повсемѣстно». Синѣли Чичкинъ и Бландовъ, у Шустовскаго коньяка были свои особые счеты съ живописью, городовые степенно оглядывали вычищенные сапоги, уговаривали не выражаться матерными словами...

И тикъ и такъ, и тикъ и такъ... „Неметеные комнаты, заспанныя лица“... (В. Роза нозъ).

... Потомъ пришли милиционеры, потомъ нагрянули красногвардейцы. И уже нигдѣ не продавали Уродонала, вмѣсто Шустовскаго коньяка пили ханжу, политуру, кишмишовку. «адеколонть», самогонку, керосинъ... Замолчали трамваи и затякали пулеметы. Не грызли подсолнуховъ и воплотилась мечта о «щеколадѣ»... Но по прежнему, грозная, не прощающая, помнящая день воскресный, безъ пропусковъ, безъ трудовыхъ книжекъ, безъ отношенія къ отбыванію воинской повинности — заявлялась мигрень. По прежнему были «неметеные комнаты, заспанныя лица»...

Въ январьскія добровольческія воскресенья, когда замерзала вода въ умывальникѣ и замерзали чины облавъ, хотѣлось мечтать. О всемъ, ни о чёмъ. Поѣхать? Бѣжать? Спасать душу? Плюнуть — и на край свѣта безъ оглядки. Потому что въ этотъ же часъ, въ этотъ же ледяной воскресный вѣтеръ, по Норвежскимъ фіордамъ скользили льняныя голубоглазыя фрекенъ, а на островѣ Мальтѣ нѣжились потерявши національность лаццарони. Мальту ласкалъ иной, африканскій вѣтеръ. Не плохо и въ Африку. О Бизертѣ еще не знали..

... Вы тотъ посыльный въ новый годъ,
Что орхидеи намъ несетъ,
Дыша въ башлыкъ обледенѣлый...

Орхидеи не орхидеи, но визу на Италію
очень бы не плохо.

II.

«Путешествіе — школа скептицизма». Да ужъ къ чему-чemu, а къ этому зелью привыкли. Четыре года, девять эвакуацій, всѣ страны Востока, вся жизнь побѣдоноснаго Запада, вся надрывная пляска побѣженной «Mitropa» — и отъ визъ, гудковъ пароходныхъ, свистковъ поѣздныхъ, вѣжливыхъ полицейскихъ, грубыхъ жандармовъ, вылощенныхъ вестибюлей, рыхлыхъ примадоннъ осталось воспоминаніе... О томъ, что въ воскресный мигреневый день въ Портъ-Сайдѣ за пять египетскихъ піастровъ осپой изрытый арабъ показывалъ зловонный ишачій публичный домъ. Круглоглазые ишаки лѣниво отмахивались отъ оводовъ, новые и новые посѣтители за пять піастровъ, сохраняя супружескую вѣрность, получали все возможное удовольствіе и гидъ, приторно-сладкій, нагловѣдливый арабскій гидъ чрезвычайно рекомендовалъ застѣнчивымъ европейцамъ отвѣдать туземныхъ странностей любви...

L'homme, tyranne goulu, dur et cupide
l'esclave de l'esclave . . .

... А въ Константинополѣ каждымъ воскреснымъ утромъ приходили гости — калмыки. Люди изумительной женственной улыбки, наѣздники съ умопомрачительными кривыми ногами. Приходили и приносили гостинцы: гдѣ-то въ Скутари, въ армянской лавочонкѣ откопали свой родной несравненный плиточный чай. Побольше кипятку, подбрось двѣ-три плитки, соли не нужно, сахаръ — профанація, вооружайся деревянной ложкой, что турки спеціально для слова соорудили и... хлебай. Жирно, тошно, убийственно... Но калмыки блаженствуютъ. Того и гляди обидишь. Надо хлебать. Калмыкъ, что помоложе — съ университетскимъ значкомъ, съ благоговѣйной памятью о министерствахъ внутреннихъ дѣлъ, гдѣ онъ былъ чиновникомъ особыхъ порученій — каждое воскресенье рассказывалъ свою несложную исторію. Женился на русской измѣнила, надо бы убить, да жалко. Хотѣль ее съ собой за-границу взять. Самъ поѣхалъ впередъ, ей ковры и брильянты оставилъ, условились встрѣтиться въ Стамбулѣ. Три мѣсяца прошло, ни слуха, ни духа. Ко всѣмъ пароходамъ подѣзжаетъ, спрашиваетъ, не прїехала ли «мадамъ рюсь санъ мари»... Отвѣчаютъ, что много де у

насъ «мадамъ рюсь», и всѣ почти «санъ мари», но вашей случайно нѣть...

«Какъ думаете, подѣдеть еще?»

Давлюсь чаемъ, ложкой сгоняю ненавистный жиръ и твердо отвѣчаю: «Не сомнѣвайтесь, Талджи, обязательно пріѣдетъ... Помните вчера рекламу о новыхъ Арисовскихъ духахъ видѣли — *un jour viendra*. Такъ и все въ жизни. День придетъ. Жена пріѣдетъ, вернетесь вмѣстѣ съ ней къ себѣ, въ Астраханскія степи. Чиновничье дѣло бросьте. Лучше кобыль разводите. Прикачу къ Вамъ въ гости, поставите кумысу. Смотришь, и загуляли»...

Талджи оживляется, долго роется въ карманѣ, находитъ двухъ съ половиной лировку и предлагаетъ щѣхать на футбольный матчъ въ Кадикей. На улицахъ Галаты не то что живой души, ни одного мѣнялы. Изнемогаетъ греческая природа, набирается силъ, чтобы завтра перекричать всю понедѣльничную биржу... «Драхма, драхма, драхма... Франки, франки, франки».

На пароходѣ жарища. Въ прежніе годы спасались подъ тентомъ, но за войну выздоравливающіе раненые посдирали тенты, не-то на штаны, не то просто на базарь снесли. У капитанскаго мостика подъ папусиновыми зонтиками млѣютъ четырехъ угольные подбородки. Но туда не подой-

дешь. Тамъ надпись: Only for the allies officers. Талджи пробуетъ обидѣться и заявить, что и онъ въ войну въ дикой дивизіи офицеромъ служилъ и даже собственноручно Николаю Николаевичу поднесъ миллионъ золотыхъ рублей, собранныхъ въ ихнемъ улусѣ. Неужто-жъ за миллионъ нельзя подъ парусиновый зонтикъ спрятаться. Отъ правды и добродѣтельности Талджи, а еще больше отъ национального угощенія у меня изжога. И вотъ — вотъ начнется. Если греческій гарсонъ въ бѣломъ передникѣ еще разъ сунетъ въ проходъ свою рыжую щетину, просвѣченную солнцемъ Босфора — наступить конецъ. Молотомъ звякнетъ по головѣ, молоточками застучить въ вискахъ. Талджи уже успѣлъ познакомиться съ высоченнымъ дѣтиной въ батистовой пижамѣ. Оказывается, бывшій офицеръ, кирасиръ и все пр., находился на американскомъ иждивеніи на островѣ Проти, получилъ шесть одѣялъ тяжелыхъ и шесть легкихъ, три пиджамы фланелевыхъ и три батистовыхъ, но заскучалъ отъ тамошняго стола. Мясо — консервы, сливки — консервы, хлѣбъ тоже дьявольскій вродѣ консервовъ. Драпнулъ въ Стамбуль, продалъ всѣ двѣнадцать одѣялъ, изъ пижамъ оставилъ одну и пошелъ въ грузчики. Работа тяжелая, но къ вечеру лира двад-

цать піастровъ на бочкѣ, а въ саду
пти шанъ рулетка вертится. Угадаль цвѣть—
значить на конѣ... И тикъ-такъ, тикъ и
такъ. Скулы у Талджи расплываются, бѣ-
лый его пиджакъ почернѣлъ отъ копоти,
онъ снова пробуетъ завязать разговоръ о
женѣ и освѣдомиться о мнѣніи американ-
скаго пенсіонера... Но капитанъ свирѣпо
оретъ въ рупоръ, гречанки зажимаютъ уши
и пароходъ стукается о Кадикейскій моль...

... Въ Nogent sur Marne, гдѣ въ году 1721
умеръ Ватто и гдѣ въ году 1921 все черно отъ
 заводскихъ трубъ, на дачу, покосившуюся,
 немытую, неметеную — пришло письмо съ
 Константинопольскимъ штемпелемъ. Ши-
 карнымъ размашистымъ почеркомъ, какой
 только въ министерствахъ постигали въ
 совершенствѣ, писалъ Талджи о своей ве-
 ликой радости. Не даромъ онъ ъздилъ на
 футбольные матчи. Въ прошлое воскресе-
 нье, въ Кадикейскомъ ресторанѣ встрѣтилъ
 Талджи свою жену. Она, оказывается,
 никакъ не могла его отыскать и тосковала
 страшно. Ковры и брилліанты прожила и
 если-бы не великодушный господинъ Хри-
 зофіадисъ, умерла бы съ голода. Талджи
 цѣловалъ ее, жалъ руку Хризофіадису,
 а теперь просить меня выхлопотать для
 найденной жены визу въ Парижъ. Послѣд-
 ній сохранившійся у Талджи солитеръ

можно продать по настоящей цѣнѣ только на Rue de la paix (господинъ Хризофіадисъ обѣщалъ даже записку дать). Самъ Талджи въ этихъ дѣлахъ ничего не понимаетъ, а посему хочетъ отправить жену въ Парижъ. Продастъ солитеръ, вернется и заживутъ они въ Скутари. Уже и домикъ съ кактусомъ облюбовали. Жена страшно любить кирпичный чай и прѣкрасно его приготавляетъ... То-то радость будетъ!...

III.

...Женщина, о которой хочется вспомнить только изъ-за ея запаха. Герлэновскій „*Quand vient l'été*“... Сладкій запахъ нераскаявшихся грѣшницъ, Магдалинъ, съ презрѣniемъ отвернувшихся отъ Христа...

Съ ней мы продѣлали Англію. На пароходѣ межъ Діеппомъ и Ньюхавеномъ одинъ молодой врунъ посовѣтовалъ: «Поѣзжайте посмотрѣть Уайтчепль. Страшно интересно. Китайцы, какъ въ боксерскомъ Пекинѣ. Еbreи, какъ въ библейскомъ Йерусалимѣ. Только, когда поѣдете, берите въ каждый карманъ по револьверу, пальцы на гашеткахъ... Дайте полисмену на чай десять шиллинговъ и берите его съ собой въ такси. Иначе не завидую»...

Она долго взбивала маисовые волосы, бѣшено подводила глаза, отрывала пуговицы у

tailleur'а... Это у нея называлось: «Имѣть видъ апашки»... Потомъ не найдя револьверовъ и держа пальцы на бумажникѣ, изысканно, на нашемъ блестящемъ волапюкѣ я объяснялъ полисмену смыслъ нашей просьбы и возможность заработать десять шиллинговъ... Полисменъ внимательно слушалъ, потомъ снялъ каску, вытеръ испарину, ухмыльнулся, махнулъ рукой и ушелъ въ переулокъ. «Полисмены съ ними въ стачкѣ», — сказала «апашка». «Тогда можетъ вернемся, а»? «Нѣтъ, ни за что. Я не трусила. Мой отецъ — георгіевскій кавалеръ и я сама.» Тра-та-та и тра-та-та...

Болѣе идіотскаго воскресеняя не было во всей исторіи христіанскаго календаря. Китайцы зазывали въ харчевни, евреи продавали открытки. Изъ переулковъ выбѣгали нищіе и протягивали руки. Содержимое бумажника таяло. Никакихъ боксеровъ, никакой Библіи. Поѣхали домой пришивать пуговицы къ ея *tailleur*'у и пополнять содержимое моего бумажника.

...Потомъ наступила очередь Оксфорда. Здѣсь мудрость вѣковъ перешла къ деревьямъ, здѣсь тупость деревцевъ перекочевала въ студентовъ. Я сидѣлъ, положивъ ноги на решетку камина, радовался молчаливости десятка джентльменовъ, грѣвшихся

справа и слѣва. Думаль о томъ, какъ ужасна была жизнь Вальтера Патера. Съ музыкой Италіи въ душѣ, съ мечтой о Пикѣ Мирандолійскомъ, герцогѣ Розенмольдскомъ, Себастьянѣ Вань-Сторкѣ — пятьдесятъ пять лѣтъ прожить здѣсь, среди джентльменовъ, играющихъ въ футболъ и мчащихся на гичкахъ — какое высокое назиданіе въ его концѣ. Сердце не выдержало и разорвалось. Въ узенькомъ бокалѣ по прежнему сохнуть лепестки священныхъ розъ, напоминавшихъ ему иныя, цвѣтущія заросли...

...Она ворвась, переполошила грѣвшіхся джентльменовъ, наполнила холль Герлэновскимъ запахомъ и, блѣдная, злая, сжавъ накрашенныя губы, объявила, что твердо рѣшила застрѣлиться и уже нашла браунингъ...

„Какъ-же вы рѣшили, здѣсь въ Оксфордѣ или до Лондона отложите?“ «Нѣть, здѣсь, здѣсь, на зло всѣмъ этимъ идіотскимъ ростбифамъ»... «Гмъ, а вы знаете, что браунингъ часто даетъ осѣчку»... «Тогда я утоплюсь!» «Ничего не выйдетъ. Студенты вытащатъ. Имъ реклама, вамъ позоръ». «Тогда я ѻду сегодня въ Парижъ и по дорогѣ брошусь въ Ламаншъ»... «Счастливаго пути»...

Она не застрѣлилась, не повѣсились, не бросилась въ воду. Одинъ несчастный человѣкъ, встрѣтившій ее на пароходѣ, третій мѣсяцъ уже сидитъ съ ней рядомъ въ Монте-Карло и слушаетъ, какъ слуги князя Монакскаго констатируютъ уменьшеніе его состоянія. Этотъ человѣкъ, конечно, не спасется отъ браунинга. Передъ тѣмъ, какъ надавить гашетку, онъ вспомнить «Quand vient l'été» и, кто знаетъ, быть можетъ не пожалѣть. Орелъ или орѣшка?

IV.

И еще одно воскресеніе. Въ Парижѣ — на Рѣг-Лахайз. Тянетъ какъ то все на кладбище: негру — дансингъ, русскому — могилки. Надписи почитаешь, звучности гальской рѣчи порадуешься, величавой простотѣ гражданскихъ похоронъ подивишься. Ни поповъ, ни свѣчей, ни «грамофона» — повсевременного пѣнія. Подъѣхали къ могилѣ, быстро-быстро на канатахъ опустили гробъ на дно, швырнули по цвѣтку, нахлобучили шапки и — здравствуй жизнь! Лучше быть живой собакой, чѣмъ мертвымъ львомъ....

У августа есть хмурыя улыбки. Вечоръ еще багровые шофферы, выпячивая кроличьи глаза, глотали ведра льда, а сегодня засплетничалъ, зашмыгалъ пронизывающій вѣтерокъ и старушкамъ монахинямъ раз-

строилъ на диво накрахмаленныя наколки. Придерживая котелки, вприпрыжку несемся по аллеямъ и посмѣиваемся надъ прочитаннымъ объявленіемъ. Не дешевая это штука — на Рѣре Lachaise отдыхать; администрація кладбища извѣщаетъ, что существуютъ слѣдующіе типы контрактовъ: на пять лѣтъ, на десять, на двадцать и на тридцать. Кто побѣднѣй, тотъ арендуетъ мѣсто лишь на пять лѣтъ, за это время старается успѣть сгнить и, когда пятый годъ кончается, всякую шелуху, что остается, вырываютъ, сжигаютъ и мѣсто приготавливаютъ для новаго кліента. Кто побогаче — тому лестно подольше держаться и подольше мучить родственниковъ въ смыслѣ принесенія цвѣтовъ, подновленія помятника, поминальныхъ вѣнковъ и т. п. Тридцатилѣтній контрактъ — самый длинный контрактъ; дальше уже большущія деньги, ибо на вѣчность Рѣре-Lachaise принимаетъ лишь кліентовъ, обладающихъ собственными фамильными склепами. Купить мѣсто для склепа и выстроить самый склепъ... Такая уйма денегъ, что на нихъ на океанѣ хорошую дачку можно сторговать.

«Ну, хорошо — спрашиваетъ мой любознательный пріятель выцвѣтшаго величаваго сторожа — а если совсѣмъ бѣдный человѣкъ умираетъ, какъ же съ нимъ по-

ступаютъ»... «Бѣднымъ не мѣсто на Рѣг-
Lachaise — съ достоинствомъ ствѣчаетъ
старикъ — имъ и на Batignolles не плохо,
это разъ, а потомъ бѣднаго хоронятъ за
общественный счетъ, на полъ года, на годъ,
это два»... «И поспѣваетъ онъ за полгода»?
«Еще какъ»...

Добрались наконецъ и до самаго интереснаго мѣста, подошли къ крематорію. Прекрасное строгое зданіе, величественная простота главнаго зала, Бетховенскій похоронный маршъ, два сторожа съ деревянной точностью маріонетокъ, по командинѣ: „un, deux, trois“, загоняющіе гробъ въ печь, жадныя до зрелищъ, тонконогія мидинетки, выпрашивающія «совсѣмъ маленькую косточку на память», — и мой пріятель, подъ шумокъ просовывающій пятифранковикъ сторожу за то, чтобы насъ пустили въ заднюю комнату, гдѣ работаетъ адская печь и гдѣ сквозь оконцо изъ слюды видно, какъ распадаются покровы, какъ сквозь горящіе лохмотья человѣческаго мяса сѣрѣютъ и накаляются кости. Сторожъ кромѣ того клянется, что если у monsieur хорошее зрѣніе, онъ можетъ замѣтить моментъ, когда у того другого, бывшаго monsieur, отъ жара лопаются глаза... За жуткость своей фантазіи сторожъ получаетъ еще два франка и мы выбираемся

изъ печной комнаты въ длинную галлерею, въ стѣнахъ которой замурованы урны съ пепломъ. Надъ каждой урной дощечка съ фамиліей сожженнаго. И вотъ тутъ-то французы поскользнулись. Идея крематорія, гордая, исполненная силы и презрѣнія, требуетъ исключительной простоты, однообразія, отсутствія цвѣтовъ, красокъ, завитушекъ. На Реге-Лахaise этого не поняли — и въ галлереѣ парижского крематорія оскорбительно мѣщанство искусственныхъ цвѣтовъ, базарныхъ лентъ, театральныхъ вѣнковъ. Выдержаннѣе всѣхъ урна нашего русскаго — Старосельскаго, бывшаго кутаисскаго губернатора и бывшаго эмигранта. Дощечка, имя, фамилія... Ужаснѣе всѣхъ урны какого-то голландца и молодой артистки изъ обозрѣнія на Boulevard des Capucines. Голландецъ привѣсиль къ урнѣ свою торговую вывѣску: экспортъ, импортъ манильскихъ сигаръ и т. д. А на дощечкѣ артистки, умершей 27 лѣтъ, красуется ея портретъ: насмѣшливая элегантная женщина — съ хищнымъ носомъ, съ обнаженными плечами и грудью — играеть вѣромъ изъ страусовыхъ перьевъ... Впрочемъ, на мидинетокъ урна артистки производить наибольшее впечатлѣніе; щебечущая компанія останавливается и единодушно восхищенно вздыхаетъ: «Mais elle

était charmante... Моментъ для знакомства слишкомъ благопріятенъ — и изъ крематорія мы выходимъ веселой companіей съ большой рѣшимостью и великими планами... И тики-такъ, и тики-такъ...

V.

У Розанова: «Василій Васильевичъ, отчего вѣи не любите Христа»? „Потому что я люблю простыхъ и добрыхъ, а Христосъ не простой и не добрый!“...

У Эпікура: «Или Богъ хочетъ помѣшать злу и спасти людей, но не можетъ этого сдѣлать; или онъ можетъ, но не хочетъ; или, наконецъ, онъ и можетъ и хочетъ. Если онъ хочетъ, но не можетъ — онъ безсиленъ;... если онъ можетъ, но не хочетъ — онъ пороченъ; если онъ не можетъ и не хочетъ — онъ и безсиленъ и пороченъ; а если онъ и можетъ и хочетъ и все же ничего не дѣлаетъ — чего-же онъ ждетъ»?!

...И тикъ и такъ, и тикъ и такъ...

К Э Т Ъ.

Она давно прошла... и нѣтъ уже тѣхъ
глазъ
И нѣтъ улыбки той, что, молча, пере-
дали
Страданье—тѣнь любви и мысли — тѣнь
печали,
Но красоту ея Боровиковскій спасъ!..

Полонскій.

I.

Когда профессору Федору Ивановичу Буслаеву исполнилось пятьдесят шесть лѣтъ, ему снова довелось—въ году 1874—посѣтить городъ Римъ. Здѣсь тридцать три года назадъ, молодымъ гувернеромъ семейства Строганова онъ блуждалъ по притаившимся площадямъ и мечталъ о Россіи, о русскомъ искусствѣ, о молодой распустящей Москвѣ... На всю жизнь запомнилъ старикъ Строгановъ молодого мечтательнаго юношу, склоненнаго надъ книгой Винкельмана въ феерическихъ лучахъaprѣльскаго итальянского солнца...

Я въ Римѣ родился и онъ ко мнѣ вернулся. . .

Черезъ три года вернулся Римъ къ Буслаеву, Буслаевъ въ Римъ. И по тѣмъ же площадямъ, опираясь на палочку, проходилъ — разочарованный, скорбный; ни всероссійская слава, ни всемосковскій почетъ не осуществили мечтаній гувернера Строгановыхъ.

Въ періодъ этого послѣдняго паломничества къ истокамъ міровой души Буслаевъ много пишеть въ Москву и по большей части вспоминаетъ. Ему кажется, что жизнь его прошла «полоской сѣрой бумаги», ему хочется все начать съзнова. И предъ нимъ чаще и чаще, въ тишинѣ музеевъ и въ грохотѣ карнавала встаетъ образъ женщины. Онъ такъ и не посмѣль, даже теперь признаться въ своей любви. Юношеская застѣнчивость, старческая стыдливость. Но... «ни у кого въ Москвѣ не было такой тонкой талии, такого легкаго дыханія, такой изумительной ножки»....

Кто-жъ она? Свѣтъ ее зналъ, какъ баронессу Катерину Васильевну Боде.... Для Буслаева и теперь — въ году 1874 — она по прежнему «Кетти Боде». Москва тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ знала достаточно красавицъ: „и блескъ Алябьевой и прелесть Гончаровой“. Но ни одна изъ нихъ въ обращенныхъ къ прошлому глазахъ пятидесятишестилѣтняго профессора не выдерживаетъ сравненія съ *Ней*. Кетти Боде!..

Мы увидѣли жизнь въ иные времена. Намъ не посчастливилось узрѣть Кетти Боде, прикоснуться къ баснословному быту. Но когда позапрошлой весной, вырвавшись

изъ чада, безумія, бреда, я воскресъ въ Солнечномъ Римѣ — я вспомнилъ Буслаева, его мечту — Кетти Боде, и другую «Кетти», нашу, мою современницу. 80 лѣтъ прошли не даромъ: время просыпается. Но, если «страданье — тѣнь любви» имѣеть свою преемственность, по своему связываетъ и сближаетъ поколѣнья — рассказъ о моей, о нашей Кетти сумѣеть найти тропинку къ снисхожденію.

* * *

...Кетти было двадцать два. Легкость въ походкѣ, въ дыханіи, въ жестахъ. Лицо матовой смуглости, невѣрные вспыхивающіе глаза, горячая удлиненная рука, а въ смѣхѣ горловомъ и фальшивомъ, шуткахъ безпрерывныхъ, надломанныхъ, высокомъ подъемѣ сухихъ породистыхъ ногъ—все та-же мысль о пряномъ неудовлетворяющемъ танцѣ. Словно невѣдомую дочь Иродіады одѣли въ *tailleur*, перекинули черезъ плечо кашнѣ, дали въ руки широкую трость и пустили по улицамъ, гдѣ вереницей щали гроба, гдѣ не смолкалъ похоронный маршъ, — бросили въ грязные, заплеванные рестораны, гдѣ рокъ уже прозвучалъ въ трагическомъ весельи разбитыхъ трюмо. Ея мужъ, присяжный повѣренный, сынъ миллионера, былъ однимъ изъ немногихъ

интеллигентовъ на Югъ Россіи, пошедшій не въ «оборонцы», не въ земсоюзъ, а въ настоящій, не выдуманный полкъ, въ бой, въ мытарства. Заѣденный вшами, голодный, обезумѣвшій, онъ бралъ Харьковъ, Курскъ, Орелъ, получилъ двѣ контузіи, солдатскій крестъ и непобѣдимое отвращеніе къ прежней сладостной мечтѣ о забвеніи въ подвигѣ.

За девять мѣсяцевъ брака, за годъ боевой разлуки семейное счастіе ихъ не расцвѣло.

Было жалко мужа, было страшно за его жизнь; но нигдѣ, никогда, ни за что нельзя было забыть ту мерзкую ночь, когда два года назадъ, въ паникѣ бомбардируемаго города, въ бдѣніи общаго смятенаго ужаса, онъ взялъ ее, трепещущую, взялъ силой, ошеломленіемъ на площадкѣ черной лѣстницы, гдѣ оба несли «дежурство». Попрежнему, какъ и тогда, завывала, била, вихремъ подхватывала неумолимая судьба. Уносилась обычная жизнь, рушились поддерживающія ее пружины, становились понятны, близки, оправданы — разстрѣлы, разгромы, распоротые животы, выколотые глаза. Но того, но того простить нельзя. Пришедшая любовь къ мужу не побѣждала ненависти къ насильнику.

И среди теперешняго ознона души она кончила нерадостнымъ подспорьемъ. Каза-

лось, одно вино могло заполнить свистящія пустоты жизни. Облака табачнаго дыма душили трупный проклятый смрадъ, который изъ сотенъ прогнившихъ лазаретовъ, наполненныхъ зловонными обрубками, ползъ по всему оцѣпенѣвшему городу. Въ кавалерійскихъ остротахъ случайныхъ событыльниковъ не было надрыва. Они приходили, одинъ за другимъ, въ разстегнутыхъ фрэнчахъ, багровые, со свѣжимъ убійствомъ въ бѣгающихъ глазахъ; сегодняшній приносилъ вѣсть о смерти вчерашняго. Красные, большеглазые Румыны играли все тотъ-же неизбывный гимнъ эвакуаціи — Сильву. И хлопали пробки. Très sec, très sec, très sec. И въ цыганской мазуркѣ усатые люди въ папахахъ разряжали обоймы «Парабелей». Становилось по - пьяному ясно, головокружительно цѣльно. А отъ одной понюшки бѣлаго порошка міръ перекрашивался, свѣтлѣлъ, благоухалъ, будто въ пропитанной потомъ ресторанный сквернѣ зажгли солнце тихой мудрости. Хотѣлось молиться крѣпкому властителю звѣздъ: избави нась отъ сѣраго дня, спаси нась отъ рыжаго полудня, военныхъ сводокъ, новыхъ страховъ, новыхъ гробовъ... И забыть молитву, которой училъ рыхлый, породистый земгусаръ Валуевъ: Боже, избаги меня отъ мобилизаціи, рек-

визиції, ареста, доноса, эвакуаці... Можно и такъ. Лишь бы молчала трагедія трезвости.

Сильва, ты меня не любишь...

* * *

Дотрескивалъ нелѣпый вонючій фейерверкъ. Сырыя ракеты безсильно шипѣли въ клумбахъ, вяло попрыгивали шутихи, бенгалльскій огонь обрывался пыхтя, словно кто-то поплевалъ въ его синеватое пламя.

Праздникъ Корниловского полка, длившійся въ этомъ пыльномъ выжженномъ саду съ вчерашняго полудня, уже заканчивался.

Дроздовцы съ черными орлами на золотыхъ погонахъ, бѣло - черные Марковцы, красно-черные Корниловцы, волчьи папахи Кубанцевъ, чеченскія шапочки терцевъ — всѣхъ одолѣлъ хмѣль. И подъ рѣдкими чахлыми деревьями, межъ пустыхъ бутылокъ и огрызковъ хлѣба, вповалку лежали они въ самыхъ разнообразныхъ позахъ.

На аллеяхъ была пустота, въ кіоскахъ потухли лампіоны и только на верандѣ за грудой разбитой посуды, надъ лужей пролитаго кахетинскаго, компанія Кетти досиживала положенное время...

Языкъ редактора — вѣчно пьяного верзилы — уже не вязаль похабныхъ анек-

дотовъ, голубоглазый чистенький поручикъ заснулъ на полу-словѣ, такъ и не окончивъ разсказъ о какомъ то повѣшенніи. Предъутренній вѣтерокъ трепалъ занавѣски и шуршалъ бумажными салфетками. Захотѣлось снова зажечь, согрѣться, защититься отъ пасмурнаго утра. Простоволосая, изсине-блѣдная, опершись о плечо всхрапнувшаго сосѣда, Кетти встала, пошатываясь направилась къ серединѣ веранды и остановилась у ступенекъ въ садъ. Сторожа уже выметали окурки, серпантинъ, клочки секретокъ съ любовными строками.

— Лезгинку! — крикнулъ кто-то сиплый изъ сосѣдняго зала. Подслѣповатый старичикъ, мирно дремавшій, разомъ встрепенулся, подоткнулъ грифъ скрипки и фальшиво запиликалъ Кавказскій мотивъ. Все еще чувствуя неувѣренность, Кетти топнула затекшой ногой и пошла въ широкомъ танцѣ, стараясь не попадать въ лужи вина.

Поощрительно кричали въ залѣ: «Таши, Таши!..» На веранду выбѣжали пожилые грузные Армяне, таща за собой мертвѣцки пьяного Кубанца, и одинъ изъ армянъ — мордатый, весь изрытый оспой — такъ поддалъ такта ногой, что на столѣ задребезжали тарелки, а Кубанецъ дико загоготалъ, сѣль на полъ и сталъ стаскивать сапоги.

— Тashi, Тashi!.. — помогалъ своей скрипченкѣ самъ музыкантъ. Армянинъ закрутился, завертѣлся и съ разгона плюхнулся на колѣни шершавымъ носомъ въ руку Кетти — Тashi, Тashi! . .

Дребезжали звонкіе звонки первого трамвая.

* * *

Ни весны, ни лѣта, ни осени. Шесть часовъ, остающихся отъ тяжкаго пробужденія до вечера, она прячеть за сквозными, вѣчно спущенными жалюзи. Гдѣ то за городомъ еще такъ недавно бѣлѣли яблони, а вотъ уже въ октябрьскихъ сумеркахъ мелькаютъ пушинки и мобилизованные семнадцатилѣтніе мальчишки вразбродъ валять съ вокзала къ «воинскому».

Изъ Курска отъ мужа пришла телеграмма: „Ранень, если можешь, прѣзжай“.

На вокзалѣ уже не продавали билетовъ на Курскъ. Армія стремительно катилась назадъ, и взъерошенный, осипшій дежурный по станціи обиженно визжалъ:

— Оставьте глупые вопросы, развѣ я знаю почему? Не продаются, и баста!

Кетти доѣхала до Харькова. На Екатеринославской уже разѣзжали пикеты конныхъ Дроздовцевъ, на верху, на Холодной горѣ, по ночамъ стрекотали винтовки.

И началось для нея безсмысленное, безнадежное хождение по гудящимъ корридорамъ испуганныхъ, ничего не знающихъ штабовъ. Какія-то бурки безъ погонъ шептались въ нишахъ, что все уже конечно. Что Деникинъ телеграфировалъ Ленину, а Ллойдъ-Джорджъ еще кому-то. Какія-то накрашенныя, расфуфыренныя женщины часами задерживали дежурного ротмистра, сыпя имена полковниковъ, корнетовъ, заурядъ-чиновниковъ.

— «Вашъ мужъ въ Новоархангельскомъ — служилъ? О, Господи, отъ полка еще на прошлой недѣлѣ ножки да рожки остались» — хмуро сказалъ знакомый полковникъ. — «А впрочемъ, — попытался онъ утѣшить, — вашъ мужъ вольноперъ, ну такъ нижнихъ же чиновъ они не добиваются»...

На четвертый день въ маленькомъ кафе „Миньонъ“ ее окликнули:

— Киттечка! Вотъ гдѣ Вы! — Рыжій мѣшковатый парень въ англійскомъ фрэнчѣ и кепи широко улыбался и протягивалъ пухлые, короткія руки: — Не узнаете? Нѣть? Вотъ такъ дѣла! Уткина забыла!

— Николай Сергѣевичъ, откуда вы? — Она невольно обрадовалась, такія воспоминанія вызывалъ этотъ «англичанинъ». Послѣднее предреволюціонное лѣто въ Кисловодскѣ она играла съ нимъ въ тен-

нись и каждый вечеръ ъздила за городъ. Однажды, возвращаясь съ замка, онъ на-училъ ее нюхать кокаинъ. Трясіе поворо-ты швыряли экипажъ, весь кокаинъ ссы-пался ей на платье. Уткинъ, добродушно хохоча, прильнуль къ ея колѣнямъ, жадно втягивалъ каждую песчинку и впивался въ легкую кисею своими блѣдными, отвис-лыми губами.

Узнавъ о мужѣ, онъ сокрушенno вздох-нуль:

— Ахъ, Игорь, Игорь, хороший поке-ристъ и выпить не дуракъ. Ну, вы особен-но не вѣрьте, я тоже пріятеля совсѣмъ было похоронилъ, а вчера онъ заявляется и береть взаймы три тысячи...

Вечеромъ они сидѣли въ «Версалѣ», слу-шали «Сильву», топотали въ паузахъ осо-баго для стука фоксъ-трота, безпрестанно чокались и оба рассказывали, каждый о себѣ, перебивая другъ друга. Очень скоро подсѣль какой-то офицеръ, показавшій но-винку — «махновскій» пистолетъ.

«Дѣло очень простое, — тянулъ онъ пьянымъ, вялымъ голосомъ, — у винтовки срѣзано дуло. Представляете, что получа-ется, какое вращеніе. Выходное отверстіе, что твоя суповая тарелка»... Уткинъ отпле-валился и убѣждалъ его въ преимущест-вахъ русского шампанского. Офицеръ не

слушалъ и безпрестанно стучалъ по столу махновскимъ пистолетомъ.

„Еще одинъ, безъ закуски“!.. И скоро на столѣ некуда было локтей положить отъ пузатыхъ, тѣснившихся графинчиковъ.

Прощаясь, Уткинъ задержалъ ея руку въ своихъ мягкихъ, рыхлыхъ лапахъ: «Хорошій вы парнюга, Кетти, жаль мнѣ васъ. Что тутъ торчать — мужа вы не найдете, только харьковскихъ тифозныхъ вшей нахватаете и придется вамъ въ итогѣ свои волосы отрѣзать. Сейчасъ вы прямо съ пик-сафонновой наклейки, тогда въ чепчикъ залѣзете. Нехорошо, а? Знаете что? пока еще ъхать можно, двинемся на прощанье въ Кисловодскъ. Тряхнемъ недѣльку стариной, знаете такъ, а ля фуршетъ, безъ особыхъ смысловъ! . . . Ей Богу, подумайте, дѣло говорю».

Кѣтъ вспомнила о мужѣ, потомъ ей представились грязный, стонущій отъ бѣженцевъ Ростовъ и веселый чистенький Кисловодскъ, гдѣ было столько легкихъ, цѣльныхъ минутъ... Странно, ъхать съ этимъ, въ сущности, малознакомымъ человѣкомъ. Но возвращаться опять... Плевать!

И на завтра они уже протискивались вокзаломъ, прокарболеннымъ, загажен-бнымъ, гудящимъ.

Черезъ часъ замелькали знакомыя станціи. Ихъ курьерскій шелъ полнымъ ходомъ, стараясь до ночи проѣхать районъ, неблагополучный по нападеніямъ Махно.

* * *

Ѣдемъ короткими минутами, собственно не Ѣдемъ, а полземъ, съ силой отрываясь примерзшими къ рельсамъ колесами. Стоимъ-же на каждомъ полустанкѣ, стоимъ длинными, выматывающими часами.

Тщетно посинѣвшіе, продрогшіе люди вбѣгаютъ въ разрушенные, полусожженные вокзалы. Кипятка нѣтъ и не будетъ, дуетъ изо всѣхъ щелей. И въ зіяющія обугленныя рамы видна степь. Степь кругомъ. Покрытая глубокимъ, желто-грязнымъ снѣгомъ. И сколько охватываетъ глазъ, повсюду одна и та-же осточертѣвшая панорама. Горизонтъ въ дымкахъ разрывовъ, а отъ него по сотнямъ направлений дали чернѣютъ караванами обозовъ, вереницами пѣшихъ и конныхъ одиночекъ. Ростовъ оставленъ, за Донъ, въ Кубанскія степи бѣжитъ вся армія, а за ней устремляется двухсоттысячное населеніе. Съ орудіями, сундуками, возами, танками, просто съ котомками они стремятся къ желѣзно-дорожной линіи. И мы стоимъ оттого, что

на каждой верстѣ выдерживаемъ яростныя атаки толпъ, штурмующихъ нашъ поѣздъ.

«Долой дезертировъ! Паникеры и спекулянты могутъ пѣшкомъ идти» — бурлить многоголосое море. Обезумѣвшіе отъ страха и стыда за свой страхъ — офицеры, врываются въ вагоны и выкидываютъ всѣхъ штатскихъ.

«Я секретарь члена особаго совѣщанія». «Къ чорту, довольно насовѣщались», — и господинъ въ дымчатомъ пенснѣ вылетаетъ наружу.

Пять дней я держусь, на шестой больше не спасаетъ гора моихъ охранныхъ грамотъ.

«Документъ не годится», — мрачно заявляетъ папаха и энергично помогаетъ выйти изъ вагона. Мой саквояжъ вылетаетъ еще раньше.

Проклятая «Кущевка»! Мы попали въ скрещеніе двухъ отступающихъ армій. Авангардъ Казачьяго коннаго корпуса на рысяхъ подоспѣлъ раньше Добровольцевъ и начисто вымелъ всѣхъ уцѣлѣвшихъ въ поѣздѣ штатскихъ.

На перронѣ, на станціонномъ дворѣ, на запасныхъ путяхъ груды бросаемыхъ пулеметовъ, двухколокъ, походныхъ кухонь. Освобождаясь отъ всего тяжелаго, казаки наполняютъ вагоны сундуками,

переметными сумами, какими-то ящиками. Рѣчь идетъ о спасеніи добычи двухъ мучительныхъ лѣтъ. Маленький злобный черкесъ кому-то грозитъ кинжаломъ и требуетъ принять въ вагонъ его мотоцикетку и зеркальный шкафъ.

На перронѣ я встрѣчаю дежурнаго по станціи. Онъ идетъ подъ конвоемъ нѣсколькихъ кубанцевъ съ винтовками наизготовѣ и тщетно показываетъ пукъ телеграммъ, приказывающихъ не выпускать ни одного поѣзда внѣ составленной схемы.

Въ залахъ всѣхъ классовъ, въ пакгаузѣ, на телеграфѣ стѣна изгнанныхъ штатскихъ. Кое-кто сумѣлъ уже договориться съ подводами, идвигается дальше по грунтамъ, остальные мечутся въ поискахъ Ѣды иугла для ночлега. Съѣдено все, что можно найти въ пятиверстномъ радиусѣ. Посланые для закупокъ въ дальняя деревни возвратились съ пустыми руками: «за деньги уже не продаютъ»... Толкаются, мечутся, задаютъ все тотъ-же вопросъ: «Какъ дальше отправимся?» Подымаются чудовищные слухи. Господинъ, стоявшій у окошка телеграфа, неожиданно заявляетъ, что Буденный уже въ десяти верстахъ... «Да вы откуда знаете?» Начинается перебранка. Закутавшись въ пледъ,

я безуспешно брожу, стараясь не слышать, не видеть, не обонять...

Спять на столахъ, холмами раскинувшись на мокромъ и грязномъ полу. Стойку буфетчика откупила за 50.000 компаний Таганрогскихъ грековъ. На самой стойкѣ спять дѣти, подъ ней примостились старшіе.

У входа въ дамскую толпа оживленно жестикулирующихъ военныхъ. Среди нихъ знакомый врачъ. Трогаю его за плечо и говорю шопотомъ: «Алексѣй Кирилычъ! Помогите уѣхать въ вашемъ составѣ». Онъ поворачиваетъ искаженное злобой и безсонницей лицо и кричитъ истошнымъ голосомъ: «Чего вы всѣ отъ меня хотите? И всѣхъ васъ вывози и вашу покойницу съ собой бери»...

— Какую мою покойницу?

— Кетти, Кетти, пресловутую! И мертвая головы крутить.

— Что вы раз рассказываете? Какая мертвая?

— А вотъ такая! Изъ Кисловодска ѿхала, по дорогѣ свалилась. Вчера ее съ Кисловодского поѣзда въ сыпнякѣ сняли. Сутки погорѣла и померла. Кажется, точка. Нѣтъ, господа офицеры вдругъ чувствительность проявляютъ, обязательно хо-

тять въ Новороссійскѣ хоронить. Въ Кущевкѣ черноземъ не нравится...

И вырвавъ свою руку, онъ снова вмѣшался въ яростно спорящую толпу.

Черезъ полчаса цѣлой толпой мы двинулись пѣшкомъ въ направленіи слѣдующей станціи. По увѣренію секретаря члена особаго совѣщанія тамъ онъ сможетъ осуществить свои права и всѣмъ намъ помочь.

... Ни въ Новороссійскѣ, ни въ Константинополѣ мнѣ не удалось узнать, гдѣ похоронена Кетти. Полагаю, что Алексѣй Кирилловичъ настояль на своеимъ и она покоится на Кущевскомъ кладбищѣ, въ рыхломъ кубанскомъ черноземѣ, обдуваемая всѣми степными вѣтрами, нордостомъ январскимъ — ледянымъ и снѣжнымъ, нордостомъ іюльскимъ — спертымъ и сухимъ.

О ГЛАВЛЕНИЕ.

	Стр.
Іерихонскіе трубачи	5
Распорядители игры	17
Мексика на Днѣпрѣ	57
Порто-франко	89
Кладбище мечты	115
Пузыри земли	155
Степь бредитъ	179
По воскресеньямъ	211
Кэтъ	229

ИЗДАТЕЛЬСТВО ВЪ БЕРЛИНЪ
„РУССКОЕ ТВОРЧЕСТВО“

издавшее настоящую книгу
выпустило въ продажу:

1. „Повѣсть о И. С. Стратилатовѣ“.
А. Ремизова.
2. „Ё“.
Тибетскій сказъ А. Ремизова.
3. „Лунная сырость“.
Повѣсти 21-го года, гр. Ал. Ник. Толстого.
4. „Езуитушка“.
Книга разсказовъ А. Дроздова.
5. „Отрывокъ изъ мемуаровъ“.
Романъ Е. Ильиной-Полторацкой.
6. „Сказки обезьяняго царя Асыки“.
А. Ремизова. Рис. В. Масютина.
7. „Какъ мы росли въ старинной усадьбѣ“.
Книжечка для дѣтей Е. Ильиной - Полторацкой.

Кромѣ того печатаются:

8. „Записки мерзавца“.
Романъ А. Ветлугина.
9. „Альманахъ Серапіоновыхъ братьевъ“.
10. „Записки Терентія Забытаго“.
Повѣсть А. Аросѣева.
11. „Со Святыми Упокой“.
Романъ Л. Уrvанцова.
12. „Образы расплавленной Москвы“.
А. Ветлугина.
13. „Заря — заряница“.
Дѣтская книга И. Соколова-Микитова.
14. „Сказки“.
И. Пуни. Рисунки К. Богуславской.

Литературнымъ отдѣломъ издательства
завѣдуетъ гр. А. Н. ТОЛСТОЙ.

Buchdruckerei u. Verlagsanstalt „PRESSE“ G.m.b.H.
Berlin SW 19, Leipziger Strasse 59.

Печатано въ Типографіи Общества „ПРЕССЕ“
Берлинъ, Лейпцигъ Штрасе 59.
